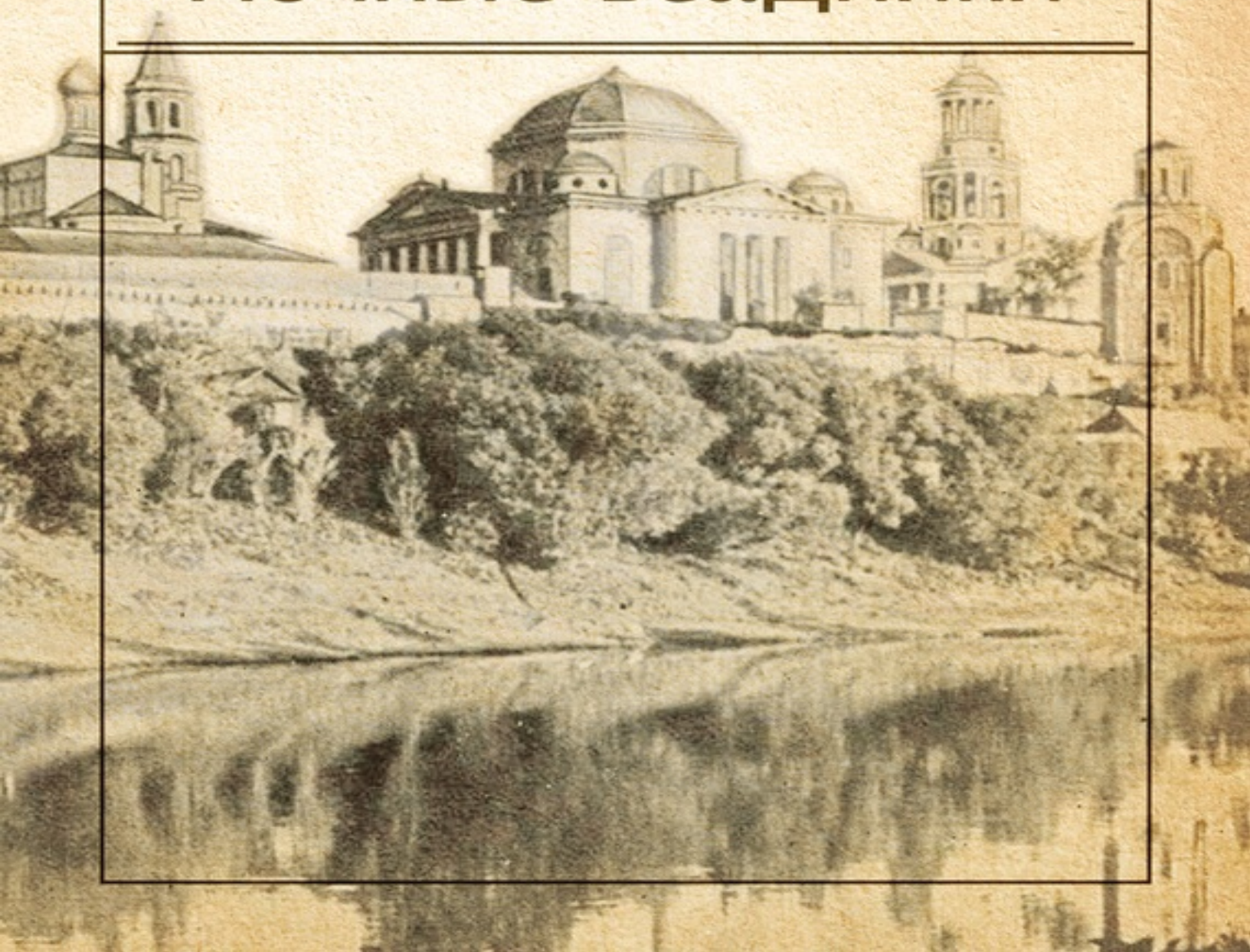

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

Ночные всадники

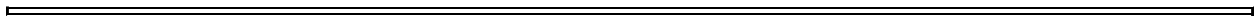

Annotation

Действие повести «Последняя выставка» происходит в Нижнем Новгороде в 1896 году. Открыта XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка. На нее приезжает молодой император Николай Второй. Сыщик Алексей Лыков заведует его охраной и после отъезда государя собирается в отпуск. Но начальство решило иначе. Убит городской, местная полиция не в силах найти злодея. Лыкову поручено дознание. Между тем, убийства не прекращаются... Повесть «Ночные всадники» является продолжением первой. Лыков завершил свое дознание и едет домой. В поезде ему встречается подозрительный попутчик. Ночью он сходит на глухой станции. Сыщик, повинаясь интуиции, тоже покидает поезд и следит за незнакомцем...

- [Николай Свечин](#)
 - [Часть 1](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Часть 2](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

Николай Свечин
Ночные всадники (сборник)

Часть 1

Последняя выставка

Глава 1

Последние приготовления

Лыков сошел с подножки и осмотрелся. Вагон электрической железной дороги взял пассажиров и отправился в обратный путь, к вокзалу. А надворный советник зашагал вперед, к главному входу на выставку.

XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка – важнейшее событие не только для Нижнего Новгорода, но и для всей России. Решение о ее открытии принял еще покойный государь в 1893 году. Сейчас, спустя три года, великое действо было в полном разгаре. Завтра, 17 июля, ожидается прибытие молодого императора. Николай Александрович поселится наверху, в губернаторском дворце, на втором, «царском» этаже. И обязательно посетит за время пребывания в Нижнем два места: ярмарку и выставку. Событие это чрезвычайное, и много возлагает хлопот на охрану Его Величества. Безопасность венценосца – трудное дело. Решается оно лишь сообща, всеми защитными силами государства. Поэтому и Лыков здесь. Надворный советник уже неделю как приехал во главе Летучего отряда Департамента полиции. Отряд невелик: кроме самого Лыкова еще его помощник, губернский секретарь Валевачев, и пять надзирателей. Люди отборные, и надежнее их не найти. Все четыре дня августейшего визита именно они будут последним барьером на пути к государю. Большая честь и большая ответственность. Алексей старался не нервничать: хладнокровие еще пригодится ему. Впереди сумасшедшие нагрузки, когда ни на минуту нельзя расслабиться. Ну и ладно. Как-никак за плечами уже две коронации, опыт есть. Лишь четыре дня! А там отпуск.

Сыщик наизусть выучил секретную программу визита. Первое посещение выставки назначено в день приезда, после представления депутатов. Какие именно павильоны захочет посетить царь, неизвестно. Поскольку он человек военный, то наверняка осмотрит экспозицию Военного и Морского министерств. Никак не сможет игнорировать Кустарный и Сельскохозяйственный отделы. Обязательно пройдет по Центральному зданию. А дальше – куда потащат министры или губернатор. Императрица наверняка заинтересуется Художественным и, возможно, СреднеАзиатским отделами. Кто знает, что еще у нее в голове... На всякий случай, охрана должна быть готова ко всему. Даже если вдруг царственная чета явится на площадку торфодобыывания,

что в лесу за пределами выставочной площади. Поэтому надворный советник намеревался обойти всю выставку и осмотреть ее с точки зрения охраны. В который уж раз...

Еще дома Алексей изучил историю русских универсальных выставок. Их было пятнадцать, и проходили они всегда в столицах: Петербурге, Москве или Варшаве. Завел моду Николай Павлович с целью предъявить достижения хозяйства. Первая после этого выставка состоялась аж в 1829 году, и собиралась она через каждые два-три года. Но грозный царь умер, а его сын не так был увлечен созерцанием витрин. При Александре Николаевиче выставки прошли лишь дважды. Александр Третий учредил только одну, в 1882 году, и с тех пор больше их не созывал. Но та выставка прошла с ошеломляющим успехом и превратилась в национальный праздник. Его захотели повторить. Поэтому за год до смерти государя министр финансов Витте уговорил его. Пора показать стране и миру нынешнее состояние промышленности! И сделать это в Нижнем Новгороде в признание важных его заслуг. На открытии Витте так и сказал: «Державная воля остановила свой выбор на этом городе ввиду выдающегося его экономического значения».

Как нижегородцу, Лыкову было приятно услышать такое. Однако знакомые финансисты дали сыщику другое объяснение, более реалистичное. Ярмарка стала снижать обороты! Неуклонное падение продолжалось уже много лет. В 1881 году, на пике, продали товаров на 246 миллионов рублей, а в прошлом году лишь на 180. Это вредно сказывалось на общем ходе экономического развития страны. И чахнувшую ярмарку решили поддержать выставкой. Кроме показа достижений хотели еще провести Всероссийский торгово-промышленный съезд, на котором соберутся более тысячи тузов всех мастей. Русские буржуа решили напомнить о себе власти. Что ж, дело хорошее... чтобы чиновники не закидали!

Александр Третий, хоть и был уже нездоров, решил поддержать идею и сильно ее толкнул. А могучая энергия Витте доделала остальное. Всего за два года на пустыре, на левом берегу Оки выше Кунавина, был устроен целый город. Площадь его составила 77 квадратных десятин! Это несколько больше, чем у знаменитой Всемирной выставки в Париже в 1889 году, и втрое обширней последней Московской выставки. Удалось собрать 9700 экспонентов! (В Москве было 5318.) Всех зданий, возведенных казной, насчитывается 55, а на средства частных лиц и учреждений – 117. Чтобы обойти их, понадобилась бы целая неделя.

Администрация XVI выставки много внимания уделяла

посещаемости. В Москве шестнадцать лет назад экспозицию осмотрели 1 миллион 77 тысяч 198 посетителей. «Даешь миллион!» стало девизом и нижегородского события. Для гостей из разных городов разработали 183 маршрута, сделали скидку на билеты, а учащих всех заведений, если они в форме, впускали бесплатно. На входных турникетах установили автоматические счетчики, которые подсчитывали количество посетителей. Цифры будто бы еженедельно телеграфировали в Министерство финансов.

Выставка торжественно открылась 28 мая приветственной речью все того же Витте. Нижний Новгород получил из казны миллион на благоустройство, поэтому местная администрация была весьма довольна. Давно «карман России» так не подновляли! Обыватели наблюдали признаки возросшего статуса. Наконец-то открылся Городской театр, место для строительства которого указал еще Николай Первый. Снизу на гору пустили два фуникулера: один возле Гостиного двора, а второй у Похвалихинского съезда. Проложили электрическую железную дорогу считай, что по всему городу. Выстроили две станции: телефонную и для выработки тока. Украсили город зданиями Биржи, Волго-Камского банка и Окружного суда. Перевели в Дмитровскую башню из «Петровского домика» на Почайне историко-художественный музей. Заново побелили весь кремль. Вымостили более 50 000 квадратных саженей мостовых. Реконструировали водопровод, ассенизацию, городские бойни. А сколько гостиниц понаделали! Особенно вдоль Выставочного шоссе. Куда их потом девать, никто пока не думал: ждали наплыва посетителей и больших барышей. Но вот уже наступил июль, а наплыва все не было. Ярмарку специально открыли на два месяца раньше срока, одновременно с выставкой, но и это не помогло. Весь июнь купцы приезжали торговать очень вяло, из рядов едва открылась треть. Набежали, правда, четыреста корреспондентов от разных газет и газетенок, а честных зевак пока немного.

Но вот завтра прибудет государь, и это даст толчок всему, в том числе и росту визитеров.

Лыков этого не увидит, проводит царя – и домой. Сестра с матушкой уже съездили в бутафорский городок, посмотрели, после чего перебрались на дачу. Поэтому надворный советник остановился не у них, а в номерах Ахапкина на Алексеевской. Всего двадцать комнаток, уютных и в меру комфортабельных. Второй этаж заняло МВД.

Помимо Лыкова с его отрядом два номера держали для Зволянского. Директор Департамента полиции прибудет вместе с государем. Но если министра Горемыкина поселят в «Центральной», начальник Алексея

захотел быть поближе к своим людям. Сыщика это устраивало. Все равно будет не до сна. Но ежели вдруг потребуется команда сверху, то близость директора окажется очень кстати. А то набегут Дворцовая полиция, жандармы, Охранное отделение и всякого другого чина и звания люди и начнут лишь мешать Летучему отряду. Тут-то Горемыкин на них и цыкнет. По просьбе департамента...

Так, думая о своем, Алексей добрался до главного входа. Выставка имела их всего три. Правый был со стороны железной дороги. Там выстроили специальную станцию Нижний-Выставка, с багажным отделением и буфетом. Кто приезжал по рельсам, мог, не попадая в город, зайти на территорию отсюда. Левый вход заложили со стороны реки, напротив особой пристани. Сюда приплывали по Оке на специальных пароходах.

Главный же был со стороны Кунавина, откуда ожидался основной наплыв посетителей. Дорога к нему была украшена флагами, по обеим сторонам чуть не сплошной шеренгой тянулись новенькие здания гостиниц. Среди них особенно выделялись два огромных каменных корпуса «Железнодорожной» и оригинальное круглое здание «Европейской».

Вот и главный вход. Два белых портика, по пять турникетов в каждом, стояли по бокам ажурных ворот. Лыков махнул пропуском со своим фотографическим портретом, толкнул турникет и оказался внутри. И в который уж раз, мысленно ахнул.

Выставка представляла собой большой и очень нарядный город, все здания которого блистали новизной и отделкой. Павильоны и павильончики соревновались, кто ярче и необычнее явит себя посетителям. Всюду башенки и купола, флаги и рекламные вывески. Сооружения, конечно, временные, сделаны из сборных конструкций, но выглядят как капитальные. Очень много клумб и скверов с аккуратно скошенной травой. 250 дуговых фонарей, в 10 ампер каждый, освещают вечером все уголки. Четыре пруда радуют глаз. Между скверами проложены дорожки, посыпанные белым песком; площадь всех дорожек 60 000 квадратных сажень! Всюду вывески: «Курить воспрещается» и «Остерегайтесь карманных воров». А еще буфеты пивоваренных компаний, киоски по продаже воды и кваса и три первоклассных ресторана. Скучно не будет!

Зрительно большие корпуса группируются вокруг так называемого Центрального здания. Оно играет роль ядра. За границей такие корпуса называют дворцами промышленного труда. Больших павильонов всего два

десятка. Между ними, как миноноски между линкорами, рассыпаны тут и там павильоны помельче, многие из которых изготовлены частными фирмами для демонстрации своих товаров.

Выставка открывается большим белым обелиском. На постаменте его помещены надписи с цитатами из царских указов. Венчает памятник государственный герб. Затем полукруг из изящных колонн предваряет главный пруд. Вытянутый с запада на восток, он украшает эту часть выставки и создает вид загородного парка. По зеркальной глади пруда плавают лебеди, в середине бьет высокий фонтан. Говорят, при максимальном напоре его высота составит 60 саженей! Врут, конечно. Но вид впечатляющий. Чем не Версаль? Лыков, правда, не видел Версаля, но, кто посещал, утверждали, что похоже... А еще водоем вмещал 700 000 ведер воды и служил пожарным резервуаром.

Справа от пруда привлекает взор одно из самых красивых строений выставки – Средне-Азиатский павильон. Главный купол, выложенный по образцу самаркандских древностей, окружают башенки-минареты с полумесяцами наверху. В боковые павильоны помещены кочевые кибитки и юрты, и такие же окружают все здание. Окна в мавританском стиле, орнаментальная резьба – все изящно и обличает хороший вкус архитектора. Профессор Померанцев не ударил в грязь лицом.

От группы азиатцев Лыкову приветливо помахал рукой стройный загорелый офицер. Это был капитан Скобеев, полицмейстер туземной части Ташкента. Он привез на выставку по поручению туркестанского генерал-губернатора оркестр восточных инструментов. Помимо всего прочего, Иван Осипович являлся доверенным Алексея в части поставок леса из Варнавинского уезда. Поэтому приятели уже посидели в ресторане, подбили баланс и выпили изрядно водки. Два года назад судьба свела их вместе в Средней Азии^[1]. Там погибло несколько русских. Полиция не могла найти убийц. Лыков, тогда частное лицо, против своей воли оказался втянут в дознание. После рискованных приключений он вернулся на коронную службу. А Скобеев остался в Ташкенте. Ему обещали за немалые подвиги чин подполковника, но так и не дали – воспротивился военный министр. А главный «толкач», престарелый инженер-генерал Тринитатский, вскоре умер. Теперь Иван Осипович, по-прежнему капитан, ждал приезда государя. Вдруг тот захочет послушать нагару или чыджак?^[2] Скобеевский оркестр няяривал с утра до вечера. Русскому уху слушать эту какофонию было не вмоготу. Ничего музыкального: однообразное гудение, рев трубы и дробь барабанов... Зато чувствовалась подлинная Азия! После

отъезда Его Величества полицмейстер намеревался вернуться в Ташкент к исполнению обязанностей. Две тысячи рублей полугодового комиссионерского вознаграждения грели его карман. Продажа лыковского леса шла бойко и давала хорошие барыши. Стороны расстались довольные друг другом.

Слева от пруда белеет Художественный павильон. Нарядное здание спроектировано тем же Померанцевым. Лыкову говорили, что ажурным куполом оно напоминает знаменитый Флорентийский собор. Сыщик и там не бывал, потому судить не мог. По фасаду павильон украшен скульптурами, и много скульптур внутри. Из последних посетителям более всего нравится «Русалка» Бондаревского – смазливая нагая бабенка с рельефными достоинствами. Но много и серьезной живописи, как академиков, так и передвижников; есть и гравюры, и медальерное искусство. На выставке имеются также два отдельных павильона. В первом демонстрируется огромное полотно «Воззвание Минина» работы Константина Маковского, во втором – панорама «Взятие аула Ахульго» кисти профессора Рубо.

Пруд упирается в самое большое строение всего городка – Центральное здание. Это такое гигантское кольцо, у которого внешний диаметр 150 саженей, а внутренний 80. В кольце сделано 8 вырезом трапециевидной формы – просторные дворы. Площадь корпуса – 7675 квадратных саженей! Внутри круга цветник, и в нем веранда, на которой ежедневно играет оркестр лейб-гвардии Преображенского полка. Огромный разборный корпус из стекла и железа остался от Московской выставки 1882 года, после которой не нашел применения. Сейчас его заново собрали и нашпиговали экспозитами. Основные участники принадлежат к четырем отделам: Горному, Фабрично-ремесленному, Художественно-промышленному и Отделу изделий из волокнистых веществ. Алексей не сразу сообразил, чем Художественный отдел отличается от Художественно-промышленного. Ему объяснили, что в последнем расположены ювелирные изделия, фарфорово-фаянсовые, резные из дерева и кости, предметы женского рукоделия и прочее.

В Центральном здании выставлены тысячи образцов. В их числе, например, золото и платина, все виды соли, нефть и нефтепродукты, асфальт, шелк, пенька, басоны, нитки, ткани, меха... Очень красивы установки^[3] ювелиров: Фаберже, Хлебникова, Овчинникова. Больше всего, конечно, тканей, они начинаются сразу от главного входа. В Фабрично-ремесленном отделе – столярное и портняжное дело, мебель, часы, обувь, платье... А самоварное царство! Фирма Аленчикова и Зимина выставила

огромный самовар на 20 ведер, около которого всегда стоит толпа зевак.

После самоваров и гнутой мебели начинаются ажурные витрины металлургических уральских заводов. Их сменяют изделия польских цинкопромышленников и образцы кавказского марганца. Илецкие соледобытчики показывают высеченный из соли храм-беседку И вообще, чего тут только нет! Чтобы обойти все здание, одного дня недостаточно. Государь непременно захочет заглянуть сюда. Отделом волокнистых веществ заведует сам Савва Морозов, он не пропустит случая обратить на себя августейшее внимание. Поэтому сыщик в очередной раз пробежался по корпусу, осматривая выходы и потайные места.

Напротив разреза доменной печи, что в отделе горного дела и металлургии, ему встретилась группа начальников. Впереди шествовали нижегородский губернатор Баранов и генеральный комиссар выставки Тимирязев. Эти два человека тащили весь воз и больше других потрудились для успеха дела. Тоже ждут государя, тоже волнуются! За ними семенила свита. Городской полицмейстер Яковлев о чем-то спорил с полицмейстером выставки бароном Таубе. Начальник ГЖУ^[4] полковник Куртьянов шел мрачный, а ему бубнил в ухо брандмейстер Щигельский. Последним шагал коллежский советник Савич, правая рука Тимирязева, главный его помощник. Савич – человек живой и общительный, но немного нервный. Седой как лунь (хлебнул горя в турецком плену). С тонкими чертами лица, с лучистыми глазами, Илья Никитич нравился сыщику. Они общались по службе, не очень сближаясь: дела у них были все же разные, но оба чувствовали какое-то притяжение друг к другу. Оба в молодости «били турку», только Алексей делал это удачнее.

Сейчас Савич подвинулся умом на посещаемости и каждый день ходил проверять билетеров. Говорили, что он дал слово Витте обеспечить явку в миллион. Служащие администрации за спиной коллежского советника посмеивались над этим, но в глаза лебезили. Уж очень горяч и у начальства на первом плане. Тимирязев и даже министр финансов доверяют ему самые важные вопросы.

Алексей посторонился, пропуская колонну. Баранов на ходу пожал ему руку, и остальным пришлось сделать то же самое.

– Вечером жду на совещании, – буркнул губернатор, не останавливаясь.

У Лыкова с генерал-лейтенантом Барановым были сложные отношения. Пятнадцать лет назад тот недолго служил градоначальником Петербурга и немало успел начудить на этом посту. Герой Русско-турецкой войны, кавалер Георгиевского креста, прославился боем парохода «Веста»

с турецким броненосным корветом «Фетхи-Буленд». История подвига была темная, моряками скрываемая от общественности. Благово, учитель и наставник Алексея, сам в прошлом служил во флоте. Он сразу заявил ученику: нет никакого подвига! А есть очковтирательство. «Веста» просто удачно сбежала с поля боя, но ловкач Баранов выдал это за победу. Потом случилась глупая стычка в гимнастическом зале, когда Алексей невежливо бросил градоначальника на ковер... Баранов затаил неприязнь и на Павла Афанасьевича, и на его могучего ученика. Пройдя через архангельское губернаторство, он угодил в Нижний Новгород и сидел на этой должности уже давно. Визит государя давал Баранову надежду, что о нем вспомнят при Дворе. Генерал-лейтенант чудил и здесь: порол на ярмарке буйных купцов, боролся экспрессивными методами с холерой. Лыкова он по старой памяти терпеть не мог. Вдруг в последнюю встречу все изменилось. Приехав в Нижний, Алексей сразу пошел представляться хозяину губернии. Тот соорудил было козью морду, но увидел на мундире гостя новую награду. Это была медаль «В память царствования императора Александра Третьего», только что учрежденная. Лыков, как столичный человек, уже успел ею украсить; в провинцию она пока не дошла. Губернатор стал крутить медаль в сильных пальцах и аж причмокивал.

– Вам уже выдали, – сказал он с завистью, – а нам шиш!

– А вот и нет, Николай Михайлович, – ответил сыщик. – Я облечен приятной обязанностью передать такую же награду вам, лично от министра. Вот извольте получить. Здесь одна особо лежит, а еще десять штук ближайшим помощникам на усмотрение вашего превосходительства.

Баранов развернул сверток, тут же нацепил медаль и побежал к зеркалу. Человека словно преобразили! Он потребовал из приемной коньяку и заставил гостя выпить, обмыть отличие. Больше же всего губернатора радовала возможность наградить своих подчиненных. И это Алексею понравилось. Явились правитель канцелярии Харлампович, старший советник губернского правления Парфенов, помощник губернатора Есипов. Начальник вручил им медали на красной александровской ленте и каждому с чувством пожал руку. Да, в провинции такие маленькие радости весят больше, чем в столицах... После этого эпизода Баранов изменил отношение к Лыкову на доброжелательное. Опять же, и дело, которое поручено надворному советнику, особое! Случись что, именно он подставит грудь за государя. Как уже поступал раньше. Взаимоотношения Лыкова с нижегородцами сразу улучшились.

Алексей долго бродил по бесконечным коридорам Центрального здания. Там одних входов восемь штук! Некоторые замечания

по безопасности он записывал в блокнот. Например, в Фабрично-ремесленном отделе Алексей заметил стенд сиропитательных домов, приютов и колоний, позади которого отгорожен занавеской целый угол, незнамо зачем. Бесхозный, никому не нужный закут – а там удобно спрятаться. Надо будет поговорить о нем с полицмейстером Таубе.

Сыщик вышел наконец наружу и отправился на левую сторону. И едва не попал под коляску. Крепкий молодец усердно толкал ее перед собой, разгоняя прохожих. В коляске наподобие инвалидной развалился рыхлый купец. Такие устройства впервые появились на предыдущей выставке в Москве, и теперь их завели в Нижнем Новгороде. Площадь экспозиции большая, многим лень осматривать ее пешком. Но услуга приживалась плохо. Алексей в Японии ездил на рикшах, и ему тоже было неловко. Противно русскому духу передвигаться на людской тяге...

Вот и главный корпус Фабрично-заводского отдела. Популярное место! Бросаются в глаза пищевые продукты, а также пиво, вино, табак и сахар. Следом выставлены мука, крахмал, аптечный и химический товар, парфюмерия, свечи, мыло. Замыкают экспозицию бумажное, щетинное и кожевенное производства. Мужчины, конечно, льнут к виноделам. Их приехало немало: 92 экспонента с продукцией виноделия и 109 – винокурения! Шустов выстроил из своих коньяков триумфальную арку. И дает всем пробовать... Другие участники тоже интересны. Одесский сахарный завод поражает всех гигантской сахарной головой. Она равна по весу трехминутной выработке всего завода. Впечатляет! Есть и недостатки. Убранство многих частных установок, например, оставляет желать лучшего: дорого, пестро и безвкусно.

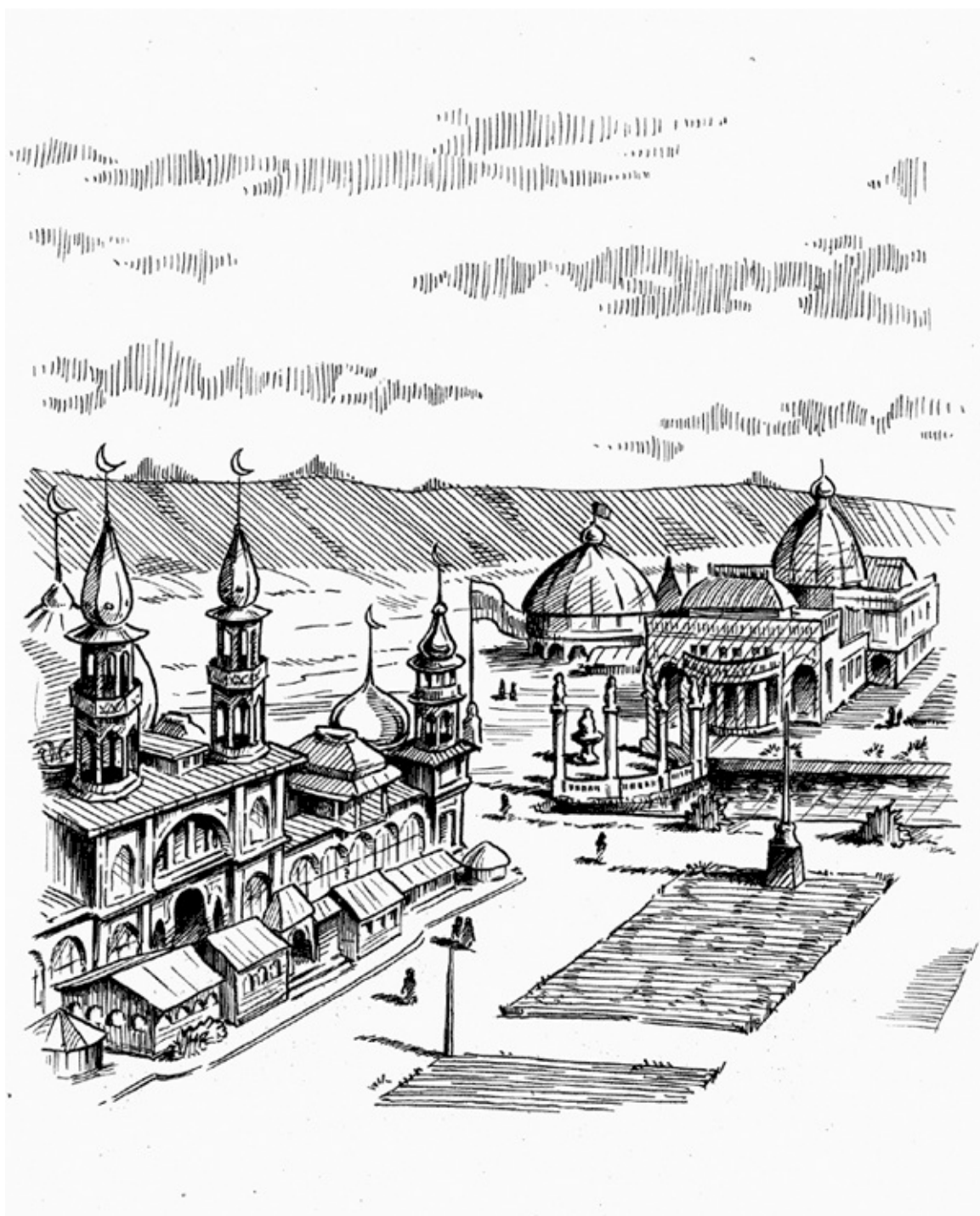
Рядом с главным приткнули дополнительный Фабрично-заводский корпус. Он необычной эллипсообразной формы, внутри выставлены преимущественно экипажи.

Путь к корпусу лежал мимо сладко пахнущих домиков товарищества сыновей Абрикосова. Перед эллипсом совершал свои обычные эволюции бензиномотор. Первый русский самодвижущийся экипаж! Наверняка покажут государю. Изготовили его отставной лейтенант флота Яковлев и горный инженер Фрезе. Говорят, на хорошем шоссе мотор разгоняется до двадцати верст в час! Алексей познакомился с инженером, узнал цену. Полторы тысячи рублей – не так уж и дорого. Купить и гонять потом на нем по Варнавину, пугая коров... То-то Титус обрадуется. По Петербургу сейчас ездят четыре таких, но все они германского производства. Некоторые говорят, что скоро двигатель на бензине вытеснит лошадь. Совсем с ума соскочили...

Алексей поравнялся с квадратным павильоном водолазного дела. Сюда государь вполне может зайти! Внутри большой железный бак, полный воды, с окнами в стенках. Через них каждый час можно наблюдать, как военные моряки в медных шлемах гуляют по дну. А справа от Фабрично-заводского расположились Военный и Морской отделы выставки. Никто мимо них не пройдет! Здание работы академика Котова напоминает своими угловыми башенками русские кремли. На задах разместился воздухоплавательный парк, и болтается в воздухе аэростат. У входа установлена новейшая миноноска длиной в одиннадцать сажень, водоизмещением в тридцать тонн. Доставили ее сюда по железной дороге, а от рельсов до павильона волокли на полозьях 350 мужиков. На миноноске дневальный регулярно отбивает «склянки».

В морской половине много чудес. Выставлен сварной паровой котел без единой заклепки, или модель ботика Петра Первого. Лежит пушка, выдержавшая на испытаниях 6000 выстрелов и по-прежнему пригодная для стрельбы. По боковому фасаду разложено несколько орудий Обуховского завода, и самое тяжелое из них, двенадцатидюймовое, весит 2600 пудов!

Не менее интересна и сухопутная половина корпуса. Она тоже украшена пушкой, на этот раз береговой девятидюймовой мортирой. Рядом притулился семипудовый снаряд. Еще дальше пять живых лошадей будто бы перевозят разобранное на части горное орудие. Как не хватало русской армии на Кавказе таких усовершенствований! Еще Лыков с завистью смотрел на хирургические приборы в эбонитовых колодках, производства инструментального завода Военного министерства. Эбонит – антисептик, и такие мелочи очень важны в полевых условиях. Бывший солдат вдоль и поперек излазил весь отдел. Изучил даже приборы для бактериологического исследования воздуха и аппарат для открытия ядов. А что? На войне пригодится! Определение ядов ему и как сыщику было интересно. Надо рассказать Зволянскому – пусть департамент купит одну установку! Можно в складчину с градоначальством...

Еще на стендах лежали предметы вещевого довольствия войск, образцы сухарей и консервов, тюки прессованного сена (важная новинка). Привлекала всеобщее внимание и модель «опасной мастерской» порохового завода. Долго всякий раз Алексей простаивал и возле рельефной карты Русско-турецкой войны 1877–78 годов. Разглядывал

речку Ликуа, которую сто раз переходил вброд, отправляясь по ночам за «языком». Или Столовую гору, на которой получил удар кинжалом... А когда выходил наконец на улицу, задирает голову и глазел на башню военно-почтовой голубиной станции. Расположенная на крыше павильона, она вмещала 125 пар голубей, специально обученных полетам в сторону Москвы. Держись, враг!

После Военного и Морского отделов следовало определиться. Куда теперь? На всякий случай надворный советник облазил почти все крупные здания левой части выставки, и часть мелких. Не пошел только в бараки Красного Креста и в Научно-учебный корпус. Не стал он тратить время и на Царский павильон. Резное красивое здание, тоже работы Померанцева – сюрприз императорской фамилии от устроителей. Захотят августейшие гости отдохнуть, а у них на выставке собственный дом. Изнутри он великолепно отделан. Кабинет императрицы особенно хорош, вся мебель в нем изготовлена в стиле Людовика XV. У входа новинка: электрические часы. На втором этаже кухня с электрической плитой! Есть собственная башенка со смотровой площадкой. Вокруг павильона специально не стали возводить высокие корпуса, поэтому вид с площадки был вполне панорамный. Рядом с кухней служебные помещения. Людям из Летучего отряда там отведена комната, и специально для Лыкова поставлен диван. За четыре дня высочайшего пребывания в городе запланировано два посещения выставки – вот диван и пригодится...

Разобравшись с левым флангом, сыщик по большой дуге стал переходить на правый. Он игнорировал павильоны плодоводства и птицеводства, не заглянул и в поселок огнеупорных построек. Можно было бы сесть на трамвай и доехать до Кустарного отдела с ветерком – выставка имеет собственную электрическую дорогу длиной три с половиной версты. Линия русская, фирмы «М. М. Подобедов и К», проезд стоит пятачок, а после семи вечера – гривенник. Она уникальна.

Прочие линии опутаны воздушными проводами, по которым подается ток. На выставке такие провода очень испортили бы внешний вид, и Подобедов от них отказался. Его вагоны питаются от провода, положенного в подземный канал. Такое устройство втрое дороже, чем воздушная канализация! Зато не ухудшается обзор. Дорога Подобедова снабжается от собственной электростанции.

Еще две линии пущены в городе. Самая длинная, четыре с лишним версты, тянется от главного входа выставки через Московский вокзал и ярмарку на правый берег Оки. Ее обслуживает «Сименс и Гальске», и берет десять копеек. Третья тянется от плашкоутного моста до Скобы,

а потом возникает наверху, соединенная фуникулером. От кремля она доходит по Большой и Малой Покровкам аж до Смирновского сада. Здесь по другому фуникулеру можно опять спуститься вниз и вернуться на выставку. Очень удобно! Эта линия принадлежит фирме «Р. К. фон Гартман и К», и она самая дешевая: пятак в первом классе и три копейки во втором. Полицейские и почтово-телеграфные служащие могут ездить в вагонах бесплатно, но не более чем один человек зараз. Пока электрическая дорога мало популярна, и особой давки нет. После отъезда государя администрация ожидает резкого роста посещаемости и ярмарки, и выставки. Вот тогда в вагон не влезешь... Городские линии, конечно, обезображены воздушными проводами, но тут ничего не поделать. Иначе проезд станет людям не по карману.

Алексей дошел до главной оси выставочного городка. Два корпуса Сельскохозяйственного отдела никак нельзя было пропускать. Вместе с государем прибудет министр сельского хозяйства и государственных имуществ Ермолов. Он не позволит самодержцу пройти мимо своих экспонентов. А их 750! Одних только скотных дворов под огромными навесами четыре, а еще птичники, пасека, теплица, образцовые огороды. Есть даже червоводня с коллекцией шелкопрядов. В центре первого павильона стоит большая конструкция. Это уменьшенная в миллион раз копия того огромного закрома, в который условно помещается весь русский урожай хлеба. Основание такого закрома, существуй он на самом деле, насчитывало бы двенадцать десятин, а высота – верста! В прошлом 1895 году собрано 2,5 миллиарда пудов зерна. Непременно покажут такую диковинку государю. Во второй павильон вряд ли заглянут. Там почвоведение, мелиорация – все скучные материи. Сельскохозяйственные машины? Подумав, сыщик вычеркнул и это здание. Забраковал он и павильон коневодства. Сейчас, в июле, там рабочие и упряжные лошади. Государь, по слухам, к ним равнодушен. Есть еще косяк – огромный загон для табунных лошадей, но пока он пустует. Павильон птицеводства? Живописное здание по проекту академика Лазарева-Станицева видно издалека. Ну куры, индейки, певчие птички... Нет на них времени! Отдел садоводства и огородничества? Там все вызреет лишь к августу. Вот куда следует сунуть нос, так это в корпус охотничьих, пушных и рыбных промыслов. Во-первых, Россия съедает в год 70 миллионов пудов рыбы! Важнейшая статья питания в стране с таким количеством постных дней. Во-вторых Его Величество сам охотник и мимо не пройдет. В-третьих, какое здание! Академик Бенуа очень необычно облицевал его портал берестой, вышло красиво. Потом, внутри восемь

больших аквариев с рыбой всех сортов. Самый крупный аквариум длиной в шесть аршин, и в нем скучает белуга. Говорят, ее съедят в день закрытия...

В правой половине этого же павильона помещается отдел лесоводства. Лыков имел там личный интерес. Среди двухсот экспонентов отдела есть и Нефедьевская дача. Пока имение представляет помощник управляющего Рукавицын. Евлампий Рафаилович все так же деятелен и является надежным подкреплением Титусу. Когда ярмарка заработает в полную силу, его сменит Ян.

Образцы строевого и поделочного леса сложены во дворе, для глаз посетителей. Титус списался с углепромышленниками, что явятся на выставку, и собирается проникнуть нефедьевским лесом в Донбасс.

Следующий павильон, в который гости непременно зайдут – Кустарный. В России семь миллионов кустарей, в шесть раз больше, чем фабрично-заводских рабочих. На пятистах саженьях корпуса выставлены предметы труда из 37 губерний, всех экспонентов почти три тысячи. Из них 1200 человек представляют сами себя. Сидят и что-то клепают... Дня не хватит, чтобы всех обойти! Можно предположить, что особое внимание Их Величества уделят витрине Нижегородского земства. И из вежливости к принимающей стороне, и по размеру экспозиции.

Куда дальше? Понятно куда... В свите будет еще один министр, путей сообщения, князь Хилков. Он непременно потянет высоких гостей на север, к своим паровозам. Выпускник Пажеского корпуса и гвардейский офицер уехал в Америку, где прошел весь путь от кочегара и машиниста до директора дороги. Помахал князь лопатой и в России. И сейчас, конечно, захочет блеснуть мастерством на глазах государя. Значит, пройдут в Строительный и инженерный отделы. Он состоит из двух прямоугольных зданий, соединенных посередине круглым. Весь комплекс сам по себе является чудом технической мысли. Крыши на нем сделаны без стропил, по системе инженера-механика Шухова. Просто натянутая висячая сетка, покрытая листовым железом. И ничего, не падает... Круглый павильон устроен специально для размещения паровозов. Внутри поворотный круг, от которого расходятся радиусом 16 путей. Коллекция подвижного состава занимает полторы версты нормальной колеи! Это не считая узкоколейного состава. А под навесами выставлены пассажирские вагоны. Среди них, как памятник старины, показывают личный вагон императора Николая Первого.

Куда еще потащит государя Хилков? Могут заглянуть, например,

в корпус морского и речного судоходства, но вряд ли – там скучновато. А вот здание Волжско-Каспийского пароходства не минуют: уж очень оно красиво, одно из лучших на всей выставке. Внутри установлены две яхты – «Верейка» и «Плезир». Эти исторические корабли выстроены еще Петром Первым, а резьбу на «Верейке» делал лично великий преобразователь.

Что еще обязательно посетит Его Величество? Конечно, Машинный отдел. Он самый приметный, вверх вытянулись пятнадцать саженей железа и стекла. Гигантская овальная крыша переливается на солнце разноцветными огнями. Внутри собственная котельная на восемь котлов, от которой питаются три огромные паровые машины. Те, в свою очередь, приводят в движение все экспозиты отдела. Вдоль главного корпуса проведены два ряда передаточных валов, которые тоже являются отличным образцом. В отделе всегда шумно, долго там августейшие гости не продержатся, но зато интересно!

Так... Водонапорная башня Бари. Хотя правильнее сказать Шухова. Газетчики окрестили ее «наша Эйфелева башня». Тоже пятнадцать саженей в высоту, а сделана из ажурного железа! Наверху резервуар на 10 000 ведер воды, плюс смотровая площадка. Туда всегда очередь из зевак. В пасмурные дни с башни через «волшебный фонарь» проецируют на облака объявления и рекламу. Полезут наверх Их Величества? Вряд ли. Государыня не захочет, чтобы снизу кто-то заглядывал ей под подол. Опять же, в Царском павильоне у них есть собственная обзорная вышка.

Следующий павильон, который на подозрении у Лыкова – Сибирский. Академик Бенуа спроектировал его в виде огромной крестьянской избы. Рядом поставлены остяцкая юрта и якутский чум. Бог бы с ними, но внутри павильона очень красивый грот из самоцветных камней, с бюстом государя. По заказу Кабинета Его Величества грот изготовила Екатеринбургская гранильная фабрика. Установка вышла необыкновенно живописная, и от посетителей нет отбоя.

Наконец, рядом стоит павильон Общества китайских чаоторговцев с необычными круглыми окнами. Он выстроен в виде пагоды и набит образцами привозной и отпускной торговли России с Китаем и Японией. Большинство товаров, конечно, вне конкурса, как сфабрикованные за границей. Кажется, все. Уф...

Лыков вернулся к Средне-Азиатскому павильону, откуда начал обход и сел передохнуть. Вот он и просмотрел все, что может заинтересовать царскую чету. Или не все? Молодая государыня, говорят, анемичная особа и не любит толпу. Но что-то и ей нашепчут на ухо. Например, перед павильоном лесоводства стоит красивый цветник Иммера – трудно пройти

мимо. Или в отделе Крайнего Севера живут ненцы в национальных костюмах, а в гроте с бассейном обитает ученый тюлень. Он по команде сторожа говорит лающим голосом «папа», «мама» и «ура!». Как не поглядеть? В Азиатском корпусе устроен восточный базар, в котором подают чай и лимонад; пространство красиво убрано коврами и всякими древностями. А в отделе народного образования показывают церковь-школу из рубленых бревен. Она очень изящна и выстроена в два этажа. Внизу спальни учеников и квартира учителя. Наверху собственно храм, четыре класса и библиотека. Хорошо, конечно, Синод нафантазировал, но в жизни такое чудо представить трудно...

Или взять павильон донецких углепромышленников. Он выполнен в виде горы из настоящего антрацита, в которую врезается штольня. А Департамент уделов? По крыше его стоят статуи зубров, и чучело настоящего зубра помещено внутри. Царская охота! Только государю дозволяется бить этих зверей. Он лично решает, кого позвать с собой в Беловеж, и попасть туда – высшая честь в империи. Возле павильона высажены фруктовые деревья, и среди них виноград. Он, конечно, предварительно выгнан в теплицах. Гроздья уже довольно крупные; как знать, вдруг он и вызреет под нижегородским небом? Лыков каждый день отщипывал по ягоде. Ему казалось, что плоды становятся все слаще и слаще...

Есть еще павильон ведомства императрицы Марии, красивый терем о двух шатрах по проекту художника Григорьева. Там, конечно, скука смертная, но венценосные особы по статусу обязаны его посетить. Записываем!

Утомившись без пива, Алексей зашел в буфет Жигулевского товарищества. Там в углу сидели Савич и старший билетер Лугвенов. Коллежский советник что-то выговаривал собеседнику, а тот молча слушал.

Опять стружку снимает с подчиненного! Лыков знал, что Лугвенов и Савич однокашники и были в юности приятелями. Когда чиновнику понадобился для контроля доверенный человек, он вспомнил о друге молодости. По роду службы сыщик изучил формуляр старшего билетера. Потомственный дворянин, а стоит на входе! Неприятно. Не от хорошей, знать, жизни принял он такое предложение. Есть дельцы, что поднимут человека из грязи, а потом требуют чуть не сапоги за это целовать. Не из них ли господин Савич? Лыков хотел спрятаться в углу. Однако чиновник кивком головы отпустил Лугвенева и призывно махнул надворному советнику рукой. Пришлось подсесть к нему.

– Поздравляю!

– С чем же, Алексей Николаевич? Уж не с тем ли, что ожидаются ливни и публика совсем перестанет к нам ходить?

Действительно, место для городка было выбрано на болотистой почве, и после каждого дождя выставка обильно покрывалась грязью.

– Ну, дожди пройдут. Но ярмарка перевалила за обычный срок открытия! Позавчера было 15 июля!

– Ну и что? Говорят, ряды и сейчас полупустые! Нам от нее не будет никакой пользы.

– Вы ошибаетесь, Илья Никитич. Завтра приезжает государь! Он непременно пройдет и по ярмарке. Поэтому главные тузы все уже здесь, в Нижнем. Они не упустят возможность представиться Его Величеству. А с ними свита, приказчики, доверенные, стряпчие, да и просто зеваки. Сейчас ваше дело получит мощный толчок!

– Вы полагаете? – с надеждой спросил Савич.

– Я не полагаю, я знаю. За последнюю неделю в город приехало огромное количество гостей! И не забывайте, что говорите с нижегородцем, который три ярмарки был тут помощником начальника сыскной полиции.

– Да, я и забыл об этом! – воодушевился помощник комиссара. – Значит, все скоро наладится?

– Непременно! Нет лучше рекламы, чем августейший визит. Заготовьте побольше билетов!

– А сколько дней пробудет здесь Его Величество? Успеет ли он заехать к нам не один раз, а, к примеру, два?

– Он точно будет дважды, – сказал Лыков, понизив голос. – Но мы допускаем, что не исключен и третий приезд.

– Ух ты!

– Об этом я вам и толкую! Витте пользуется полным доверием и своего не упустит. Такое событие! Выставки не было, считай, пятнадцать лет. За прошедшее время наша промышленность удвоилась. Обязанность государя подчеркнуть это своим особым вниманием. Так что идите и готовьтесь к давке в ваших турникетах.

Савич убежал окрыленный. «Мне бы его заботы», – подумал сыщик. Кое-как перекусив, он разложил перед собой план выставки и еще раз внимательно его осмотрел. Так. Дворцы промышленного труда – более-менее понятно. А какие частные павильоны привлекут внимание императорской четы? Их тут целая куча, домиков-пряников. Нефтепромышленники оборудовали свои павильоны настоящими вышками. А у братьев Нобель даже показывают фрески с видами бакинских промыслов. Правда, почему-то за деньги^[5]. Есть коптильня

для рыбы, демонстрируется в действии. Перед фасадом Фабрично-ремесленного отдела в ряд выстроились аж девять павильонов колокольных заводов и наяривают день-деньской. Все уже сведено в готовые колокольни, с подбором звонов. В урочные часы делаются испытания, и тогда лучше держаться отсюда подальше. Промышленник Финляндский выставил колокол в 1010 пудов. А его главный конкурент Оловянишников – в 1040! То-то звону...

Имеются и курьезные экспоненты. К примеру, мыловар Жуков выставил в своем шкапу отлитые из мыла бюсты последних четырех императоров. И, кстати, очень похожи! А позади птицеводов расположился кремационный клозет-генератор для сжигания экскрементов по системе полковника Труханова. Делать, видать, нечего полковнику; лучше бы службу нес... Ну, туда государь не пойдет, а вот в винные павильоны запросто. Пропустить стаканчик. Таких, чтобы заинтересовали Его Величество, всего три или четыре. Ну, само собой, знаменитый Елисеев. Потом князь Голицын со своим шампанским. Генерал Анненков с азиатскими винами. В павильоне Департамента уделов тоже могут налить.

Насчет пива – вроде бы Николай Александрович его не любит. Однако у Калинкина выставлена огромная бочка в пять тысяч ведер – вдруг захочет поглядеть?

Прикинув примерный маршрут Их Величеств, сыщик наложил его на схему постов выставочной полиции. Плохо, конечно, брать такие документы в пивную, но тут пусто, а кабинета у Лыкова нет. В номерах Ахапкина можно работать лишь по бумагам, а здесь все на виду. Появился вопрос – пошел и проверил.

Через час Алексей закончил начатое дело. Он решил попросить Таубе передвинуть три поста. На выставке 460 городских: кажется, мышь не проскочит. Но расположение постоянных и подвижных постов сделали равномерным, а это ошибка. Вопрос только, согласится ли с этим полицмейстер.

Подполковник фон Таубе приехал в Нижний Новгород из Пермской губернии, где занимал должность екатеринбургского исправника. Лыков внимательно изучил и его формуляр. Вероисповедания лютеранского. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище, в сентябре 1864 года произведен Высочайшим приказом в прапорщики. Алексею в это время едва стукнуло семь лет... По собственному желанию перевелся в пограничную стражу. Служил в Вержболовской бригаде, потом

в Таврической. За отлично-усердную службу награжден денежной выдачей в триста рублей... Потом перевелся снова, на этот раз в Варшавское генерал-губернаторство. Назначен начальником земской стражи и полицмейстером Плоцка. Тут у него служба шла успешно: две благодарности от губернатора за энергию по должности. Произведен в ротмистры за отличие. Потом из Польши переметнулся на Урал, и опять все в ажуре. Уволен из военного ведомства для определения к статским делам с производством в подполковники. Исправник и одновременно директор Екатеринбургского тюремного отделения. Пожалован бриллиантовый перстень с вензелевым изображением имени Его Высочества Великого князя Михаила Николаевича во время пребывания его в городе, за отличную распорядительность. Объявлена благодарность губернатора за примерный порядок во время пребывания уже двух великих князей, Сергея и Михаила Михайловичей. Умеет принимать важных особ! За это, надо полагать, и назначен на выставку с должности помощника нижегородского полицмейстера. Правда, полицмейстер выставки – место временное. И штат городских тоже набран на временных основаниях. Таубе, строго говоря, не полицмейстер, а исправляющий должность. В октябре, когда все закроют, он вернется к своим прежним обязанностям. Если начальство останется довольным... Так что посты Александр Александрович согласится переместить. Ведь случись что, не сносить головы. Да и кто станет спорить с представителем Департамента полиции в вопросах обеспечения безопасности государя!

Еще перед отъездом из столицы Алексей поинтересовался у своего друга Виктора Таубе, кем ему приходится здешний барон. Тот не смог сразу ответить.

Долго расспрашивал родственников, даже телефонировал в Департамент герольдии. Таубе – многочисленный род. Есть ветви немецкая, польская, шведская и лифляндская. Александр Александрович, видимо, относился к последней, корни его были из Риги. Ишь развелось баронов...

Выставочное управление полиции располагалось в малом здании администрации, справа от главного входа. Тут же бюро для журналистов и квартира полицмейстера. Большое здание, в котором заседал Тимирязев, стояло чуть ближе к железной дороге. Секретарь Таубе сказал, что подполковник занят, но скоро освободится. Действительно, через минуту из кабинета полицмейстера выскочил красный взъерошенный городской. Не иначе заснул на посту... Сразу же Лыкова пригласили внутрь.

– Провинился, Александр Александрович?

– Точно так, Алексей Николаевич. Грубо ответил обывателю. Набрали сброд из уездов, ни сказать не умеют вежливо, ни разъяснение какое дать!

Действительно, временный штат выставочной полиции вербовался в трех уездах: Ардатовском, Горбатовском и Арзамасском. А какие там силы? Отставные ефрейторы да пяток унтеров. Но взяли 156 человек! Вот и попались взъерошенные...

– Что у вас? Надолго? Вечером у его превосходительства последнее совещание...

– Я не задержу, – ответил Лыков. – Вот схема постов и подвижных караулов. Тут и тут я просил бы вас сдвинуть постового. Пусть в случае чего... не дай бог, конечно... можно будет иметь силы с обеих сторон возможного прохода государя. А вот здесь изменить направление караулу. После отъезда Его Величества все вернем в исходное.

Таубе вызвал пристава выставки губернского секретаря Муханова, и три опытных человека быстро нашли общий язык. Закончив с делами, сыщик поехал в гостиницу. Завтра начнется! Следовало проверить людей, дать последние наставления Валеваичу и подготовиться к совещанию. Потом будет не до этого.

Юрий обнаружился в своем номере. Бедолага в который раз изучал карту города, ярмарки и выставки. Обязанности у него были – сидеть на связи. Огромная свита с пятью министрами, губернские чиновники, военные, три полиции, охранное отделение, жандармы, командированное усиление... Будет кутерьма, в которой каждый постарается попасться на глаза государю, в дело и не в дело. Вот и придется Валеваичу со всеми ладить и сглаживать неизбежные конфликты. Человек он обходительный, представительный – справится. Случись какая заваруха, толку от парня будет немного, Лыков со своими людьми обойдутся без него, а человек для поручений нужен. И не абы кто, а с классным чином, чтобы мог и к губернатору подойти, и к министру.

Учитель и ученик отправились завтракать в гостиницу «Центральная». Собственно, это большое здание – будущий Окружный суд. Но до осени, пока работает выставка, здесь разместили гостиницу. Причем не простую, а для важных людей, всего на пятьдесят номеров. Потому и ресторан тут особый: первоклассный, но недорогой и с отдельными кабинетами. Людей с улицы пускали в него неохотно. И могли обслужить намеренно не спеша, чтобы больше не приходили. Министры со своими секретарями поселятся именно здесь. Отставная знаменитость, бывший военный министр Милютин, приезжавший посмотреть выставку в конце июня, тоже

останавливался в «Центральной».

Двух полицейских прислуга знала и накормила быстро. За кофе Алексей рассказал своему помощнику о последних новостях. Вчера и позавчера в Нижний Новгород приехало больше ста тысяч человек! Гостиницы переполнены, свободных мест нет. Полиция и временное охранное отделение не справляются с наплывом. Они утонули в переписке со столицами. Нежелательные, подозрительные и ненадежные элементы были высланы заранее. По высочайшему повелению, с 7 июня Нижний Новгород, а также Нижегородский, Балахнинский, Семеновский и Горбатовский уезды объявлены в положении усиленной охраны. Это означает повальную ежедневную проверку паспортов во всех гостиницах, меблированных комнатах и трактирах. Местных выслали, но едут новые! Они сдают паспорта, приказчики гостиниц тащат их в часть, и начинается кавардак. Нужно проверить, нет ли постояльцев в списках тех, кому запрещен въезд в город. А как это сделать? Сто тысяч сразу! Пока пристав сочинит запрос в управление, пока то переправит бумагу в МВД, пока последнее сверится с картотекой злодеев и мошенников, пройдет две недели. А государь приезжает завтра. И то вопрос, где искать? У общей полиции свой список, розыскной алфавит^[6]. У жандармов свой, там только политические. Еще есть пьяницы и просто беспокойные, которых начальство распахало покамest кого куда. Что мешает такому беспокойному прибыть на выставку, посмотреть достижения народного хозяйства? Ничего. Опасности он не представляет, но скандал произвести может. Про бомбистов в империи, слава Богу, давно не слышно, но вдруг? Кинуть снаряд в толпе куда как удобно. Завтра все эти проблемы в полный рост встанут перед последним заслоном Его Величества – Лыковым и его пятью помощниками.

Валевачев попытался успокоить шефа. Недавно все это уже было! Лыков охранял государя на коронации в Москве, два месяца назад. И обошлось! Правда, в давке на Ходынском поле погиб один из членов Летучего отряда Иван Серебрянский. Бросился спасти людей и многих вывел с помощью казаков. А потом сам полез в гущу вытаскивать женщину с малым дитем. Но толпа затянула Ивана в свой смертельный водоворот и обратно не отдала... Обезображенное тело опознали потом лишь по найденному в кармане сыскному револьверу.

Позавтракав, полицейские отправились в охранное отделение. Полное название его звучало так: Особое при Нижегородском губернаторе Отделение по охране общественной безопасности и порядка. Его создали в прошлом году на временных началах, как раз под приезд государя.

Возглавлял отделение полковник Евецкий. Он вершил все дела, связанные с политическим сыском; ГЖУ было у охраны на подхвате. Штата в 32 человека Евецкому показалось мало, и он набрал еще 107 единиц вольнонаемных. Люди полковника контролировали строительство выставки, следили за настроениями. Весной заведывающий отделением донес губернатору, что инженер Смелъницкий обсчитывает рабочих при возведении своей гостиницы на Выставочном шоссе. И вообще строит небрежно и с нарушениями. Баранов мер не принял. И через неделю стены гостиницы обрушились, ранив шестерых рабочих. Узнав эту историю, Лыков стал относиться к Евецкому и его сведениям с должным вниманием.

Алексей спросил у полковника о новостях. Тот, затурканный, с красными от бессонницы глазами, молча вывалил на стол кучу новых отношений. Сыщик взял верхнее и зачитал вслух:

– «Нужное. Экстренно. Секретно.

Господину нижегородскому полицмейстеру и исполнительным чиновникам. Прошу сообщить, не появлялся ли в Нижнем Новгороде и на ярмарке состоящий под негласным надзором полиции обнорский мещанин Иван Сергеев Гутаперчев. Имеет при себе бессрочную паспортную книжку, выданную ремесленным старостой города Сургута. Подозревается в причастности к шайке фальсификаторов чая. При обнаружении указанного Гутаперчева прошу уведомить меня об обнаруженных его поступках и вообще оказавшемся по наблюдению. Примите уверения и проч. Обнорский уездный исправник, поручик запаса пехоты Похитонов».

– Вот, Алексей Николаевич! – желчно воскликнул Евецкий. – И таких бумаг полицмейстер с губернатором сегодня прислали мне два десятка! Делать нам тут нечего, кроме как следить за фальсификаторами чая! Поручик запаса пехоты... И все экстренно и срочно! Или вот уже из Москвы, на мое имя. – Он схватил бумагу и стал бегло читать: – «Имею честь сообщить ВВБ^[7] на зависящее распоряжение. Из Аргентины приехала в Россию именуемая себя русской подданной Антогия Липинская. Подозревается в участии в торговле женщинами с целью разврата. Паспорт аргентинский, визирован русским генеральным консульством в Буэнос-Айресе. Необходимо проследить, не явится ли указанная особа на выставку. О последующем не откажите уведомить меня». И конец замечательный! «Покорнейше прошу ВВБ принять уверения в совершенном моем почтении и искренней преданности. Подпись: заведывающий^[8] измерительным и справочным отделением

московской сыскной полиции коллежский регистратор Зюзин». Это он так полковнику пишет, стервец!

– Да, бестактно. Павел Николаевич, а из настоящего ничего нет?

– Из серьезного ничего. Разве вот это.

Евецкий несколько успокоился. Он порылся в папке и протянул сыщнику клочок дешевой почтовой бумаги.

– Ну-ка... Анонимка. «Вашему высокородию Петру Яковлевичу...» Адресовано полицмейстеру?

– Да, пришло по почте. А он, как всегда, переслал мне. Писал неизвестный, но сигнал серьезный, надо проверить.

Лыков продолжил изучать «сигнал»:

– «Вашему высокородию Петру Яковлевичу заявление мое скажите почему именно распущено выбытие из тюрьмы как вы сами знаете что он принадлежит к димистративному порядком выслан в сергач известной вор Крутов должен быть известен увас по карте ежели вы не верите мне то поверте судебному Следователю он проживает по дням в билияртной у алексихи и у Анифимова Ваше высокородие прошу принять меры и выпроводить евтих людей из городу вон. Досвидания».

Евецкий пояснил:

– Мы навели справку. Крутов действительно вор, темный человек. Административно выслан в Сергач, но там не проживает. Видимо, заявился к нам тайно. Насчет биллиардной Алексихи и Анифимова пока данных нет. Я запросил Прозорова, обещает к вечеру что-нибудь разузнать.

Прозоров занимал должность пристава – заведующего сыскной частью управления полиции. Главный городской сыщик состоял в скромном чине коллежского регистратора – ниже некуда! Да и этот чин Владимир Алексеевич получил три года назад после шестнадцатилетней службы. Добросовестный, но заурядный человек, звезд с неба не хватает... С другой стороны, кто их хватает? Прозоров давно в полиции, в сыщники перешел с должности пристава Рождественской части, дело знает.

– Вор тайно проник сюда, а у нас государь завтра, – констатировал надворный советник. – Ну что ж! Навряд ли он бросится на августейших особ, но отыскать стервеца надо. Знает ведь, что не нужен тут в царский приезд! Вот дерзкий народ...

– Вечером на совещании у губернатора сыскные что-то нам уже скажут, – успокоил Алексея полковник. – А не скажут пожалуемся Яковлеву. Он потачки не даст!

Яковлев, как и фон Таубе, был не полноценный полицмейстер, а всего

лишь исправляющий должность. Видимо, вопрос о его соответствии будут решать осенью, когда закончатся и выставка, и ярмарка. Формуляр Петра Яковлевича Алексей тоже читал. Командирован в полицмейстеры из чиновников особых поручений при губернаторе. Имеет аннинский темляк за дела с турками при овладении Трояновским перевалом. Два года назад получил Владимира 4-й степени, год назад произведен в коллежские советники. Только в мае он сменил князя Волконского, пошедшего в полицианты в погоне за длинным рублем. Должность нижегородского полицмейстера хорошо оплачивается: оклад жалования три тысячи рублей! Вот князь и соблазнился. Службы при этом его сиятельство совсем не знал. Когда губернатор понял, что визит государя князь провалит, его срочно заменили исполнительным и способным Яковлевым.

Алексей поговорил с полковником еще об одном деле. По правде, оно беспокоило сыщика больше, чем приезд сергачского вора. Завтра и во все дни пребывания в Нижнем Новгороде императора будет оберегать в числе прочих и так называемая добровольная охрана. Это заведено в России. Помимо разных полиций, обязательно в таких случаях привлекают и надежных людей из народа. Государю приятно, а властям помощь! Вот и здесь Евецкий по поручению губернатора собрал аж полторы тысячи человек. Все богобоязненные, монархисты и в дурном не замечены. Преимущественно это члены Свято-Георгиевского общества хоругвеносцев и надежные цеховые. Своих людей представили мещанская и ремесленная управы, а также общество вспомоществования частному служебному труду. Степенные бородатые мужики встанут на всех улицах, отсекая от царя со свитой беснующуюся толпу. В принципе нужное дело... Вот только на второй день «невры» у таких охранников уже не выдерживают, и они идут вечером в кабак. Правда, с 28 мая, с открытия выставки и ярмарки, все питейные заведения закрыли. И не только в Нижнем Новгороде, но и в ближайшей округе: в Молитовке, Гордеевке, слободах Катызы, Печеры и Кошелевка, а также в пригородных селах Высоково и Кузнечиха. Но русский человек всегда найдет, где выпить – на это есть шланбой^[9]. И утром со злого похмелья добровольные охранители начинают превышать власть: гонять обывателей, спорить с околоточными...

Возникают скандалы. Хорошо бы избежать подобных приключений.

Евецкий согласился, что такая опасность имеется. Он велел срочно вызвать руководителей от народа. Явились двое: мещанский староста Лебедев и старшина общества хоругвеносцев Ионов. Надворный советник

завел с ними разговор об их людях и сразу увидел непорядок. Лебедев, спокойный и умный человек, отвечал обстоятельно и толково. Отряд его разбит на десятки, во главе которых поставлены исключительно непьющие и хозяйственные мужики. За них он дал полную гарантию. А вот Ионов начал разговор с сыщиком через губу. Ты-де чиновник, караулишь царя за оклад жалования, а мы всей душой, и нас же еще и учить? Лыков рассердился.

– Слушай меня внимательно, дурак! – сказал он жестко. – Я две коронации провел и на таких уже нагляделся. Все вы одинаковы. Павел Николаевич, они подписку дали?

– Нет, – растерянно ответил заведывающий охранным отделением. – Какую подписку?

– Что несут полную ответственность за отобранных ими людей, вплоть до уголовной.

– А...

– Берите перо и пишите.

Полковник безропотно взялся за перо и написал под диктовку Лыкова короткое обязательство, согласно которому староста и старшина отвечали головой за поведение своих людей из числа добровольной охраны, с чем они ознакомлены под роспись...

Алексей заставил Лебедева с Ионовым подписаться, а главному хоругвеносцу сказал:

– В мае в Москве такой же со мной спорил. Как и ты, жалованием попрекал... На третий день его людишки в лавке подрались, хотели там табаку взять на дармовщину. Поскольку царя охраняют. Знаешь, чем кончилось?

– Чем? – набычился Ионов.

– Всем остальным медаль вышла, а ему снятие с должности старшины и высылка из Москвы. Понял теперь?

– Ну...

– Дома на печи будешь нукать. А с начальником царской охраны не смей! Чтобы завтра мне в рот смотрел! Все по команде! И глаз со своих добровольцев не спускал, день и ночь! Помнишь, как умные старики говорили? «Жалует царь, да не жалует псарь!» По отъезде Его Величества я сообщу свое мнение о тебе господину министру внутренних дел, и он решит, оставаться ли такому дурню в старшинах... Марш отсюда!

Напугав хоругвеносца, сыщик отправился дальше по делам. Два часа они с помощником полицмейстера Гураком в очередной раз изучали все возможные маршруты царя и свиты. Захочет ли государь прокатиться

на трамвае? Если да, то наготове должен быть вагон с самым опытным машинистом. Купцы Железного ряда приготовили августейшей чете дорогой подарок. Где его станут вручать? Не окажется ли там посторонних под видом рабочих? На третий день предусмотрено посещение пароходов фирмы «Андрея Орехова сыновья». Нет ли в их командах подозрительных новичков? Государь проследует в здание Дворянского собрания на Покровке и, стало быть, будет проезжать по главной улице. Домовладельцы дали обязательство за своих жильцов и представили их списки в полицию. За это им разрешено открывать окна и смотреть сверху на кортеж. Не появились ли изменения в этих списках, с непроверенными постояльцами? Ведь сто тысяч приехало... Город лопается!

К вечеру и Лыков, и Велевачев уже порядком подустали. А самая нервотрепка даже еще не начиналась! Под ложечкой у надворного советника мутило, и разболелась голова. Так всегда случалось перед коронацией, он уже привык. Но там счет шел на недели, а тут всего четыре дня! Завтра все будет нормально. И сил хватит, и внимание не ослабнет. Надо дотерпеть. 20 июля в 12 часов 45 минут царский поезд отчалит от дебаркадера Московского вокзала. Через час с четвертью уедет и свитский состав, с министром внутренних дел и директором Департамента полиции, и наступит опустошение, смешанное с усталостью.

Алексей уже решил, куда он отправится с вокзала. На горе возле сада Смирнова предприимчивый француз Сервье выстроил шикарный ресторан «Восточный базар» с гостиницей. Туда легко подняться по Похвалихинскому фуникулеру. Вид с открытой площадки ресторана такой, что захватывает дух! Ярмарка, Стрелка, Заволжье как на ладони. И кухня неплохая. Там-то они с Юрием отдохнут, закусят – и разъедутся. Велевачев – в Петербург, в родной департамент, а Лыков – в Нефедьевку, к семье. Месяц отпуска Зволянский ему обещал, если все с царским приездом закончится благополучно.

Перед совещанием у губернатора сыщик навел своих людей. Пять мужчин неброского вида, крепко сложенных и очень спокойных. Все они числились не в служительской команде департамента, а за его штатом, как чиновники для письма. Это было сделано с целью повесить столь ценным кадрам оклад содержания. Сказать по правде, на Фонтанке, 16, полно дармоедов. Чуть не двести человек состоят по вольному найму, и все – чиновники для письма. Иначе делопроизводства не справятся с огромным объемом работы. Но эти пятеро писем не писали, они охраняли избранных особ. Негласная охрана вещь дорогая, и по закону она мало кому полагалась. Даже директор Департамента полиции ходил по улицам

как простой обыватель. Чины Летучего отряда караулили важных свидетелей по политическим делам. Где свидетелей старались убить до суда... Они же проводили самые опасные задержания. Дворцовая полиция смотрела на отряд, как на свой резерв. В особых случаях, как коронация или августейший визит, «летучие» стерегли самого государя. Их отличали не сила или навык стрелять без промаха. Полная выдержка, быстрота мыслительной реакции, умение из всех решений найти самое верное. Калиброванный народ! Федор Громеко служил в Томашевской бригаде пограничной стражи, дважды ранен контрабандистами. Фирс Бебнев пришел из конвойных войск: шесть лет ловил беглых в Забайкалье, всякого насмотрелся. Игнатий Игнатьев бывший инструктор стрелково-фехтовальной школы лейб-гвардии Кексгольмского полка. И все – очень уравновешенные люди. Именно по этому главному признаку их и отбирали.

«Летучие» нашлись в биллиардной при гостинице Филимонова, что в Рождественском пассаже. Они гоняли шары по маленькой и пили чай. Начальника встретили смешками: когда-де разрешит перейти на пиво? Лыков очень любил своих людей, ему всегда было хорошо среди «летучих». Он посидел с подчиненными, проиграл пять копеек Ефиму Сорвачеву (контужен в голову абреком на Кавказе). Жаль, нет теперь с ними Ивана Серебрянского...

В шесть пополудни в кабинете губернатора в Главном доме началось последнее совещание. Собрались все, кто имел отношение к предстоящему приему государя. Кроме самого Баранова присутствовали генерал-майор Есипов и действительный статский советник Харлампович. От военных – начальник Нижегородского гарнизона, командир 54-й резервной бригады генерал-майор Шелковников и комендант города полковник Рудницкий. Особняком устроились все три полицмейстера: города, выставки и Заречной части. К Таубе, игнорируя военных, подсел комендант выставки подполковник Станкевич из Окского батальона. За спиной полковника Евецкого пристроились «представители народа» и вели себя тише воды ниже травы. А возле окна расположились многочисленные гости.

Есипов доложил о силах, собранных для обеспечения безопасности государя. Мобилизована вся нижегородская полиция: 92 околоточных и 840 городских. Наготове сотня казаков 1-го Оренбургского полка – 135 сабель при 5 офицерах. Нижегородская речная полиция выставила 9 надзирателей и 91 нижний чин. Охранное отделение выведет на улицы 47 околоточных, 4 городских и 43 агента. Добровольная охрана поставит полторы тысячи богобоязненных мужиков.

В дополнение к ним прибыли люди из Петербурга, Москвы

и Варшавы. Столица сочла возможным прислать в Нижний Новгород 15 околоточных надзирателей и 200 городских. Москва – 10 околоточных при 150 городских. Варшава предоставила 4 околоточных и 50 городских. Все эти люди завтра станут в оцепления бок о бок с людьми Яковлева и Таубе.

Но этого губернатору показалось мало. Он поднял Шелковникова и потребовал доложить, что сделали военные. Генерал-майор зачитал свой приказ по гарнизону. Согласно Правилам о порядке призыва войск для содействия гражданским властям, на помощь полиции завтра придут 237-й Кремлевский резервный батальон и Нижегородская пароходно-конвойная команда. Это еще почти 600 штыков! Баранов был удовлетворен таким ответом. Он бросил взгляд на Лыкова и коротко спросил:

- А вы и ваши люди?
- Готовы, ваше превосходительство.
- Что с секторами?
- Все сделано.

Учитывая размеры выставки и непредсказуемость царских маршрутов, весь бутафорский городок разбили на пять секторов. В каждом из них под командой опытного околоточного надзирателя была учреждена особая подвижная группа. Люди эти станут помогать «летучим» охранять государя.

- Хорошо. Вы уж не подведите!

Затем начались вопросы к наружной полиции. Все понимали, что отвечать за порядок будет один Яковлев. Сколько бы народу ни нагнали ему в помощь... Коллежский советник отвечал обстоятельно и веско. Разве что свою окладистую бороду он теребил чаще обычного. У Лыкова создалось впечатление, что полицмейстер на своем месте. И с августейшим визитом справится.

Немного поважничали чины столичного градоначальства. Они требовали от Яковлева каких-то карт развода, ссылались на свой огромный опыт... Алексей уже хотел заступиться за земляка, но это не понадобилось. Тот сам отшил петербуржцев. Петр Яковлевич заявил:

- Опыта и у нас хватает. Вы просто выполняйте мои приказания, и чтоб без самостоятельности!

И градоначальство сразу притихло.

Уже в сумерках Лыков пришел к себе в номер и быстро уснул.

Глава 2

Возле государя

17 июля в 10 часов 45 минут императорский поезд подошел к дебаркадеру Московского вокзала. Погода была хорошая, в ясном воздухе густо звенели колокола заречных храмов. Начальник губернии представил государю своих ближайших сотрудников, следом доложил начальник гарнизона. После этого гости расселись в экипажи, и бесконечно длинная вереница покатила на гору. Ярмарка и городские улицы были украшены флагами, живыми цветами, вензельными обозначениями царской фамилии, а плашкоутный мост – триумфальными воротами. Через Зелинский съезд и Благовещенскую площадь августейшие гости проехали к Спасо-Преображенскому кафедральному собору. Там на крыльце их встречали два епископа и четыре архимандрита. Епископ нижегородский и арзамасский Владимир сказал приветственную речь и вручил иконы: государю – Спасителя, а государыне – Владимирской Божьей Матери. Вместе с Их Величествами прибыл и великий князь Алексей Александрович; этому иконы не досталось...

Приложившись к образам и поклонившись праху Козьмы Минина, августейшая чета ненадолго разделилась. Царица отбыла в дом губернатора, который на время торжеств стал дворцом (второй этаж дома числился за Министерством Двора). А царь принял с паперти собора почетный караул 239-го Окского резервного батальона. После этого он отправился к супруге, и над дворцом на все четыре дня взвился императорский штандарт.

Позавтракав с губернатором, царская чета начала приемы деputationей. Всего их приняли семь: от именитых граждан, от городского управления, соединенную депутацию ярмарочного и биржевого комитетов, губернское и уездное земства, а также представителей сословий Нижнего Новгорода и Балахны. Городской голова барон Дельвиг представил думу в полном составе. Все дарили государю хлеб-соль на серебряных блюдах, блюда складывали в штабель... Затем настало время ехать на выставку, но разразился сильный ливень с градом, какого никто не ожидал. Пришлось задержаться. За это время губернский предводитель дворянства гофмейстер Приклонский успел о чем-то пошептаться с государем, к большому недовольству Баранова.

Наконец тучи рассеялись, и гости покатили на «всероссийскую

витрину». Тут только началась настоящая служба для Лыкова и его людей. Карета с царственными особами остановилась перед главным входом в центральное здание. Там гостей приветствовали Витте и Тимирязев. После короткой речи царская чета с великим князем зашли внутрь. Как и предполагал Алексей, они сразу наткнулись там на мануфактуристов, денежных тузов. Савва Морозов не пустил гостей в другие отелы, лично показывая им льняные и шерстяные ткани, парчу и другой красный товар.

Лыков в парадном мундире и при всех орденах шел впереди царя. Слева, где пройма для шпаги, клинка у него не было. Пройма была незаметно расширена. Внизу на брючном ремне висела кобура со срезанным верхом, в которой помещался сыскной «смит-вессон» с укороченным стволом. Такая же пройма была и на правом боку, там скрывался «веблей». Как человеку партикулярному, Лыкову полагалось состоять при особе государя без головного убора. Но тогда им пришлось бы занять одну руку, а телохранителю так нельзя. Поэтому в нарушение всех правил надворный советник был в треуголке. Но никто этого не замечал, как не замечали отсутствия шпаги и оттопыренные бока. Оно и к лучшему! Все смотрели только на государя, некоторые – на его супругу, и никто – на Алексея. Он же все доглядывал и расчищал путь. Слева и чуть сзади него, одетый в придворную ливрею, шел Игнатьев. Справа находился Громеко, наряженный околоточным надзирателем. Остальные «летучие» прикрывали государя сзади.

В отделе у Морозова дисциплина оказалась военная. Владельцы витрин молча ждали команды от управляющего отделом. Никто не суетился и не лез вперед. Благодать для охраны – везде бы так! Но дальше мануфактуры венценосные особы не пошли и скоро двинулись на вход. Тут-то Лыков отловил первого шильника, пытавшегося вручить государю прошение. Потом таких ловкачей накопилось более десятка. Никому из них не позволили приблизиться к особе Его Величества.

Пока гости ходили по центральному зданию, погода совсем наладилась. И царь с царицей пересели в коляску с открытым верхом. Они навестили павильон Художественного отдела, где осмотрели все от начала до конца. Даже финляндских живописцев удостоили! Лыков краем глаза увидел, как государь пялится на выступающие формы «Русалки». Тоже человек... После передвижников и академиков заглянули в два отдельных павильона: к «Минину» работы Маковского, и в панораму Рубо. От них пешком дошли до корпуса Крайнего Севера. Там, как и предполагал надворный советник, государыня долго простояла перед дрессированным тюленем. На этом первое посещение выставки

закончилось. В двадцать минут седьмого пополудни гости вернулись в кремль.

Больше всего хлопот Лыкову доставили так называемые рынды. Они столпились у входа в центральное здание и путались у сыщика под ногами. Всех рынд было 27 человек – дети именитого купечества: 17 москвичей и 10 нижегородцев. Одетые в стилизованные средневековые костюмы, с секирами на плече, парни смотрелись живописно, спору нет. Но надоели.

Перед отъездом Алексей увидел, как миллионщик Бугров что-то зло выговаривал Витте. А тот, хотя и был министром, согласно кивал с виноватой гримасой. Не иначе главный богач Нижнего требовал, чтобы царь заглянул и к мукомолам. Бугров принадлежал к старообрядцам, приемлющим тайное священство. Шестнадцать лет назад Лыков упрашивал Николая Александровича помочь спасти императора, а тот отнекивался...^[10] Сейчас тот государь-грешник давно в могиле, и даже сын его скончался. Лыков заматерел, вышел в штаб-офицерские чины. А Бугров не изменился, лишь стал еще солидней. В мае тот же Витте вручил ему Анну второй степени – редчайшая среди купечества награда! Не иначе мукомол добьется своего. Значит, завтра надо готовиться к походу царя в Фабрично-заводской отдел.

По возвращении гостей во дворец служба «летучих» на сегодня закончилась. Царская чета больше никуда не выходила. В половине девятого вечера, как начало темнеть, на Волге устроили иллюминацию. Против балкона дворца разыгралось настоящее сражение между тремя кораблями. Ракеты разрывались в воздухе, давая фонтаны разноцветных огней. Над водой стояла пальба. Наконец баркас «Минин», принадлежащий речной полиции, пустил во вражеское судно торпеду и «потопил» его. Огни на судне один за другим погасли, оно как бы пошло ко дну. Зрелище вышло очень красивое и для провинции невиданное. Весь берег был усыпан гуляющим народом, улицы сияли огнями, у всех было приподнятое настроение, играли духовые оркестры. Особенно красиво были иллюминированы Дмитровская башня кремля, арка на Гребневских песках, плашкоутный мост и корабль «Красноводск».

Начало второго дня было отдано военным. На плацу перед кафедральным собором государь произвел смотр 54-й резервной бригаде. По периметру плаца стояли другие части гарнизона, а также кадеты Нижегородского Аракчеевского корпуса. Государь вышел на смотр вместе с великим князем Алексеем Александровичем, министром Двора Воронцовым и военным министром Ванновским. Его Величество

пропустил бригаду дважды: сначала поротно, а потом отделениями. В это время на подъезд дворца вышла государыня и издали наблюдала церемониал. В двенадцатом часу состоялся Высочайший завтрак, к которому были приглашены начальники участвовавших в параде частей. Их дополнили генералы и вообще местное военное руководство. Лыков и его люди отдыхали в Мининском саду.

Их час пробил в два пополудни. Августейшая чета отправилась в Дворянское собрание. Путь туда шел по Большой Покровской улице, и нервы у Алексея были напряжены. Еще знаменитый Орсини в далеком 1858 году первым догадался покушаться на венценосных особ посредством бомбометания. Раньше злоумышленники использовали кинжал или пистолет. А это полбеды! Защитить охраняемую особу от бомбиста намного сложнее, да и поражающая сила нынешних бомб огромна. Вот и деду нынешнего государя оторвало ногу «гремучим студнем». Поэтому Алексей не спускал глаз с окон, под которыми проходил кортеж. Его помощники следили за людьми на тротуарах. Спина у сыщика взмокла. Однако все обошлось...

В вестибюле Дворянского собрания царя встречали министры и Приклонский. Гофмейстер сказал речь, а три старейших уездных предводителя поднесли высокому гостю хлеб-соль на роскошном блюде византийского стиля. Потом августейшая чета поднялась наверх, где в большом зале ее приветствовали дворяне со своими семействами. Опять вручили иконы: святителя Николая – государю, и святой царицы Александры – государыне. В третьем часу гости поехали на Крестовоздвиженскую площадь, во Вдовый дом имени Бугрова. Их там встречал сам миллионщик, и удостоился очень любезных слов. Из Вдовьего дома кортеж опять повернул на выставку.

На этот раз царская чета уделила экспозиции почти три часа. Начали со Средне-Азиатского павильона, и капитан Скобеев был счастлив: он впервые увидел государя... Правда, оркестр туземных музыкантов Его Величество не заинтересовал, ну да ладно. Зато в трех шагах прошел и ласково кивнул!

Затем гости осмотрели оба здания Машинного отдела. Все находящиеся там двигатели были приведены в действие. Царь заинтересовался испытательной станцией, и при нем были произведены некоторые опыты. Затем Их Величества посетили Сибирский отдел, из которого проследовали в Строительно-Инженерный. Князь Хилков, конечно, не упустил случая показать им свои любимые паровозы. Через корпус Общества спасения на водах (вот чего Лыков никак не ожидал!)

кортеж попал в домики Отдела морского и речного торгового судоходства. Следующим удостоился высшей чести павильон Волжско-Каспийского судоходства. Оттуда державные гости вернулись в центральное здание, после чего осмотрели Фабрично-заводской отдел. Тут государю подсунули русский бензиномотор, но он не заинтересовался: вежливо поглазел три минуты и двинулся дальше. Намного больше ему понравилось в павильоне князя Голицина. Там Его Величество испробовал крымского шампанского и одобрил его.

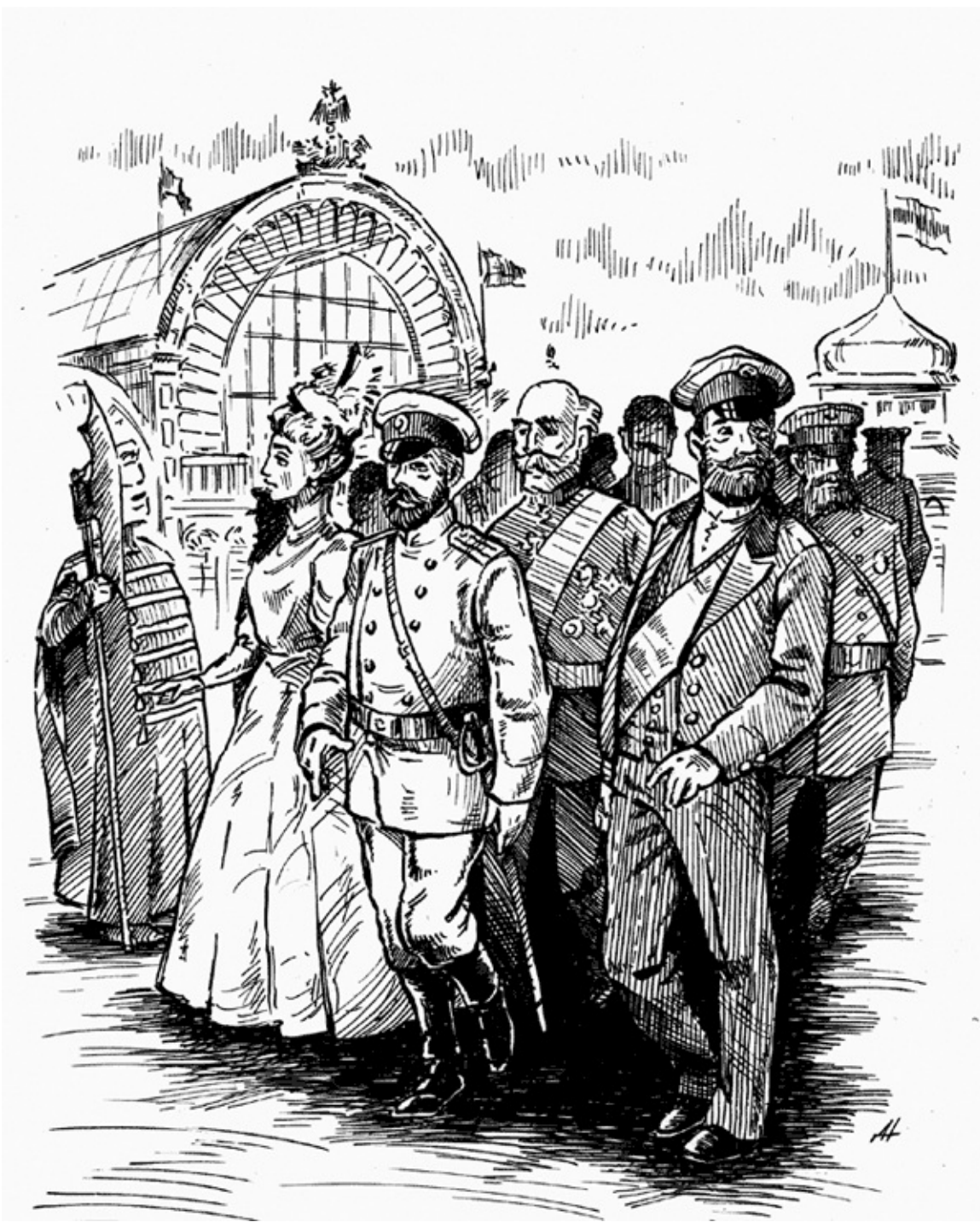
Утомившись, августейшая чета на экипажах приехала в Царский павильон. Там они немного отдохнули, а под окнами в это время хор Славянского исполнил несколько песен. Лыков тоже воспользовался передышкой и прилег на свой диван. Он очень устал. Сыщик отловил еще двух просителей, а в проходе между машинными корпусами успел оттолкнуть в сторону студента со свертком подмышкой. Тот подозрительно настойчиво пытался подойти ближе к кортежу. Государь, к счастью, ничего не заметил. Фирс Бебнев отвел студента в выставочное полицейское управление и обыскал. Затем вернулся и доложил, что в свертке были баранки... И обиженный студент написал жалобу на имя полицмейстера по случаю грубого обращения. Черт с ним, с кретином! Нашел куда лезть со своими баранками!

После получасового отдыха царь с царицей проследовали в павильон дворцового ведомства, полюбовались там самоцветами и уехали наконец в кремль.

Служба Лыкова на этом не кончилась. В семь вечера в губернаторском дворце состоялся парадный обед для высших военных и гражданских чинов. После него царская чета посетила новый городской театр. Смешанная труппа частной русской оперы и Императорского московского Малого театра дала представление. Сначала спели гимн, затем исполнили комедию «Акростих» (не смешную). Следом пустили по одному акту из «Риголетто» и «Снегурочки», а завершили все сценой из «Леса» Островского. Внутри театра за безопасность государя отвечала Дворцовая полиция, и Алексей просидел все представление в буфете. Вот на улице наступала его ответственность! Время сумерек – самое опасное. Народу полно, полиция едва справляется с толпами зевак. Подобраться и кинуть из задних рядов метательный снаряд ничего не стоит. Поэтому «летучие» вышли за оцепление и смотрели издали – не на государя, а на публику. Как и ожидал Алексей, мужики из добровольной охраны уже устали бдеть, и многие напились. Они командовали в толпе, грубо толкали публику и дерзили полиции. Лыков подозвал старшин и велел им убраться.

Трудный день завершился в целом благополучно.

19-го июля в 10 утра Их Величества приехали в Дом трудолюбия имени Любви и Михаила Рукавишниковых, что на Варварке. Пробыли там недолго и опять отправились на выставку. Три часа высокие гости внимательно разглядывали отдел за отделом. Наконец им потребовался отдых, и они прокатились-таки на электрической железной дороге! Опытный вожатый не подвел и благополучно доставил пассажиров в Царский павильон. Лыков стоял на подножке и своими ушами слышал, как императрица благодарила Подобедова за отсутствие у его трамваев воздушных проводов. Тот был счастлив.

В Царском доме состоялся завтрак, к которому был приглашен и надворный советник. Николай удостоил его короткого разговора, вспомнив, что Лыков на коронации в Москве состоял в его личной охране. А на концерте у германского посланника даже командовал этой охраной! Память у молодого государя действительно была отменная.

После завтрака осмотр выставки продолжился. К вечеру были изучены все до единого отделы – Их Величества не обидели никого. Завершился обход в Военном и Морском отделах. На глазах у августейшей четы поручики Нат и Боресков сели в воздушный шар, отвязали его и отправились в свободный полет вдоль Оки. В шесть пополудни высокие гости покинули выставку.

Теперь наступило время выказать уважение и ярмарке. В Главном доме состоялся большой прием от купечества. Роскошь его превзошла все ожидания. Нижний пассаж был превращен в одну огромную залу. Сверху, из Гербового зала, в него спускалась новая парадная лестница. Она была сделана в древнерусском стиле, с витыми колоннами и бархатными, перевитыми золотым позументом, капителями. Над ней укрепили огромное изображение двуглавого орла, старинное, времен Алексея Михайловича, чудом сохранившееся в московских архивах. По ступеням чудо-лестницы вновь выстроились рынды с секирами. Говорили, что костюм одного из них стоит тридцать тысяч! Всюду по дорогой материи вились гирлянды зелени, красовались стяги, горели огромные электрические люстры, подсвеченные матовыми лампами... Гербы, драпировка цветов царского штандарта, китайские фонарики всех размеров, бесценные ковры – даже на коронации в Москве не было такого убранства.

Царский подъезд в Главном доме был устроен отдельно и вел сразу в Гербовый зал. Там подготовили особый уголок, отделенный пологом. В нем – тропический сад с роскошно накрытым буфетом и некое подобие трона. Губернатор отдал свои комнаты для личных покоев царской четы. В них были устроены общая приемная в стиле ампира и две кабинет-гостиные Их Величеств с отдельными уборными. Опять цветы, зеркала, изящная мебель в японском стиле и еще один буфетный столик с закусками.

Государь, государыня и великий князь Алексей Александрович были встречены на подъезде Саввой Морозовым во главе ярмарочного комитета, а в Гербовом зале – министром финансов. Были представлены: царю – некоторые из наиболее выдающихся купцов, а царице – городские дамы. По витой лестнице гости спустились в Пассаж и обошли ряды купечества. Потом опять поднялись наверх и еще полчаса милостиво разговаривали с избранными в Гербовом зале. Тут между торгово-промышленными людьми странным образом оказались и некоторые дворяне, пропущенные все тем же Приклонским. Лыков стоял в углу и наблюдал, как решаются дела. Потные, красные от напряжения, люди что-то говорили государю и совали бумаги. Он терпеливо выслушивал, а прошения передавал

министру Двора.

Закончив с купечеством, высокие гости уехали в кремль, и служба «летучих» на этом закончилась. День дался Алексею трудно: усталость начала накапливаться. Сыщику пришлось спуститься в подвал, где у Ахапкина валялись всякие железяки, и потягать восьмипудовый вал от локомотива. После этого весь отряд, включая Валевачева, отправился в Центральные бани. Лучшая в городе купальня располагалась в доме Ермолаева, на углу Алексеевской улицы и Чернопрудского переулка. Отдохнув и выпив по кружке пива, «летучие» вернулись в гостиницу. Там выяснилось, что Лыкова давно разыскивает директор Департамента полиции Зволянский. Чертыхнувшись, сыщик отправился в номер начальника.

– Что случилось, Сергей Эрастович?

– Ты где был?

– В бане грелся со своими. Устал ведь...

– Надо было коридорному сказать!

– А я сказал. Так в чем дело-то?

Действительный статский советник был чем-то раздражен. Тоже, видать, устал от этой нервотрепки. Один на один они с Лыковым были на ты.

– Ко мне подошел Баранов и попросил оставить тебя здесь после отъезда Их Величеств.

– Это еще зачем?

– У них вчера городского убили.

Лыков помолчал, обдумывая новость. Смерть городского – чрезвычайное происшествие. Особенно когда в городе государь. Но он завтра уедет!

– Сергей Эрастыч, но у них же своя сыскная полиция есть! Вот пусть она и старается. А мне ты, между прочим, отпуск обещал. Помнишь?

– Помню. Я оттого и отказал Баранову. Он пошел к Ивану Логгиновичу^[11].

– А тот что?

– Посоветовался со мной. Я высказал те же соображения: нас это не касается. Отбудет государь, все успокоится, пусть тогда и ищут убийцу.

– Вот молодец!

Зволянский лишь вздохнул:

– Баранов просто так не отступит. Он напирает на то, что ты нижегородец и должен, стало быть, помочь своим землякам. Еще какую-то там анонимку полиция получила...

– Да видел я эту анонимку! – рассердился сыщик. – Детский лепет! Приехал сюда вор из Сергача – тоже нашли событие!

– Нет, там что-то другое. Беглые каторжники, три человека, тайно поселились в городе.

– Беглые каторжники? – присвистнул Алексей. – М-да... Их нам тут только не хватало. Но ведь осталось всего ничего! Завтра в полдень Их Величества сядут в поезд и уедут.

– Ты вот что, Алексей Николаич. Горемыкин уже отказал губернатору. Авось оно и обойдется. Но того... держись подальше от начальника губернии.

На том они расстались. Лыков был раздосадован. Легко сказать: держись подальше. А как? Баранов всегда возле государя. И сыщик тоже должен быть там же. Как ни старайся, а часто они стоят бок о бок. Ну, даст бог, пронесет... Сейчас генерал-лейтенанту не до мелочей, ему бы Их Величествам угодить. По должности он обязан будет сесть в царский поезд и проводить высоких гостей до пределов своей губернии. А когда вернется в Нижний, там уже не будет ни Горемыкина, ни Зволянского – они уедут свитским составом. Тогда Лыкову никто не указ!

Последний день пребывания в Нижнем Новгороде царская чета начала с посещения Песков. Это такой большой остров на Оке, входящий в ярмарочную территорию. Правят на нем торговцы железом, поэтому они и стали принимающей стороной. Эскорт въехал на Пески по Крестовоздвиженскому мосту, что возле народной столовой и чайной. Специально для царя на острове выстроили арку-шатер оригинальной формы. Она была украшена сортовым и листовым железом, литой чугунной посудой, различными трубами и арматурой. Крышу венчала императорская корона, выкованная здешними кузнецами. У входа в арку красовались две посеребренные фигуры гномов. В одной руке они держали эмблему горного дела – кирку, а в другой – эмблему торговли, жезл Меркурия. Говорили, что лица гномов были сняты с князей Абамелеков, главных здешних заправил. Действительно, в профилях статуй проглядывало что-то армянское...

Справа от арки устроили помост, на котором расположились продавцы железа и члены их семейств. Далее деревянный тротуар вел вдоль всей линии торговых балаганов.

При выходе Их Величеств из коляски депутация от Сибирского ряда удостоилась чести поднести им невиданные подарки. Царю досталось серебряное блюдо весьма тонкой работы, вручил его Абамелек-Лазарев.

На блюде – исполненная эмалью картина: Пески с железным караваном у берега, а вдали городской пейзаж. А царице другой крупный торговец, Волков, вручил золотую корзиночку с золотыми же цветами. Они представляли собой букет ландышей, где бутоны сделаны из жемчуга, листья – из уральского нефрита, а стебли покрыты бриллиантовой росой. Подарок удивительно тонкой работы исполнил придворный ювелир Фаберже. Царская чета осталась весьма довольна.

После недолгого пребывания в шатре державные гости сели в коляску. Кorteж поехал вдоль железного ряда к рыбному (это вторые главные торговцы на Песках), а оттуда – к пристани торгового дома «Андрея Орехова сыновья».

Рыбные пристани были убраны еще роскошнее, чем железный ряд. А на корабли специально устроили сорокасаженной длины мостки, застеленные красным сукном и украшенные флагами. Вход же отмечал двуглавый орел, сделанный из сухой рыбы: судаков, сазанов и лещей. Опять царю вручили серебряное блюдо работы того же Фаберже, на этот раз от рыботорговцев Гребневской пристани. Гости осмотрели две счаленные баржи, на которых продавалась в огромных количествах сушеная рыба. Наконец, взошли на пароход «Императрица Александра», где лоцман вручил от лица команды третье блюдо, на этот раз деревянное. Но на пароходе царь с царицей никуда не поплыли, а осмотрели еще один, «Великая княжна Ольга Николаевна». Для катания по Волге был приготовлен третий пароход, «Князь Юрий», принадлежащий речной полиции. Перед его сходнями монархам представились ученики Кулибинского ремесленного училища во главе с председателем совета Яковом Башкировым. Тут государю досталось чугунное пресс-папье в виде наковальни, с молотом и клещами... Даже Лыков устал от бесконечных речей и подношений; что же чувствовал государь?

Однако визит неуклонно близился к завершению. Царская чета с губернатором и свитой села на «Князя Юрия» и поплыла вниз по Оке. Обогнув Стрелку, корабль свернул в Волгу и высадил пассажиров на Сибирской пристани. Оттуда коляска быстро доставила Их Величества на вокзал. Там уже ждали все министры, неизбежные рынды – и кадеты Аракчеевского корпуса. «Ура!» не смолкало ни на минуту. В Царских комнатах августейшие визитеры приняли последние подарки – букеты живых цветов из роз и орхидей. На перроне царь милостиво поговорил с присутствующими и поблагодарил дворян, городского голову и купечество за оказанный прием. Пройдя сквозь шеренгу рынд, он ответил на их приветствие, затем простился с кадетами и по голубому трапу вошел

в вагон.

Уф... В 12 часов 45 минут, точно по расписанию, высочайший поезд отбыл от платформы.

Лыков стоял в шеренге провожающих и с трудом сдерживал радость. Отстрелялся! Все утро он, как мог, прятался от Баранова. Сыщику казалось, что тот смотрит на него не без значения. Но генерал-лейтенанту было не до надворного советника, и хорошо...

Когда царь отбыл, всем на вокзале сразу сделалось легче. Нижегородцы ринулись в буфет, чины свиты с трудом находили себе там место. Лыков сел со Зволянским и сразу же выпил рюмку водки. Все прошло благополучно! Теперь можно и отдохнуть. Через час с небольшим уедет и начальство, тогда станет совсем славно.

Без пяти два Алексей стоял у вагона. Последние формальности, и можно отдыхать! Вдруг к Горемыкину подошел Витте и что-то ему сказал. Министр поискал глазами в толпе, нашел Лыкова и жестом подозвал к себе. Черт! Неужели...

– Слушаю, ваше высокопревосходительство!

– Господин министр финансов обеспокоен происшествием в городе. Вам надлежит остаться и разобраться в нем.

Алексей скосил глаза на Зволянского. Тот скорчил гримасу: а что я могу? Экая скотина Баранов: завербовал самого Витте! Горемыкин был наиболее способным из всех министров внутренних дел, каких знал Алексей. А сыщик помнил еще Макова! Человек по-настоящему государственного ума, Иван Логгинович являлся также опытным царедворцем. И уж конечно, не стал отказывать любимцу государя.

– Будет исполнено!

Витте пытливо взглянул сыщику прямо в глаза, довольно бесцеремонно.

– Государь уехал, но выставка осталась, – сказал он. – И продолжится еще до осени. Это демонстрация успехов страны! На ней не должно быть никаких пятен. Слышали, господин надворный советник? Никаких! Я надеюсь на ваш опыт. Рекомендации вам дали такие, что... Берите любые полномочия, подкрепите губернатора и выставочную полицию. Как нижегородец, помогите своим землякам. Желаю успеха.

Паровоз свистнул. Свитские полезли в вагон. А Лыков остался. Когда поезд исчез вдалеке, он сказал Валевачеву:

– Ну, пошли, что ли, и мы.

– Куда?

– В ресторан, напиться. Ты – с радости, а я – с горя. Вот ведь незадача!

Но пьянствовать в парадном мундире и при орденах было неудобно. Полицейские приехали в гостиницу, там переоделись и на том же извозчике отправились в «Восточный базар». Надворный советник сел у края веранды и крикнул:

– Человек! Водки, и много... Очень много!

Глава 3

Начало дознания

В 9 часов утра Лыков в виц-мундире явился к губернатору Баранову. Тот еще не переехал обратно в Главный дом и ночевал у себя во дворце, на третьем этаже.

Несмотря на угар последних дней, Баранов принял сыщика свежим и приветливым. Визит явно удался. И теперь генерал-лейтенант, поди, сочиняет реляции на своих помощников. Чувствуя вину за свой поступок, он начал с лести:

– Алексей Николаевич, не гневайтесь на меня, ради бога! Но кому, как не вам, раскрыть это дело? Не Прозорову же!

– А чем так плох Прозоров?

– Ну, право слово! Сравнили сокола с воробьем! А вы и город знаете, и вообще... Ученик самого Благово... Он бы одобрил, согласитесь!

Тут уж Алексей не нашелся, что сказать. Пожалуй, Павел Афанасьевич действительно одобрил бы помощь землякам. Хитрый Баранов задел правильную струну.

– Давайте, Николай Михайлович, начнем с анонимки. Я правильно понимаю, что вы увязываете ее с убийством городского?

– Увязываю, Алексей Николаевич. Не так велик Нижний, чтобы быть в нем двум отчаянным преступникам! Вот читайте.

Губернатор протянул лист простой писчей бумаги, без водяных знаков или других подсказок. Там было написано:

«Его сиятельству господину начальнику Нижегородской губернии генерал-лейтенанту Флотскому герою победителю турецкого броненосца «Корвета» Николаю Михайловичу кавалеру Баранову.

Сим уведомляю Ваше сиятельство, что в подведомственный Вашему сиятельству город прибыли тайно и поселились под чужими именами три опасных беглых каторжных. Один есть знаменитый Разъезжалов, который зарезал маера Панютина год назад. А два других его сподручные Федька Банкин и неизвестный мне по имени злодей. Приметы злодея шрам над левой бровью и еще один на подбородке. Примите меры покудова не случилось беды.

Добрый Желатель».

– Разъезжалов? – нахмурился сыщик. – Да, сволочь известная. И явился к вам?

– Точно так. Я запросил ваш департамент телеграфом. Сбежал он из Нерчинска, еще по весне. И напарника с собой прихватил. А теперь нашелся здесь!

Разъезжалов был героем шумного судебного процесса. Два года назад в Москве он ограбил и убил отставного майора Панютина со всем его семейством. Преступники безжалостно убили жену, гувернантку и семилетнего сына хозяина. Самого Панютина жестоко пытали, выведывая, где деньги. Двадцатитрехлетний убийца вызвал нездоровый интерес у публики. Образованный – окончил коммерческое училище, красивый; умел держать себя в обществе. И такой зверский поступок. Ребенка он задушил своими руками... Получив двадцать лет каторги, Разъезжалов, казалось, похоронен заживо. И вдруг побег. Нет, так это оставлять нельзя, решил Лыков. Не хватало нелюдю еще гулять по Нижнему Новгороду!

– Николай Михайлович! Я берусь за это дело. Дайте распоряжение, чтобы сыскная полиция оказывала содействие. У них своих хлопот много, обрадуются, что переложили на столичного гостя... Но без помощи местных сил никакой Путилин ничего не сделает. А я далеко не Путилин...

– Распоряжение отдано еще вчера. Полицмейстер и начальник сыскного отделения ждут вас в Главном доме. Желаю успеха! И не дуйтесь на меня. Видите, что творится... Сам Разъезжалов! Хорошо, что Их Величества уже уехали.

Лыков отправился на ярмарку. Там, на втором этаже Главного дома, помещалась городская полиция. Она переезжала сюда из кремля каждый год на время торга. Алексей помнил еще старый Главный дом, с флигелями. Три года он, тогда молодой и неопытный, ходил сюда на службу. А теперь явился как столичный авторитет помогать здешним сыщикам...

Яковлев действительно ждал его и тут же вызвал Прозорова. Как всегда невозмутимый и основательный, он сообщил:

– В три часа я назначил совещание всех частей. Вам ведь не одни сыскные понадобятся?

– Именно так, Петр Яковлевич! Что сыскные? Восемь человек на весь город. Костяк полиции – околоточные, особенно в криминальных местах. И не временные, взятые на срок выставки с ярмаркой, а постоянные. Приставы тоже нужны, чтобы толкали околоточных. Так что понадобятся все.

Тут вошел начальник сыскного отделения и сразу заюлил:

– Как хорошо, Алексей Николаевич, что именно вас прислали нам в помощь!

Однако Яковлев цыкнул на подчиненного. Свою голову надо иметь! А помощь со стороны – знак слабости здешней полиции. Ладно губернатор, он специфики не знает, а приставу Прозорову не к лицу такие слова...

– Расскажите мне о жертве, – попросил Лыков. – Где пост этого городского? Как именно его убили?

– Городовой Второй кремлевской части знак номер триста двадцать три Яков Одежкин, он же Депутатов, – начал городской сыщик. – Запасной рядовой Первого неевского Его Величества короля элинов пехотного полка. Из постоянного штата, пять лет в полиции, служил без замечаний. Пост у него был напротив Архиерейского дома...

Лыков кивнул. Когда он служил здесь, полиция тоже высылала туда человека, для порядка.

– ...Позавчера, сдав дежурство, Одежкин явился в часть. Был обычный. То есть совсем обычный, как всегда! В седьмом часу доложил помощнику пристава титулярному советнику Делекторскому и ушел домой. А утром сыскался его труп. Нашли в выгребе, во дворе дома Мохова, что на углу Сергиевской улицы и Плотничьего переулка.

– Это где трактир Чистякова? – перебил докладчика Алексей.

– Точно так.

– Одежкин заходил в трактир?

– Заходил. Выпил две рюмки водки прямо у стойки и удалился. Больше его живым не видели...

– Кто нашел тело?

– Дворник Егоров, в шесть часов поутру.

– Как убили городского? Ножом ткнули?

– Нет. Убили камнем.

– Камнем? – поразился Лыков. – Это что за способ такой?

– Сами удивляемся, Алексей Николаевич, – развел рукам Прозоров. – Ударили в висок, и готов! Необычно, да. Разве в пьяной драке так бывает.

– Камнем... Нашли его поблизости?

– Точно так, лежал возле ямы. Медико-полицейская экспертиза доказала, что им и били. Булыжник, простой булыжник.

– Во дворе были еще такие камни?

– Нет.

– Что же получается? – Надворный советник обратился к полицмейстеру. – Убийца принес булыжник с собой?

– Случай действительно дикий, – согласился Яковлев. – Или он ждал во дворе... Например, собирался ограбить дом. А тут городской случайно заглянул туда... по малой нужде, к примеру, и увидел преступника. Понял,

что готовится злодейство, попытался задержать и получил по голове. Или того хуже: преступник выслеживал именно Одежкина. Шел за ним с камнем, улучшил момент, напал сзади и ударил. Тело затащил во двор, когда раззява дворник отлучился.

– Тогда выходит, что убийца знал городского и имел с ним счеты, – подхватил Прозоров.

– Что-нибудь пропало?

– Оружие, кошелек, часы на месте. Пропала только постовая книжка.

– Опять загадка, господа! Зачем убийце постовая книжка городского? Там же отметки о принятии и сдаче дежурства.

– Некоторые городовые заносят в книжку происшествия, – предположил коллежский регистратор. – Это против правил, но иногда случается. У Одежкина вышел со злодеем конфликт. Он установил личность, записал для памяти в книжку. А тот затаил обиду, выпил для храбрости, начал выслеживать. Подловил в подворотне и убил. А книжку взял, чтобы его по той записи потом не нашли.

– Правдоподобная версия, Владимир Алексеевич, – одобрил Лыков. – Она объясняет пропажу документа. Иначе зачем? Деньги и оружие негодяй оставил, а это забрал. Думаю, так и было.

Прозоров чуть не зарделся от похвалы столичного сыщика. И продолжил рассуждать:

– Тогда надо искать свидетелей ссоры. Напротив Архиерейского дома всегда толкуются люди.

– Верно. Пусть сыскные надзиратели опросят завсегдатаев этих мест. Но, господа, согласитесь, что камень как орудие убийства настораживает.

– Чем же? – вскинулся полицмейстер.

– Губернатор связывает смерть городского с появлением на ярмарке беглых каторжников. «Не так велик Нижний, чтобы быть в нем двум отчаянным преступникам» – вот его слова. Кстати, господа, согласны ли вы с ними? В мое время на ярмарку собирался весь уголовный цвет! Одних беглых считали до сотни.

Из Москвы, Варшавы, Петербурга и Киева приезжали целые банды по двадцать человек. А тут трое, и кроме них некому больше зарезать?

Полицмейстер снисходительно улыбнулся:

– С тех пор много воды в Волге утекло. Город мы почистили. Даже на ярмарке прежних безобразий вы уже не найдете.

Лыков покосился на начальника сыскного отделения, но тот промолчал.

– Ну пусть так... Хотя, признаться, не очень верится. Но я насчет

орудия убийства. Для каторжных булыжник... По-дилетантски как-то. Неужели у них ножа в кармане не нашлось?

– А я вам отвечу! – веско заявил полицмейстер. – Согласен с его превосходительством, что их рук дело. Разъезжалова с ребятами. Казнить полицейского – чрезвычайное преступление, обычный пьяница никогда на такое не пойдет. А камнем они, чтобы сбить нас с толку. Мол, случайный человек согрешил, а мы ни при чем.

Это звучало убедительно. Выстраивалась непротиворечивая версия, и для начала дознания она вполне годилась.

– Значит, так, господа, – резюмировал Лыков. – Принимаем за основу вашу гипотезу. Городовой Одежкин во время дежурства случайно столкнулся с кем-то из банды Разъезжалова. Возможно, был конфликт. Возможно, городской что-то записал в своей постовой книжке: фамилию или приметку. Преступникам не понравилось, и они решили его устранить. Срежь бела дня сделать это не представлялось возможным, и они стали следить за беднягой. Довели до части, подождали... И убили на выходе из трактира Чистякова, когда уже стемнело. Так?

– Так, – согласились нижегородцы.

– Значит, ищем Разъезжалова.

Полицейстер с начальником сыскного отделения переглянулись. Прозоров откашлялся и спросил:

– С чего предполагаете начать?

– Вам, Владимир Алексеевич, понятно, с чего начинать: с мобилизации агентуры. Есть такая у сыскного отделения?

– Есть, – ответил коллежский регистратор. – Преимущественно это известные нам скупщики краденого. Их в Нижнем Новгороде пятьдесят два человека, и половина у нас на связи.

– Правильно! – прокомментировал Алексей. – Так еще Благово поставил. Значит, не утратили традицию?

– Не утратили. Далее, хозяйки публичных домов. Содержатели меблированных комнат, особливо в злачных местах. Владельцы и официанты питейных заведений. Ну и несколько воров.

– Вот всех их и ориентируйте на поиск названных гостей. А я зайду с другой стороны.

– С какой? – опять насторожились нижегородцы.

– Мой помощник губернский секретарь Велевачев выехал вчера в Петербург, к месту службы. Я телеграфирую ему вслед, чтобы прислал срочно материалы из дела Разъезжалова. Кто проходил по процессу как свидетель или недоказанный соучастник. Имеются ли родственники

и где проживают. Причем не только главаря, но и его подручного Банкина. Есть и подсказка. Человек с двумя шрамами на лице. Это вам ни о чем не говорит?

Прозоров смутился:

– Я недавно в сыскном... До этого, изволите ли видеть, служил в общей полиции... Не всех еще злодеев изучил.

– Сразу два шрама на лице – примета редкая, – пояснил надворный советник. – Сейчас по розыскному алфавиту она подходит лишь одному человеку, а именно Пашке Черемису.

– Что за фрукт? – нахмурился полицмейстер.

– Тоже не подарок. Настоящие имя и фамилия Окион Воробьев. Налетчик, отчаянный. Попал в циркулярный розыск после убийства в Москве старосты биржи извозчиков. С тех пор почти год где-то скитается. Похоже, он-то к вам и приехал. Да не один, а с Разъезжаловым!

– Выставка с ярмаркой, – вздохнул Яковлев. – Миллион народу, и много толстых кошельков. Вот весь сброд к нам и намылился.

– Именно, – согласился Алексей. – Сейчас в Нижнем столпотворение. Эти ребята явно прибыли за добычей. В такой толпе легко замешаться. Взял хабар и ушел. Надо раздать околоточным фотографические портреты Разъезжалова, Банкина и Воробьева. Я их сейчас закажу в департаменте, а Петр Яковлевич прикажет размножить в необходимом количестве.

Полицмейстер кивнул.

– Еще вопрос, – продолжил Лыков. – Надо понять, что случилось в дежурство Одежкина. Он ведь сдал пост, не сообщив ни о каком происшествии, так?

– Так, – подтвердил Прозоров. – Доложился помощнику пристава, что все прошло спокойно.

– Значит, или не придал значения тому, что увидел, или его не выслушали.

– Что значит не выслушали? – обиделся коллежский советник. – У меня в полиции с этим порядок.

– Такого, Петр Яковлевич, не бывает, – возразил Лыков. – В тот день в город приехал государь. Начальство взвинченное, все на нервах... Не до мелких происшествий. Вы можете дать полную гарантию, что рапорт городского был воспринят с должным вниманием?

Полицмейстер вздохнул и промолчал.

– Надо еще раз расспросить... как его? Делекторского. И других городских, товарищей Одежкина. Может, он им что-то сказал?

Коллежский регистратор записал это себе в поручения.

– Я хочу увидеть тело покойного, – продолжил Лыков.

– Не получится, Алексей Николаевич, – ответил Прозоров. – Его увезли в Оранки, на родину, хоронить. Брат отвез. Он тоже в полиции служит. Петр Яковлевич дал ему трехдневный отпуск, несмотря на суетное

время.

– Жаль. Тогда скажите, какой характер имела рана на виске. Сильный был удар?

– Не то чтобы очень, но кость проломил. Смерть наступила мгновенно. Надворный советник попытался это себе представить:

– Как можно булыжником проломить височную кость? Он же круглый!

– Краем били, Алексей Николаевич. Не такой он и круглый. И один конец у него идет как бы на скос. Этим концом и ударили.

На этом разговор закончился.

В три часа пополудни в кабинете полицмейстера собралось все полицейское начальство.

Нижний Новгород разделен на четыре части: Первую и Вторую кремлевские, Рождественскую и Макарьевскую. В Макарьевскую, помимо ярмарочной территории, входят также Кунавино и слобода Катызы. Со строительством выставки бывший пустырь возле Шуваловского леса тоже включили в городскую черту. 28 мая, когда ярмарка и выставка одновременно были объявлены открытыми, была создана и новая временная полицейская должность: полицмейстер Заречной части. Им стал надворный советник Косткин. Поэтому в кабинете сейчас собралось целых три полицмейстера: городской, заречный и выставочный. Вместе с помощниками и приставами набралась целая толпа. Главным из присутствующих был Яковлев, он и вел совещание.

Коллежский советник сообщил о поручении губернатора найти убийц городского Одежкина. И об участии в дознании петербургского сыщика Лыкова. Изложил он и новость о пребывании в Нижнем шайки беглых каторжников. Их и подозревают в преступлении. Лыков бегло изложил по памяти дело Разъезжалова, напомнив коллегам, с каким негодяем придется иметь дело. И попросил господ приставов ориентировать своих людей. Нужно усилить паспортный режим, и без того строгий. Искать трех злодеев, приметы одного из которых весьма заметны. А через два дня будут и фотографии подозреваемых. Сыскная полиция начнет работать своими методами. А наружная – своими: обходы питейных заведений и меблированных комнат, облавы в ночлежках, проверка подозрительных. Надо привлечь дворников и рядских сторожей, старост рабочих артелей, смышленных приказчиков, коридорных гостиниц, половых в трактирах. Все должны открыть глаза и уши. Не только те, кто носит полицейский мундир, но и благонамеренные лица, которые по работе сталкиваются с приезжими. И тогда задержание злодеев лишь вопрос времени.

Особо Лыков остановился на возможных жертвах гастролеров.

В ярмарку в Нижнем Новгороде скапливаются значительные ценности. Приезжают купцы и просто гуляки с большими сумами. Лавки наполнены дорогостоящими товарами. А тут еще выставка! Там одного золота на десятки тысяч рублей. В трех павильонах лежит, и без особой охраны. А еще есть серебро, платина, самоцветы, бесценные бухарские ковры... Опасные люди поселились где-то и сейчас планируют свои налеты. Надо их предупредить.

На слова Алексея почему-то обиделся пристав выставки Муханов. Человек недалекий, он воспринял слова петербуржца как критику в адрес выставочной полиции. И долго бубнил, как хорошо у них поставлена охрана, сколько постов и караулов заведено; спичечную коробку нельзя вынести! Наконец Яковлев прервал его и приказал всем взаимодействовать с Лыковым. А проще говоря, делать все, что он потребует.

Началась рутинная работа. Полиция провела облавы во всех известных ей притонах. Убийство товарища всколыхнуло служивых, и они взялись за дело всерьез. Были схвачены несколько крупных мазуриков, прибывших на ярмарку поживиться. В Подновье накрыли даже шайку беглых сахалинских поселенцев под командой Ваньки Длинновязого. Паспорта при прописке теперь смотрели чуть не под лупой.

Сыскные поселили в ночлежные дома своих осведомителей, допросили барыг и держателей игорных заведений. Еще они попытались обнаружить автора анонимки. «Добрый Желатель» видел Разъезжалова с шайкой лично. Кто он? Но здесь люди Прозорова зашли в тупик. Почерк незнакомый, раньше нигде не встречался. И анонимок таких никогда прежде не поступало.

Два дня прошли в напряженном поиске. Алексей с утра приходил в полицейское управление. Он изучил журналы происшествий всех частей, искал, нет ли где важной подсказки. Но журналы были заполнены всякой ерундой. Венгерская подданная Анна Вейс заявила, что забыла в бане Кочетовой золотую цепочку в тридцать рублей, а когда хватилась, той уже нигде не оказалось. Мещанин Дудырев в пьяном виде ночевал на гауптвахте, где с него неизвестные сняли клеенчатые сапоги стоимостью в пятьдесят копеек. У виленского первой гильдии купца Янкеля Пейсаховича похищено виксатиновое новое дождевое пальто на гладком сером ластике, с капюшоном. Произведенным дознанием выяснено, что пальто висело на улице на двери как образец для торговли. Хозяин и приказчик были заняты с покупателями, в какое время пальто и похитили. Вещь не найдена, виновные дознанием не обнаружены...

Из такой рутины и состояла служба сыскной полиции. Лыков хорошо

знал это, поскольку испытал смолоду на собственной шкуре. Убийства с погонями, перестрелки – это для бульварных романов. А в жизни все скучно и просто. Вот и сегодня то же самое. У отставного флотского подшкипера похищен «чумадан» (так в протоколе!) с носильными вещами. Обокрали и надворного советника Ленина: стибрили никелированную мыльницу, мелкие калоши № 12, черную фаевую фуражку и пять фунтов чаю фирмы Целованьева и Сергеева. Содержательница Рахиль Щавинская доносила о бегстве проживающей у нее проститутки крестьянской девицы Угодниковой. А в пивной Медведева при облаве нашли проживающую в виде прислуги вдову нижнего чина Лукьянову. Ее весной исключили из разряда гулящих по личному заявлению, но, по собранным сведениям, в пивной она занималась тайной проституцией, за что и привлечена к ответственности по статье 44...

По вечерам сыщик объезжал части. Полицейская служба тяжелая. Каждый вечер в половине десятого чиновники обязаны явиться с рапортом в часть. Включая околоточных надзирателей. После рапорта они получают от пристава приказания, и бдения их могут продолжаться хоть до утра. Все в воле начальства. Но и само оно никогда не отдыхает. Прием посетителей в канцеляриях частей ведется ежедневно до десяти часов ночи. На нем обязан присутствовать или сам пристав, или кто-то из его помощников. Нет покоя даже полицмейстеру! Дежурные при частях телефонируют в городское полицейское управление обо всех произведенных арестах. Так продолжается до одиннадцати ночи. А после этого времени дежурные обязаны сообщать уже лично начальнику полиции, на квартирный аппарат. Даже если в холодную взят жалкий босяк за пьяные дерзости. Вот и будят несчастного полицмейстера несколько раз за ночь. Ничего не поделаешь – служба.

Лыков слушал рапорты околоточных, разбирал вместе с Прозоровым арестованных на ярмарочной гауптвахте. Это не давало никаких подсказок в деле убийства городского Одежкина. Пока не давало. Уже опытный сыщик, Алексей понимал, что он может так ничего и не найти. Но может и отыскать, если будет внимателен.

Благово говорил: когда ведешь дело об убийстве, надо поднять и перевернуть все камни. Следуя этому, Лыков побеседовал с начальством и товарищами Одежкина. Пристав Второй кремлевской части коллежский секретарь Богородский дал покойному развернутую характеристику. Заурядный, добросовестный, немного ленив. Может дать потачку вору? Ну, не исключено... Вот брат его, Иван, что уехал на похороны – тот, говорят, другой. Мимо не пройдет. А Яков иной раз и на лапу брал. Ну так

все берут, когда можно! Правда, послужной список у него хороший. Есть даже благодарность от полицмейстера – за умелую распорядительность при поимке испугавшейся лошади. Рубль награды заслужил. Чего такого мог сделать Яков, чтобы его убили? Непонятно...

Товарищи были еще категоричнее. Человек как человек. Чтобы Яшка голову сунул куда не надо? Такого отродясь не было! Осторожный, даже робкий. Ссор ни с кем не заводил. Давеча с мастеровыми не поладил, и то испугался, не довел до протокола. Иван приходил в часть и стыдил его. Ты, мол, в форме – власть представляешь. Держись бойчее! Лыков захотел поговорить с таким братом, но передумал. Установлено, что в день смерти Якова они с Иваном не встречались. Пусть хоронит...

На третий день курьер привез из Департамента полиции литографированные материалы на Разъезжалова. В том же пакете были и карточки самого убийцы, его помощника Федьки Банка и московского налетчика Пашки Черемиса. Карточки Алексей сразу же переслал полицмейстеру, а материалы тщательно изучил. И быстро наткнулся на важный факт. По делу о расправе над Поливановыми проходил некто Егор Саласкин. Держатель судной кассы и, видимо, скупщик краденого. При обыске у него обнаружили купоны от процентных бумаг, похищенных с места преступления. Саласкина сначала пытались привлечь как соучастника, потом изменили статус на свидетеля. Но займодавец не стал ни тем, ни другим. Вывернулся. Разъезжалов его не продал. Ну, купил купонный лист у незнакомого человека... На нем не написано, что украден! Оставленный «в сильном подозрении», Саласкин продолжил заниматься ростовщичеством. Его фамилия встретила сыщику вчера, когда он просматривал журнал происшествий Макарьевской части. Временно-московский второй гильдии купец Егор Саласкин подал заявление о пропаже у него пиджака на ордынской овчине, крытого казинетом. И еще серебряного жетона в память Александра Третьего с надписью: «Весь мир скорбит о Твоей кончине, слезы проливает Твой верный народ». Про жетон, правда, потом исправился, сказал, что отыскал; а пиджак так и исчез... Произведенным дознанием виновные не обнаружены.

Лыков отправился поглядеть на барыгу. Тот был прописан в гостинице «Двухсветная» Ермолаева. Там же держал кассу и выдавал ссуды. Саласкин оказался у себя в номере. Полный, с красным лицом и бегающими хитрыми глазами – типический блатер-каин!^[12]

– Что желает ваша честь? – спросил он, оглядывая гостя с подозрением.

– Я чиновник особых поручений при губернаторе, надворный советник Лыков. По поводу вашего заявления о пропавшем пиджаке. Его превосходительство велел проверить деятельность сыскной полиции. Поступают жалобы на ее нераспорядительность. Вот и вашу вещь не нашли... Желаете подать претензию?

– Какую претензию? – насторожился Саласкин.

– Ну, что дознание провели поверхностно. Оно ведь так было? Сыскные не очень-то и старались?

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – испугался барыга. – Старались! Правда, пиджака не вернули. Ну так не всегда ж находят! Нет, никаких претензий к сыскной полиции я не имею.

– Верно ли? – прищурился Лыков. – Может, вас запугали? Скажите правду, мы вас защитим.

– Повторяю, что действиями сыскных я совершенно удовлетворен!

Алексей заставил Саласкина сделать о том приписку на собственной жалобе – он хотел сравнить почерк (рука не совпала). И ушел. Впечатление от беседы осталось такое, что за блатер-каином нужно последить. Хитрый и скользкий, но на шарапа не возьмешь.

Из «Двухсветной» надворный советник сразу направился в сыскное отделение. На время ярмарки оно переезжало из здания Рождественской части на 2-ю Пожарскую улицу, в корпус 3-й и 4-й линии, занимая комнату над лавкой номер 10. Прозоров, по счастью, оказался на месте. Алексей рассказал ему о своем открытии и попросил список всех нижегородских блатеркаинов. Он решил подвести к московскому гостю его коллегу, но чтобы был полицейским осведомителем. И подловить Саласкина на скупке слама^[13], а потом прижать.

Владимир Алексеевич вынул «Реэстр приемщиков краденого, известных Сыскному отделению лиц, дающих приют вора́м». Петербуржец раскрыл его и присвистнул: все знакомые фамилии! Шестнадцать лет прошло, как они с Благово уехали в столицу, а барыги в Нижнем Новгороде так же трудятся...

– Проститутка Пашка, Кизеветтеровская улица, дом Лямасова. Как же, помню! Фрол Вайкус, Зелинский съезд, номера Прокудина. Жив, курилка! Ему уж за семьдесят!

– Жив и все так же маклачит, – радостно сообщил Прозоров.

– Так... Гораль Пушкин. Он же по паспорту Озорович! Или я путаю?

– Так и есть, Озорович. Но фамилию уж позабыли, привыкли его все Пушкиным звать.

– При мне этой клички не было!

– А его поймали, когда он сочинителя известного, Александра Сергеевича Пушкина, купил у Стремихи.

– Ворованного?

– А то! Три месяца арестного дома получил, и новое прозвище, хе-хе!

– Владимир Алексеевич, а вызовите мне его на секретную встречу. Есть одна мысль, как нам гостя прищучить. А то, вишь, заявления пишет... пиджак у него украли...

– Что вы задумали, Алексей Николаевич? – насторожился коллежский регистратор. – Без ведома начальства у нас такого не делают.

– Вы правы, – спохватился Лыков. – Пошли срочно к полицмейстеру.

Он привык принимать решения такого рода самостоятельно. Департамент обычно давал ему полную свободу в методах дознания – и получал результат. Здесь же была сложная иерархия, и ее следовало соблюдать. Ведь за порядок в городе отвечал полицмейстер, и через его голову действовать не стоило.

Яковлев выслушал столичного сыщика настороженно. Пожевал бороду и сказал:

– Я правильно вас понял? Вы хотите подбросить московскому маклаку ворованные вещи и потом его же за это арестовать?

– Не подбросить, а вынудить купить.

– Руками уже нашего мошенника?

– Да. Гораль Пушкин старый осведомитель полиции, он провернет все ловко.

– Но... Алексей Николаевич! Это же провокация!

Лыков начал потихоньку выходить из себя. Тут полиция или благородный пансион?

– Петр Яковлевич, вы хотите поймать беглых каторжников или нет?

– Хочу. Но не любой ценой!

– А что вас не устраивает в этой цене?

– Как что? Во-первых, ваши методы... бессовестны. Во-вторых, этот Пушкин потом веревки из нас вить станет. Когда поймет, что оказал нам услугу и имеет теперь право на ответную от полиции любезность!

– Насчет моей бессовестности. Я готов пока оставить это без последствий... для пользы дела. А насчет ответной любезности – так ведь оно каждый день и в каждой полиции происходит, господин коллежский советник. В том числе и в вашей.

– Это так, Прозоров? – зло покосился на подчиненного полицмейстер.

– А как же иначе, ваше высокоблагородие? – ответил тот, отводя взгляд. – Другого способа и нету.

– Ну я положу этому конец!

– И оставите сыскную полицию без глаз и ушей? – съязвил Лыков. – То-то преступники обрадуются!

– Это мы еще посмотрим! А я все думаю: за что нас все так не любят? Вот теперь понятно за что! Сами провоцируем, кого хотим – ловим, кого хотим – отпускаем...

Тут Лыков встал:

– Я отказываюсь вести дознание в таких условиях. И объясню губернатору, почему.

Яковлев переменялся в лице.

– Подождите, подождите, ради бога! Поймите, ведь голова не принимает... Как же так? Неужели по-другому нельзя?

– Петр Яковлевич, вы ведь недавно в полиции?

– С апреля месяца.

– А до того были чиновником особых поручений при губернаторе. Чем занимались?

– Да чем только не занимаются чиновники особых поручений! Вам ли не знать! С голодом боролся, воинскую повинность надзирал...

– Полицейских дел мало касались?

– Разве иногда, и то в уездах.

– Как же вы хотели служить в полиции, когда дали согласие на эту должность? Делать дело хорошо и при этом в дерьме не запачкаться?

Яковлев молчал.

– Так я вам скажу, что иначе не бывает. Или надо службу менять, или засучить рукава и мести этот сор вместе со всеми.

– Но... ведь нечестно, чтобы известный нам маклак под нашим же покровительством краденое скупал!

– Петр Яковлевич. А что, если Разъезжалов со своими подручными человека убьют? Например, сегодня ночью. Пока вы тут чистоплюйством занимаетесь.

Готовы такой грех на душу взять? А могут и не одного зарезать, а как тогда, целую семью!

– Хорошо. Я даю разрешение на операцию. Поступайте как хотите.

– Ну уж нет! – Лыков перестал сдерживаться. – Вы должны присутствовать при договоре с маклаком Озоровичем и лично дать ему гарантии.

– Зачем это?

– А затем. Давеча вы сказали, что мои методы бессовестны...

– Я готов извиниться!

– К черту ваши извинения! Опять хотите легко отделаться? Выяснилось, господин исправляющий должность полицмейстера, что вы не понимаете самой сути вашей службы. От такого толкования будет больше вреда, чем пользы. Придется вас кое-чему поучить. Как с агентурой работать, какой ценой результат добывать. Как испачкаться, но дело сделать и обывателей защитить. Как, в конце концов, убийц ловить! Я понятно излагаю?

Яковлев был старше Лыкова и чином, и возрастом и совершенно не зависел от Департамента полиции. Но он понимал, что надворный советник сейчас пойдет к Баранову и все расскажет. А тот, конечно, примет сторону петербуржца. Губернатору важен исход дела. Чтобы в городе было спокойно. Яковлев лишь исправляет должность. И вопрос о том, станет ли он полноценным полицмейстером, отложен на осень. Когда закроются и выставка, и ярмарка, и начальство начнет делать выводы. И тогда рапорт Лыкова может оказаться решающим.

В итоге через час в кабинет полицмейстера вошел старик семитской наружности.

– Здравствуйте, Гораль Хаимович!

– Какая радостная встреча! Алексей Николаевич, таки сколько лет прошло!

– Шестнадцать, Озорович, шестнадцать.

– Как быстро летят годы... Вы уже, я слышал, надворный советник? И были даже камер-юнкером?

– Все верно.

– А Павел Афанасьевич умер, светлая ему память?

– Умер.

– Ах, как жаль! Весьма-весьма достойный был человек. Всегда умел войти в положение бедного еврея!

– Гораль Хаимович, а ведь вы нам снова нужны!

– Я? Старый-пожилой, никому не интересный человек?

– Именно. Дело вот в чем: надо нам изловить одного... вашего коллегу. Тоже блатер-каина, как и вы.

– Ну я вас умоляю, Алексей Николаевич! К чему эти обвинения?!

– Таки я продолжу. Он приехал из Москвы. Фамилия его Саласкин.

– Саласкин? Не знаю такого.

– Надо, чтобы узнали. И чтобы он купил у вас вещи.

– А... По-ни-ма-ю!

– Вот. Сообщу также, что указанный Саласкин – маклак известного убийцы Разъезжалова.

– Того, что лично задушил маленького ребенка?

– Да.

– Ой, какой нехороший, какой подлый человек!

– Вот вы нам и помогите его поймать. Разъезжалов бежал из Нерчинска. Он сейчас в городе, и с ним еще двое каторжных. А Саласкин может нас на них вывести.

– Алексей Николаевич, но мне-то это зачем?

– Ну как же! Уберете нашими руками конкурента. Ишь приехал сюда краденое скупать! Так и вам ничего не останется.

– Это понятно. А еще для чего?

– Чтобы полиция и дальше смотрела сквозь пальцы на ваши старческие безобразия.

– Вот! – Блатер-каин просиял. – Я хотел, чтобы эти слова произнесли в присутствии господина полицмейстера.

Яковлев, красный как рак, натужно просипел:

– Я подтверждаю слова господина Лыкова.

– Теперь можно работать, – констатировал Озорович-Пушкин, поворачиваясь к Алексею. – Вы сказали, он из Москвы?

– Да.

– Тогда я знаю, как к нему подойти.

– Учтите, вещи должны быть очень хорошие.

– Молодой человек! Вы будете учить меня торговать?!

После этого события завертелись с невероятной быстротой.

Саласкин цедил чай с ромом в трактире «Тулон», когда к нему вдруг подсел пожилой, чисто одетый еврей.

– Егор Савватеевич?

– С кем имею честь?

– Меня зовут Озорович Гораль Хаимович. Может, слышали?

– Не приходилось.

– Ай-ай! Старею. Но это не важно. Я здешний купец по ювелирной части. А об вас знаю от Бернштама.

Саласкин сделал почтительное лицо. Иуда-Шмуль Бернштам был крупнейший московский блатер-каин.

– Он мне сказал, что с вами можно делать дело, – продолжил собеседник. – Если быть точным, Иуда отозвался так: жадность Саласкина имеет разумные границы.

Москвич улыбнулся. Выражение было в духе знаменитого маклака.

– Что-то имеете предложить?

– Да. Пять серебряных вещичек от закусочного прибора, очень изящных. В Нижнем за них не дадут настоящую цену.

– Они у вас с собой?

– Да. Но не здесь же!

– Извольте пройти в мою кассу ссуд.

– Учтите, Егор Савватеевич, – нахмурился Озорович, вставая. – Я пожилой человек, мелочами не занимаюсь. Сейчас в городе много хорошей аржентерии^[14]. Лучшую несут мне. А покупателей хороших совсем мало! Мне нужен помощник, который будет пересылать эти вещицы в богатые столицы. Иуда не приехал, Воронин не приехал... Возможно, этот помощник будете вы. За свой хороший гешефт, разумеется! Я решу это после первой сделки.

– Я все понял, Гораль Хаимович. Цену дадим подходящую.

Два маклака уединились в номере москвича. Вскоре Озорович-Пушкин вышел и быстро удалился. А к Саласкину ворвались сыскные агенты. Через четверть часа Лыков уже приступил к допросу арестованного.

– Ну что, Егорка, на этот раз ты влип основательно. Вещицы от закусочного прибора краденые. Похищены у статской советницы Тимченко четвертого дня.

– Откуда ж я знал? Пришел почтенный человек, купец по ювелирной части. Оказывается, он краденым торгует!

– Озорович ведь тебя предупредил, что вещи ворованные. Это означает скупку заведомо краденого. Сидеть тебе теперь в тюрьме.

– Ничего он мне не говорил! Поклеп это! Не докажете. Его слово против моего – мировой не примет.

– У вас в Москве не примет, а здесь, в Нижнем, милое дело! Опять, у нас и свидетель имеется.

– Какой еще свидетель? – взвился Саласкин. – Мы один на один торговались!

– Ну как же ты запаматовал? – Лыков явно издевался над маклаком. – Был свидетель. Известный в здешних краях вор Панкратов по кличке Рябой. Вот его собственноручное в том признание. Гляди. – Сыщик протянул арестованному лист бумаги. Там корявым почерком было написано, что Панкратов украл серебряные вещи у статской советницы и продал их Саласкину при посредничестве Озоровича.

– Узнаешь руку?

– Что я должен узнать? – затравленно выкрикнул Саласкин. – Никакого

Рябого в глаза не видел! Это обман!

– А сравни.

И Лыков дал москвичу на прочтение анонимку, полученную губернатором. Она была написана тем же почерком, что и «признание» Панкратова. Почерк на «признании» был ловко подделан счетным чиновником полицейского управления Доброзраковым, мастером на такие штуки.

Саласкин дважды перечитал анонимку и ничего не понял.

– Ну и что? Я адвоката найму! Он вскроет на суде все ваши обманы!

– Дурак. До суда еще дожить надо.

Арестованный осекся и впервые посмотрел на сыщика внимательно.

– Ваше высокоблагородие, объясните, христа ради! Какой-то Панкратов, теперь вот Разъезжалов! А я тут при чем?

– Объясняю. Нам надо эту сволочь поймать. Ишь приехал в Нижний! На ярмарке с выставкой решил пожить? Хрен ему!

– Ну и ловите. Я для чего зандобился?

– Ты нам скажешь, где его искать.

– Да не знаю я, где его искать! После суда не видал. Сам до смерти боюсь этого человека. Да он и не человек вовсе...

– Ты меня так и не понял, Саласкин. Вот письмо, которое получил губернатор. Там написано, что Разъезжалов с бандой приехали сюда. Рука сам видишь чья – Панкратова. А написал он это под твою диктовку.

Маклак выпучил глаза и некоторое время сидел так. Потом спохватился:

– Что за чертовщина? Под мою диктовку? Зачем?

– Сам сказал, что боишься этого человека. Вот и решил сдать его полиции. А сообщить поручил сообщнику, вору Панкратову по кличке Рябой, чтобы твой почерк не узнали.

– Ва... ваше высокоблагородие! Ведь это же неправда!

– Как неправда? Вот у меня и признание Рябого имеется. Смотри. Очную ставку вам устроить?

Лыков вручил третью бумагу, написанную тем же корявым почерком. Никакого Панкратова-Рябого на самом деле не существовало, но сыщик играл ва-банк.

– Это подло, бесчестно!

– Что? И ты еще будешь меня чести учить, сволочь? Ты живешь краденым, торгуешь вещами, на которых кровь! Ну, чума, погоди. Разозлишь меня – сам будешь не рад!

– Ваше высокоблагородие, – жалобным голосом сказал Саласкин. –

Зачем это? Для чего вы меня мучаете?

– Уже ведь объяснил. Нам нужно найти Разъезжалова с ребятами. Вопрос его поимки – дело времени. Вот нынче пришли фотокарточки его, и Банкина, и Пашки Черемиса. Размножим и пойдем по номерам да гостиницам. Вскорости и поймает. Тогда я ему покажу письма, что под твою диктовку писаны, и устрою очную ставку с Рябым. Он подтвердит. А потом... потом посажу тебя в одну камеру с Разъезжаловым. Как думаешь, сколько ты после этого проживешь? И что там на суде вскроет твой адвокат?

Саласкин затрясся.

– Но есть и другой путь, – промолвил Лыков.

– Ка-какой?

– Ты называешь мне адрес прямо сейчас. Экономишь нам время и силы. И тогда я не выдаю тебя на расправу этому зверю. Он даже и не узнает никогда, кто его выдал.

– А что дальше?

– Дальше ты садишься в тюрьму и будешь сидеть, сколько суд приговорит.

– За что!

– Как за что? За скупку краденого. Серебряный закусочный прибор забыл?

– Но ведь...

– Ты думал, в Нижнем Новгороде можно безнаказанно барышничать? Шалишь!

Тут Прозоров, который молча вел протокол, хищно ухмыльнулся и добавил:

– Это тебя в Москве оставили в сильном подозрении. А у нас с такими разговор короткий.

– Итак, Саласкин, повторяю вопрос: где скрывается банда Разъезжалова? Учти, что неправильный ответ влечет за собой тяжелые для тебя последствия. Самые тяжелые. Решается вопрос, жить тебе или помирать. Осознаешь?

Маклак понурил голову и какое-то время молчал. Алексей не торопил его. Наконец арестованный крякнул и заявил:

– Что ж мне из-за такого головой жертвовать? Только обещайте мне, ваше высокоблагородие, что он никогда про этот наш разговор не узнает.

– Обещаю. Все сделаем так, будто по фотокарточке коридорный опознал.

– Если обманете, грех на вас будет...

– Будет, будет. Ты адрес говори.
– Значит, проживают они в гостинице Дугарева. Все трое в одном номере.

– Ух ты! – обрадовался Прозоров и подбежал к окну. – Вот же она, прямо напротив. Это что, Разъезжалов через улицу от сыскного отделения поселился?

– Точно так.

– Ну наглец! Он сейчас у себя?

– Не могу знать, но навряд ли. Купца какого-то они пасут, вчера на выставке приметили. Как стемнеет, налетят. Так что поспешите.

– Что за купец? Где поселился? – забросал маклака вопросами коллежский регистратор.

– Слышно, что живет он в гостинице «Международная».

– В «Международной» несколько корпусов, – озабоченно сообщил Лыкову Владимир Алексеевич. – «Россия», «Америка», «Франция», и в каждом сотни номеров! Можем не успеть. А станем ходить по этажам – спугнем!

– Ну? – спросил сыщик у Саласкина, глядя на него тяжелым взглядом.

– Я не знаю!

– Говори, что знаешь.

– Разъезжалов хочет подсунуть купчине певичку. Тот, знать, слаб на женский пол... Баба из чешского хора, красивая! Заманит она его в ресторацию «Хуторок». А оттуда – как карась наклюкается – повезет будто бы к себе на постелю. По пути и приткнут. Банкин уж и экипаж нанял.

Все стало ясно. Сыскное отделение без лишней огласки начало готовиться к задержанию. Маклака покамест посадили на ярмарочную гауптвахту, в карцер. Если все подтвердится, полицмейстер переведет его в острог. Там начнут дознание о скупке краденого. А дело Разъезжалова двинется своим чередом, никак не пересекаясь с Саласкиным.

Ресторан Неменского «Хуторок» – один из лучших на ярмарке. Находится он на Песках, и клиентура у него самая денежная: железные и рыбные торговцы. Кухня о-го-го, а цены – еще хлеще. Лыков хотел сначала сам сесть в зале под видом посетителя, присмотреться. Но передумал. Вон старик Озорович тут же его узнал. Мало ли кто окажется в ресторане? Закричит: здорово, сыщик, как дела? Гримироваться не хотелось. Свое гримерное депо осталось в департаменте, а мазаться здешними красками было боязно. И Алексей поместился на берегу затона напротив Москательного ряда. Там держал пельменную отставной

околоточный надзиратель. Он укрыл Лыкова и пятерых агентов. Шестой, самый способный, сидел в «Хуторке». Фамилия у него была фон Бригген – настоящий немец, да еще из дворян. А пошел в надзиратели сыскного отделения! Бригген трепался с приезжими ганноверцами, ловко изображая меховщика. И смотрел по сторонам.

Как задержать троих опасных преступников? Если бы под рукой оказались «летучие», вопросов бы не было. А здешние силы? Прозоров не производил впечатления человека тертого. Без году неделя как главный сыщик. Его подчиненных Лыков узнать не успел. Поэтому и вызвал старого приятеля Петра Фороскова. Петр по-прежнему служил в пароходстве «По Волге», обороняя его от жуликов. Он сразу согласился рискнуть и тоже пришел в ресторан.

В час ночи, когда засада уже вся извелась, Форосков стукнул в окно. Алексей быстро впустил его в сени.

– Ну?

– Стоят у входа, – сообщил Петр важную новость.

– Точно они? Ведь темно уже!

– Точно. Разъезжалов наклеил бороду и заглянул внутрь. Выпил рюмку у стойки и вышел. Но это он! Прячется за углом ресторана Березиной. А Банкин на козлах, как и ожидалось.

– Двое. Где же Пашка Черемис?

– Был в зале, а пять минут назад расплатился и вышел. Подсел к Банкину, под верх пролетки.

– Так. Значит, вот-вот начнут.

– Похоже на то.

– А штымп ^[15] обнаружил?

– Там их полста, и все с бабами! Но, один скорее, всего и есть наш. Черемис глаз с него не спускал.

– Кто такой?

– Паспорта я у него не смотрел, – ухмыльнулся Петр. – Бородатый, денежный и пьяный. Как все они, впрочем. Сидит у эстрады. Девка при нем русская, хоть изображает из себя австрийскую подданную.

– Он! Ну, ребята, выходим по одному. Оружие взвести!

Агенты щелкнули курками и начали нехотя выбираться наружу.

– Не дрефь, все будет хорошо, – ободрил их Лыков. – Разъезжалова я беру на себя, а вам отдаю мелочишку.

Все произошло стремительно. Надворный советник подкрался к беглому сзади. Тот его не услышал: стоял и следил за выходом

из «Хуторка». Удар по шее поверг бандита на землю.

Легким шагом Лыков подошел к пролетке. Там сидели двое. Сыщик цапнул одного за горло и выдернул наружу. Второго схватил неведь откуда взявшийся Форосков. Когда подбежали агенты, им оставалось лишь связать грабителей...

Не теряя времени даром, Алексей повез пленников в Главный дом. Банкина с Черемисом посадили в одиночки, а Разъезжалова сыщик стал допрашивать.

Начал он так:

– Ну, дрянь, говори! Купца решил подрезать? Мы все знаем.

Налетчик гордо вскинул красивую голову:

– Попрошу мне не тыкать, мы с вами водку на брудершафт не пили.

Лыков хотел отпустить арестованному затрецину, но передумал. Есть люди, от которых больше добьешься вежливостью, а не грубостью.

– Хорошо. Начнем сначала. Вы признаете, что являетесь Андреем Дормидонтовичем Разъезжаловым, осужденным в Москве за убийство четырех человек и бежавшим с Нерчинской каторги?

– Да, признаю. Как вы нас нашли?

Надворный советник вытащил из кармана пачку фотографических карточек и помахал ими:

— Вот. Коридорный в номерах Дугарева опознал Черемиса, когда мы делали повальную облаву. Что же вы как облапошились? Взяли к себе человека с такими приметными шрамами.

– Вот оно что... А я уж подумал...

– Что вы подумали? – «насторожился» сыщик. – У вас есть в городе еще сообщники?

– Да нет, это я так.

Алексей внимательно присматривался к убийце. Сильная личность! Держится с достоинством, хотя немного растерян. До сих пор не может понять, как он так легко попался. Подобные, когда смиряются, начинают говорить все без утайки. Хорошо бы и Разъезжалов раскололся сразу.

– Будем признаваться?

– В чем? – усмехнулся арестант, словно сидел на дружеской беседе. – Мы ничего не успели сделать. Поторопились вы маленько, ежели хотели взять нас с поличным.

– Ну, тут не успели, а раньше успели. Меня интересует смерть городского Одежкина.

– Какого еще Одежкина? – удивился арестант.

– Которого вы убили три дня назад во дворе дома Мохова в Плотничьем переулке.

Разъезжалов был озадачен.

– Три дня назад? А в котором часу это случилось?

– Вечером, около одиннадцати.

– Ну, тут уж вы облапошились! – развеселился каторжник. – Три дня назад об эту пору мы всей шайкой отмечали мои именины. В ресторане «Повар». До двух часов ночи гудели. Спросите обслугу – она подтвердит.

И сыщик сразу понял, что арестованный говорит правду.

Еще через час Яковлев, Прозоров и Лыков докладывали губернатору о поимке преступников. Точнее, докладывал полицмейстер, а остальные молчали. Петр Яковлевич был в своем рапорте объективен.

Баранов выслушал и спросил:

– Я правильно понял, что все сделал Лыков?

– Фактически да. Он обнаружил маклака, связанного с Разъезжаловым. Он же его расколол и заставил выдать убийц. Он же, собственно, и арестовал.

– Алексей Николаевич! – повернулся к сыщику губернатор. – Благодарю вас за службу! Завтра же будет в телеграмме министру.

– Да бог с ней, с телеграммой, Николай Михайлович. Убийца городского Одежкина не найден.

– Но зато обезврежена опаснейшая шайка беглых каторжников.

– Согласен, это хорошая новость для города и ярмарки.

– Что вы намерены делать дальше? Где искать убийц?

– Сейчас я намерен отдохнуть. Все-таки взяли трех лихих людей, и без капли крови. Переволновался немного...

– Да, конечно, я понимаю. Завтра прошу ко мне в удобное для вас время. Подумайте, чем мы еще можем помочь в вашем дознании. Не смею задерживать.

В коридоре Лыков не удержался и сказал полицмейстеру:

– Вот видите, Петр Яковлевич! В последний момент мы сегодня успели. Еще чуть-чуть, и они зарезали бы купца. Может, и хористку тоже: зачем им свидетель? А вы методы мои бессовестными называли...

– Виноват, Алексей Николаевич! – сказал Яковлев, вставая перед сыщиком во фрунт. – А вы преподали мне урок. На всю жизнь запомню. Извините еще раз, и – спасибо!

Глава 4

Новые версии

Дознание зашло в тупик. Хорошо, конечно, что взяли разбойников. Но кто же тогда ударил камнем несчастного городского?

Разъезжала с Банкиным уже на следующий день этапировали в Нерчинск. Там им добавят к сроку по пять лет и запрут в каземате. Воробьева-Черемиса отослали в Москву – теперь он ответит за свои злодеяния. Саласкина решили выкинуть из города, иначе бы на суде Пушкину пришлось давать показания, и тогда его сотрудничество с полицией стало бы известным. Распоряжением губернатора маклака посадили на поезд и велели никогда больше в Нижний Новгород не приезжать...

Жизнь подбрасывала новые загадки. В Шуваловской даче на ивовой плантации нашли тело женщины. Плантация являлась одним из экспозитов выставки. Она представляла образцы различных видов ивы, пригодных для корзиночного плетения. Место глухое и мало посещаемое. Женщина была задушена и раздета донага, а одежду преступник бросил возле тела. Оpoznанием установили, что это та самая проститутка Угодникова, которая сбежала от содержательницы Щавельской. Ни свидетелей, ни улик...

Алексей не стал отвлекаться на убийство проститутки, а продолжил дознавать смерть городского. Он съездил во Вторую Кремлевскую часть и спросил пристава Богородского:

– А что за столкновение было у Одежкина с какими-то артельщиками? Он хотел отвести нарушителей для составления протокола. А те показали ему кулак, и парень передумал...

– Да, за неделю до гибели случилась история. Яков не проявил твердости, ну да что теперь его за это винить...

И пристав рассказал следующее: как известно, мастеровым с инструментами запрещается ходить по тротуарам, они могут задеть обывателей за платье и вообще мешают прохожим топорами и пилами. Полиция обязана в таких случаях заставить их спуститься на мостовую и составить протокол, по итогам которого нарушители уплачивают штраф. Суммы эти бывают очень ощутимы, и бедные мастеровые стараются избежать наказания. Просят, суют мелочь на лапу, изредка скандалят. Так же случилось и с Одежкиным. Он увидел артель плотников, которая с инструментами нагло шла по тротуару. Это было напротив речного

училища.

Постовой остановил их и хотел препроводить в часть для составления протокола. Артельщики оказались выпимши и начали скандалить. И даже угрожать! Какой-то особо нервный кинулся на городского с кулаками. Его оттащили, но очень советовали служивому забыть происшествие...

– И что Одежкин? Забыл?

– Да. Он сробел – там десяток пьяных мужиков, весьма дерзких. И решил с ними не ссориться. Дошло до меня. Я сделал Якову внушение, но полицмейстеру сообщать не стал. Иначе начет, а жалование у городских и без того маленькое, двенадцать рублей в месяц. Пожалел, словом.

– Понятно. Могли эти люди затаить на городского обиду и подловить вечером?

Богородский задумался.

– М-м... Крайне маловероятно. До протокола не дошло, дело замяли. Зачем им будировать? Это же каторжное дело – на полицейского нападать!

Лыков не поддержал рассуждений пристава:

– С точки зрения здравого смысла так и есть. Но мы-то с вами знаем, какие бывают идиоты. То и дело таких встречаешь! Залудит косушку и ходит, ищет, к кому пристать. А тут и искать не надо. Обидел его городской! Значит, пойти и отомстить.

Богородский не нашел, что возразить. Действительно, мало ли дураков на белом свете! Вон по весне в их части случай был: два красильщика подрались, и один второго зарезал. А до того пьянствовали вместе, песни пели, обнимались... И кончилось кровью. А тут артель, в которой имеется беспокойный. Полез с кулаками на городского при исполнении. Чем не версия?

Алексей решил поручить ее разработку Прозорову. Не хотелось ему искать каких-то плотников, не царское это дело. Но Владимир Алексеевич встретил его сетованиями:

– Вот же чертовщина! С выставки билетеры разбегаются!

– Какие еще билетеры?

– А которые в турникетах сидят. Сначала старший убег, а вчера еще трое!

– Старший – это который Лугвенов?

– Он самый. Сбежал еще, когда царь не уехал. Не иначе, с выручкой!

– Да уж, просто так билетеры не бегут, – согласился надворный советник. – Однако как же они воровали? Там в турникетах счетчики! Посетитель зашел, и колесико передвинулось. Много не сопрешь.

Прозоров махнул рукой:

– Наше жулье на выдумку богато. Не иначе что-нибудь придумали.

– Но Савича жалко, – продолжил надворный советник. – Он взял приятеля на должность, доверился ему, и вот... Теперь надо дознание проводить, сколько денег выставка не досчиталась.

– Об этом и речь, Алексей Николаевич, – расстроился Прозоров. – Вы ведь знаете, что и меня к этой чертовой выставке прикомандировали. Вот получил сейчас от полицмейстера указание – бросить все дела и искать сбежавших.

– Как так – бросить все дела? – удивился Лыков. – А кто станет убийство Одежкина дознавать? Сравнили аферу с убийством полицейского. Что там у Яковлева, совсем ум за разум зашел?

– Я человек маленький, делаю что приказано. Вы бы поговорили с их высокоблагородием, а? Иначе мне придется отозвать людей от вашего дознания.

Лыков пошел к полицмейстеру. Тот делал объезд ярмарки, и пришлось его долго ждать. Когда коллежский советник наконец появился у себя, состоялся довольно резкий разговор. Оказалось, что Тимирязев потребовал от Яковлева срочно найти беглецов. Особенно Лугвенева. Люди скрылись без видимых причин, сразу четверо! На первый взгляд недостачи за ними нет, поступление денег шло без нареканий. Но точный ответ может дать лишь ревизия. А скандал выставке сейчас совсем не нужен. Только что уехал государь, оказавший ей большую честь. Обошел все отделы! И тем привлек, безусловно, новые толпы посетителей. Самое время принимать гостей, демонстрировать успехи народного хозяйства. Значит, ревизию следует делать тихо. И вообще помалкивать насчет беглецов.

– Но люди Прозорова нужны сейчас для дознания убийства, – возразил Лыков. – Это важнее билетных афер.

– Тогда, им придется успевать везде, – ответил Яковлев. – Я не могу отказать генеральному комиссару выставки. Сыскное отделение с двадцать восьмого мая официально переподчинено, в том числе и Таубе. Прозоров на время выставки обязан исполнять приказы ее полицмейстера.

– Хорошо, я понимаю, что людей нет, но хотя бы отзовите свои слова. Что сыские должны сейчас бросить все другие дела и заниматься только этим. Пусть тащат оба воза.

Так и решили. Яковлев вызвал Прозорова и велел ему не оставлять дознания о смерти Одежкина. Следует так распределить людей, сказал он, чтобы их хватило на все.

Два сыщика вышли на подъезд Главного дома. Владимир Алексеевич был обескуражен.

– Вот так всегда! Разорвись надвое, спросят: а почему не на четверо? Где ж я людей возьму для всех мазуриков? Штаты общей полиции на время ярмарки и выставки увеличили в четыре раза. А сыскное отделение, как имело восемь единиц, так с ними и осталось. Тут еще шлюху эту задавили!

– Что об этом говорить, – пожал плечами Алексей, – служба. Вы вот послушайте, что я узнал от пристава Богородского...

И он рассказал про стычку Одежкина с неизвестными плотниками, которая могла стать причиной убийства. Прозоров загорелся:

– Любопытная идея. Я пошлю в часть Пузыревского, пусть копнет.

Губернский секретарь Пузыревский был помощником начальника сыскного отделения. Алексею он не нравился. Надутый какой-то и вялый. Будучи в чине выше своего шефа, он был обижен, что не его назначили на отделение. И действовал всегда спустя рукава. Но ведь так по всей полиции! Вон пристав выставки Муханов всего-навсего губернский секретарь, а помощником у него – надворный советник Веснин. Подполковник – у поручика! И ничего. Служит Веснин и не жалуется...

– Вы вот что, Владимир Алексеевич. Пошлите лучше туда фон Бриггена. Он вам настоящий помощник, а не Пузыревский.

Коллежский секретарь смутился.

– А...

– А тот пусть займется билетерами.

Сам Лыков вызвал на беседу Ивана Одежкина. Брат погибшего служил в Рождественской части и был там на хорошем счету. Он пришел после дежурства – подтянутый, основательный.

– Скажите, Иван Степанович, были ли у Якова враги? – с ходу огорошил его сыщик.

Тот наморщил лоб и задумался. Вдруг лицо его дрогнуло.

– А ведь были!

– Кто?

– Антоха Рябзин, есть такой.

– Что за человек?

– Из наших бывший, из городских. Смелый парень, но бесшабашный. Без царя в голове. Особенно когда водки нажрется...

– И что у них между собой вышло?

– А Иван его пьяного пытался усмирить. Когда Антоха буфетчику в «Стрельне» грозился морду начистить. Увел он тогда Рябзина и вечером доложил о том по команде, как полагается.

– Ого. И чем закончилось?

– Рябзина, понятно, пинком под зад. Он и раньше нарывался, на «губе» сидел, штрафовали его. А тут терпение у начальства кончилось, и – вчистую. Антоха обещал отомстить. Пришел в часть, напал на брата, изломал ему шашку... Как же я сам об том не вспомнил?

Лыков затребовал формуляр уволенного городского. Антон Рябзин, бляха номер 101. Из крестьян. Отставной бомбардир 24-го летучего артиллерийского парка. Ишь ты, у пушкарей тоже есть «летучие»! В полиции отслужил всего четыре месяца. Неприятности у него начались почти сразу. Не отдал установленной чести околоточному надзирателю Звездочетову; рапорт надзирателя прилагался. Был назначен на три дежурства не в очередь. Потом краткосрочный арест – за вторичное неотдание чести тому же Звездочетову и за дерзкое обращение с публикой. Наконец, после рапорта Одежкина за нетрезвое поведение и буйство уволен из кадра городских. Это случилось 10 июля, за неделю до смерти Якова.

Сыщик стал расспрашивать сослуживцев и выяснил еще один важный факт. У Рябзина был товарищ, такой же пьяница, как и он. Адам Мацилионис, бляха номер 289. Сначала бедолага заснул на посту, за что был оштрафован на рубль. Потом вышла еще более неприятная история. Мацилионис подобрал на улице утерянную квитанцию ссудной кассы Трифоновой на имя купца Зотова. На сто сорок рублей, между прочим. Вместо того чтобы сдать находку начальству, городской обратился к купцу и стал требовать у него награду. Купец вручил пятишницу, но сообщил об этом помощнику пристава. Дошло до полицмейстера, который и выгнал вымогателя из рядов полиции. Теперь, по слухам, двое бывших городских жили в Катыхах. Ремеслом они никаким не владели, но откуда-то доставали деньги на водку. Подозрительная парочка. Рябзин, уходя со службы, публично обещал наказать Якова Одежкина. Неужели он выследил его через сообщника и убил? Запросто.

Слобода Катыхы – скверное место. Начала свою историю она еще в шестидесятых годах. Тогда на пустынном левом берегу Оки выстроил себе землянку мещанин Журавлев по прозвищу Катых. Он был кузнец, ковал гвозди, а весь доход пропивал в кунавинских кабаках. Постепенно его жилище стало обрастать соседскими хибарами. Здесь селились люди темные, неприязательные, и таких к 1896 году набралось уже немало. Почти сто домов образовали несколько безымянных улиц. Слобода в городскую черту не входила, поэтому строения все в ней были временные, на птичьих правах. Полицейский надзор отсутствовал. Ведь официально этой местности как бы не существовало.

Лыков поехал на выставку. Полицмейстер Таубе, как узнает о двух проходимцах, вряд ли обрадуется. Ведь Катызы с ним по соседству. Подполковник не откажется выделить надворному советнику пяток городских.

Так и вышло. Александр Александрович принял Алексея сразу. И начал с благодарности за дни, когда по выставке ходил государь. Оказалось, что фон Таубе знал историю про студента с кульком баранок. И очень одобрял энергические действия начальника Летучего отряда.

Тот в ответ рассказал полицмейстеру о своем дознании и о том, что подозрение в убийстве городского падает на его бывших сослуживцев. Они скрываются в Катызах, совсем близко отсюда. Жить эти люди могут только разбоем – далеко ли до новых преступлений?

Фон Таубе принял решение быстро. Пристав Макарьевской части Воскресенский, как и Прозоров, тоже на время выставки был подчинен ее полицмейстеру. За Воскресенским полетел курьер. Пока его искали, подполковник подобрал шесть крепких ребят из кадра своей полиции во главе с околоточным надзирателем Васильковым. Высокий, сильный и хладнокровный, Васильков был подходящей кандидатурой. Он принял поручение арестовать подозреваемых в убийстве не моргнув глазом.

Вскоре прибыл Воскресенский, и привел с собой еще пять человек. Намечалась облава. Когда стемнело, полицейские с трех сторон вошли в криминальную слободу. Они держали оружие наготове. Несколько часов продолжался обыск, и не дал никаких результатов. Бывших городских не нашли.

Утром Алексей по-начальственному собрал сыскных на совещание. Настроение у него, несмотря на вчерашнюю неудачу, было хорошее. Надворный советник словно вернулся в свою молодость: вот злодеи, их надо поймать; вот агенты, смотрят на него с надеждой. Пусть идет на ножи, а уж мы не выдадим! Все как тогда...

– Коллеги, вчера мы ударили по пустому месту. А почему?

Сыскные замерли в ожидании подсказки.

– Потому, что искали наобум, без разведки.

– А-а-а...

– Надо теперь повторить попытку, но уже с умом. Напрямь осведомителей, походить по пивным и портерным. Кто у нас отвечает за Кунавино?

– Я! – вскочил агент Сверчков.

– Какие у вас будут идеи?

Сверчков ответил сразу, словно заранее подготовил ответ:

– Надобно спросить у Германа.

– Кто таков?

– Уголовный. Вор первый сорт.

– Это ваш осведомитель?

– Так точно, ваше высокоблагородие. Два года как. Он тогда сел в острог, за то что самого Бугрова обокрал. Покушался на кражу через подбор ключей, да и попался. А мы как раз искали «наседку» к Тазетдинову. И Герман согласился. Ловко все провернул. С тех пор он у меня на связи для тонких дел.

– Годится. Вызывайте его сюда, хочу поглядеть на вашего осведа.

Вор пришел и получил задание. Алексею он понравился: умный, азартный. Если бы такой пошел в сыщики, из него получился бы хороший агент.

Герман явился с задания ночью, прямо в номер к Лыкову. Тот услышал тихие шаги и успел приготовиться. Дверь открылась, просунулась голова.

– Ваше высоко... – раздался тихий шепот и сразу прервался: в лоб незваному гостю уперлось дуло револьвера. – Ой!

– Это ты?

Сыщик одним рывком втащил вора внутрь и пожурил:

– Зачем крался? А если бы я выстрелил?

– Нет, вашество, я же справки навел, – ухмыльнулся Герман, не тушуясь. – Вы опытный, с перепугу шмалять не будете. Опять же, я голос подал.

– Почему сюда пришел?

– Потому, что надо быстро. Отыскал я Рябзина с товарищем. И собираются оба из города тикать.

– Вот как! Где они прячутся?

– Есть в Гордеевке турецкоподданный Махмедбиль Юсуф. Держит табачную лавку, а при этом скупщик краденого и наводчик. Там и сидят ребята.

– Место знаешь?

– А как же.

– Сам ему слам носил? – не удержался сыщик.

– А ежели и так? – в тон ему ответил вор. – Главное, я вопрос решил.

Замечание было верное, и Лыков не стал одергивать осведа. К тому же следовало торопиться. Будить полицмейстера, требовать от него подкрепления – это до утра. Сыщик решил обойтись малыми силами. Два смелых человека поехали за третьим. Казалось, Герман знал все в этом городе; откуда-то ему был известен и домашний адрес Василькова.

Околоточный надзиратель снимал квартиру в доходном доме Сорокина на Рождественской улице. Спал он крепко: пришлось долго стучать в дверь. Когда же проснулся и уяснил задачу, то не задал ни одного лишнего вопроса. Молча оделся, взял револьвер, а шашку оставил: в драке она ни к чему.

Когда вся троица подошла к лавке турецкоподданного, Алексей подивился на своих спутников. Предстояло опасное задержание. Люди там отчаянные, почти наверняка убийцы... Васильков был серьезен и собран, но совершенно спокоен. А Герман, наоборот, весь как на пружинах, шел и пританцовывал – торопился скорее сразиться. Смелые люди – с такими и в бой идти одно удовольствие.

Тут как раз и начался бой. Бывшие городовые не спали. Зазвенело разбитое стекло, и грохнуло несколько выстрелов. Сыщик успел отскочить за крыльцо. Вор ловко увернулся. А околоточный смело пошел на заряды. Одним могучим ударом он вышиб дверь и шагнул внутрь. Лыков хотел сунуться следом, но Герман его опередил. Когда надворный советник зашел последним, все было уже кончено.

На полу в луже крови лежал крупный парень с револьвером в руке. Ноги его подергались-подергались, да и перестали... Рябзин! Кто же его так? Полиция огня не открывала.

Околоточный держал второго жильца за шиворот и кричал ему в ухо:

– Говори, что тут было?

– Антоха... сам себя шмальнул. Это не я, клянусь!

– А кто в нас стрелял?

– Тоже он! У меня и оружия-то нету.

– А может, ты ему успел в руку вложить? – налетел сбоку Лыков. – Смотри у меня, совершь – в порошок изотру!

– Он, ваше высокоблагородие, все он. Я его боялся, потакал... за это отвечу. И стрелял в вас он. А как остался последний заряд, себе в грудь пустил.

– Почему? Грех за собой знал? Сознавайся: вы Одежкина убили?

Пленник всхлипнул и зажмурился. А потом что-то забормотал. Лыков прислушался – ни черта не слышать! Вор и околоточный, возбужденные схваткой, что-то орали друг другу. Тоже перенервничали...

– Тихо всем!

В наступившей тишине Алексей разобрал, что Мацилионис молится Богу! Это длилось полминуты. Наконец арестованный открыл глаза.

– Ваше высокоблагородие, Яшку мы не убивали. Святой крест! Антоха хотел, да. Все собирался, грозил. А второго дня встретился нам знакомый

из резерва и сказал про Одежкина. Кончили-де его. Антоха даже осерчал: вот, мол, не успел наказать доносчика, без него решили. И нажрался с досады.

– Почему же Рябзин тогда застрелился?

– Полагаю, с пьяных глаз.

Таким вышло это удивительное задержание. Лыков провел их – не счесть, но впервые ему ничего не пришлось делать. Нашлись другие смельчаки, не хуже него. Пуля надорвала околоточному надзирателю погон, и он заставил Мацилиониса его пришить. И лишь после этого отправил в часть...

Расставаясь с Германом, сыщик спросил:

– Как же ты не боишься? Пришел вместе с полицией арестовывать... Деловые узнают, они тебе не простят.

Тот махнул рукой:

– Вот еще! «Красного»^[16] я действительно никогда не посмею заарестовать. За такое шкуру снимут! А тут бывшие городовые. Это же не люди! Хуже нету матерьяла. За них мне ничего не случится, кроме награды от господина полицмейстера.

Утром следующего дня снова состоялось совещание, на этот раз у Яковлева. К этому времени уже было установлено, что Рябзин и Мацилионис к убийству непричастны. У них оказалось алиби. Вечером 17 июля оба сидели на ярмарочной гауптвахте, арестованные за пьяную драку. На другой день их, правда,пустили – знакомые сторожа за два штофа водки. Когда начальство узнало об этом, разразился скандал. Смотритель гауптвахты, не имеющий чина дворянин Скуриди, был уволен с должности, сторожей самих посадили под арест.

Сняли подозрение и с мастеровых. Фон Бригген разыскал плотничью артель. Мужики покались, что накричали тогда сгоряча на постового. Выпили перед этим, вот и осмелели... Но потом взяли подряд в селе Высокове, строят там почтовую контору. С тех пор в городе и не были. Кто хошь подтвердит.

Дознание опять зашло в тупик. Местные деятели смотрели с надеждой на петербуржца. Где теперь искать? Но у того никаких идей не было. И он вызвался помочь сыскному отделению разобраться со смертью проститутки. Глядишь, пока ловят другого злодея, что-то случится. Вскроются новые факты, появятся иные версии... Яковлев понял, что ничего больше от столичного командированного не добиться, и махнул рукой. Делайте что хотите!

Лыков поехал в Кунавино. Там сложился целый «веселый городок».

Вообще, в Нижнем два центра проституции. Один издавна завелся на ярмарке. Самокатская площадь дала приют шестнадцати публичным домам, Азиатский переулок – еще семи. Особняком стоял знаменитый дом Муратова, в котором помещалось сразу пять борделей. Хозяйки заведений – почтенные бендерши: Прянишникова, Юсина, Корчагина, Андреянова, Ерганова, Гофман... Своим ремеслом они занимались десятки лет. Лыков по прежней своей службе в нижегородской сыскной полиции хорошо знал их всех. Ярмарочная проституция была «сезонной» – в сентябре девушки разъезжались по домам.

Второй центр образовался в Кунавине. Улицы Елизаветинская и Александровская сплошь уставлены публичными домами. Тут уже разврат гнезвился круглый год. Когда затихала ярмарка, часть проституток тоже уезжала: в Москву, в Петербург. Но костяк оставался и обслуживал нижегородцев и приезжих. Близость вокзала, Катыз, Гордеевки привлекала в Кунавино темный элемент. Полиция поэтому старалась держать местность под наблюдением. Большинство «тетенек» являлись негласными осведомителями. Откажешься помогать полиции – мигом лишишься промыслового свидетельства. Пристав всегда найдет, к чему прицепиться.

Рахиль Эльбовна Щавинская была среди кунавинских бендерш предводительницей. Она содержала крупнейший бордель с 34 девушками – на две больше, чем у главной конкурентки Кулейн. Самое же важное, что заведение помещалось в собственном доме Щавинской. Тогда как другие снимали помещения и платили за них большие деньги. Дом был настолько вместительным, что еще оставалось место. И Рахиль Эльбовна отдавала его Киселевой (26 девушек) и Гольштейн (7 девушек).

К этой почтенной женщине и явился Лыков. Та встретила его радостным восклицаниями:

– Алексей Николаевич! Сколько лет, сколько зим! А вы возмужали, возмужали... Уехали от нас почти что юноша, а теперь вот другое дело. Ну что, дамы стали наконец на вас заглядываться?

– Отбою нет, Рахиль Эльбовна!

– Вот! Я же вам говорила, помните?

– Помню. Все вышло, как вы предрекали. Чаем угостите?

В таком духе их беседа продолжалась еще минут десять. Лыкову было приятно сидеть у своей старой клиентки, где он в молодые годы написал не один протокол. Собеседники выпили чаю, вспомнили Павла Афанасьевича, перемыли косточки нынешнему полицейскому начальству. Потом Щавинская отставила чашку и сказал:

– Вы ведь по поводу Угодниковой? Я велела собрать ее вещи

и документы. Пойдемте провожу...

Встала, шагнула, и сделалось заметно, что бендерша сильно постарела за эти годы.

Они пришли в крохотную комнату с одним окном. На койке лежал скарб. Алексей осмотрел его: все дорогие вещи. Шаль со стеклярусом, пальто из хорошего драпа, три платья.

– Ого! Имела богатых поклонников?

– Да, Верочка нравилась одному господину. И он осыпал ее деньгами. Я не возражала.

– И все это она бросила здесь... Что-то сильно напугало Угодникову?

Щавинская присела на кровать. Из нее будто впустили воздух: старуха старухой...

– Я знала, что явятся сыскные. Что-то было не так. Сначала, когда Верочка убежала, я решила, что она убежала от меня. И обиделась. Я ли ей не потакала! А кто она? Просто крестьянская девка. Про таких говорится: слаба на передок.

– Когда вы поняли, что дело не ладно?

– Уже после того, как отнесла заявление. Подружки рассказали мне, как девочка была напугана. И потом, бросить новое пальто! Ведь оно восемь рублей стоит!

– Ага. Давайте подробнее про то, как Угодникова была напугана. Кого она боялась? Своего кредитного?

– Нет! – воскликнула бендерша. – Я тоже так сначала думала и потому не беспокоилась. Девочки вечно с кем-то сходятся, потом расходятся. Сплетни, пересуды. Но ее кредитный сбежал. И девочки злобно над Верой посмеялись. Потому как им же было завидно! Когда он купал ее в деньгах. Вот они и отомстили. Тут очень зло мстят, когда приходит время. Всем хочется иметь богатого поклонника, постоянного. А еще есть легенда, что где-то когда-то такой поклонник влюбился в шлюху и забрал ее из публичного дома под венец.

– А такого никогда не было?

– Конечно, не было. Но девочки верят.

– Так. Расскажите мне о кредитном Угодниковой. Кто он?

– О, из дворян! И при деньгах. Правда, от его денег исходил дурной запах.

– Что вы имеете в виду?

– Посудите сами. Откуда у старшего билетера выставки такие деньжищи? Разве только воровать из кассы!

– Так ее любовником был Лугвенев?

- Да. Я разве не сказала?
- Рахиль Эльбовна. Давайте с этого места очень-очень подробно.
- Хорошо.
- Когда Лугвенева впервые появился в вашем доме?

– Сейчас вспомню. Выставка открылась двадцать восьмого мая. Мы готовились, все девочки уже были на местах. Сначала шло вяло, народ, можно сказать, отсутствовал... В первых числах июня стало оживать. И тут пришел он. Важный, самодовольный... Потомственное дворянство очень приподнимало Виктора Павловича в собственных глазах...

– Действительно, Лугвенева – старый дворянский род из Новгородской губернии, – подтвердил Алексей.

– Таки этот не вызывал особого уважения, – съязвила «тетенька». – Но деньги у него водились. Причем не сразу он стал ими швыряться. Я сейчас полагаю, что сначала-то Лугвенева был нищ. Жил только жалованием. Первые дни выставка пустовала, народу почти не было, и не с чего воровать. А потом, постепенно...

– Он сразу выбрал себе Угодникову?

– Да, в первый же день. Назавтра снова явился и опять взял ее. Затем перепробовал нескольких девочек: Люсю, Матильду, Нору, еще кого-то. И уж после этого окончательно остановился на Верочке.

– Что было дальше?

– Дальше Веру ударило в голову. Каждый вечер рестораны, подарки, цыгане с арфистками! Работать она перестала, но Виктор Павлович ежедневно вручал мне пятнадцать рублей. Почему бы нет?

– Пятнадцать рублей! – поразился Лыков. – Да еще и рестораны. Но ведь билет на выставку стоит всего тридцать копеек. Сколько же он утаил?

– Много! – авторитетно заявила Щавельская.

– Бедный Савич!

– Какой еще Савич?

– Это начальник Лугвенева, – пояснил сыщик. – Он взял на ответственную службу своего однокашника. Чтобы тот не допускал воровства.

Бендерша сокрушенно покачала головой.

– Какая непорядочность с его стороны. Мне, впрочем, этот человек никогда не нравился. А куда деваться? Если бы я принимала только тех, кто нравится, пришлось бы закрыть заведение.

– Ладно. Воровство не по моей части, им сейчас занимаются люди Прозорова. Мое дело – убийство. Угодникову задушили и бросили голую

под забором... Кто мог это сделать?

Щавельская беззвучно помолилась своему еврейскому богу потом тряхнула седыми космами.

– Хотела бы и я это знать. Вера не виновата передо мной. Ее напугали и потом убили. Если вам удастся найти того, кто это сделал, – я ваша должница.

– Вот и помогите найти! Вы сказали, что кредитный друг исчез. Она сразу стала чего-то опасаться?

– Да. Это обычное явление, когда мужчина перестает ходить. Вы такие ветреные! Но Вера ни секунды не сомневалась, что с ним случилось что-то плохое.

– Конечно, случилось. Набил денег полную зобню, и дал деру! – не удержался сыщик. – Даже не попрощался с пассией.

– Так или нет, но она заволновалась и решила уйти из моего заведения. Просила меня вернуть ей заменительный билет^[17]. Разумеется, я отказала! Ярмарка входит в полную силу, от клиентов отбоя нет. И тогда Вера исчезла, бросив вещи.

– Кто из ваших девочек был ее лучше подругой? Мне надо с ней поговорить.

– Да, я уже думала об этом. Ближе всех стояла Матильда. Сейчас я узнаю, свободна ли она. Если занята, то придется немного обождать. Не желаете, кстати, испробовать моих? Человек из столицы, выдавший виды... Мне будет интересно знать ваше мнение.

– Некогда, Рахиль Эльбовна. Зовите сюда Матильду.

Но девушка оказалась в работе. Ожидая ее, Алексей стал изучать бумаги убитой.

Сразу выяснилось, что она не Вера, а Агафоклия. Так было указано в проходном свидетельстве.

Лыков внимательно вчитывался в каждое слово.

«Дано сие полицейским надзирателем 2-й части города Сарапула состоящей в числе проституток крестьянской дочери Вятской губернии Слободского уезда Федосеевской волости и деревни Агафоклии Дмитриевой Угодниковой, 18 лет, на свободный проезд до Нижнего Новгорода и проживания там во время нынешней ярмарки.

Приметы: рост 2 аршина 5 вершков, черные волосы и брови, черные глаза, умеренные нос и рот, умеренный подбородок, чистое лицо. Особых примет нет.

Полицейский надзиратель 2-й части – Малов».

На обороте свидетельства, как и полагалось, была наклеена гербовая марка Нижегородского ярмарочного полицейского управления ценой в 60 копеек. На ней в специальных полях чернилами была вписана дата прописки: 26 мая 1896 года. Марка была проштампована печатью: «27 мая 1896 года в канцелярии Нижегородского полицейского управления явлен и записан под № 1190», и стояла подпись помощника полицмейстера Гурака. Все правильно, никаких подчисток.

Затем Алексей изучил следующий документ. Там было написано:

«Заменительный билет выдан проститутке, крестьянской дочери Агафоклии Дмитриевой Угодниковой, 18 лет, на проживание в Нижнем Новгороде по 10 число сентября 1896 года, взамен подлинного ее вида, выданного ей от пристава 3-й участка Тверской части города Москвы 4 мая 1896 года, за № 700, каковой хранится в канцелярии г. Полицмейстера. По получении настоящего билета она обязана предъявить его тот час местному приставу или его помощнику. Гербовый сбор уплачен». Подпись, печать.

Бумаги не вызвали у сыщика никаких подозрений – он перевидал таких сотни. Не было в них и подсказок. Разве что за каким-то чертом девка ехала из Москвы в Нижний через Сарапул. Ну да кто их там поймет, слабых на передок...

Наконец дошла очередь до «желтого билета». Правда, в Нижнем Новгороде они были синего цвета. Назывались просто: «Смотровая книжка проститутки». Сверху стоял штамп: «Врачебно-санитарный осмотр. 2-й санитарный участок. Александровская слобода». Затем шли номер книжки, имя и адрес девицы: Елизаветинская улица, дом Щавельской, у содержательницы Щавельской. И отметки о прохождении осмотра – раз в три-четыре дня. На обороте были напечатаны «Правила для публичных женщин» из шести пунктов: дозволяется жить на квартирах отнюдь не более чем по одной, нельзя жить в трактирных заведениях

и прочее.

Лыков конфисковал бумаги, а вещи оставил. Пусть девочки разделят их между собой в память о товарке. Как раз освободилась Матильда (личная почетная гражданка Анна Тюкалова). Первым делом гулящая схватила шаль со стеклярусом и лишь потом принялась рассказывать. Сообщила она немного. Фекла сначала важничала: ей льстило внимание потомственного дворянина. И деньги тоже нравились! Потом стала понимать, что добром его загулы не кончатся. Следом наступил прямо-таки страх: девушка говорила, что «он» не простит, что надо бежать. А как исчез кредитный, она совсем перестала спать, боялась. Кто такой «он», Матильда-Анна не знала.

Надворный советник уехал задумчивый. Загадочный «он», который отомстит растратчику Лугвенеvu. Похоже, старший билетер понимал, что творит, и кого-то сильно опасался. Может быть, это Савич? Но коллежский советник мало походил на злодея. И потом, что он может сделать? Ну, рассчитает с позором. И все. Нет, вор чуял смертельную опасность, и этот страх передался его подружке.

В сыском отделении Лыков поймал Прозорова и спросил:

– Что там с ревизией на выставке?

– Ковыряемся потихоньку, – ответил коллежский регистратор. – Но запутанно. Черт ногу сломит! Сбежали-то все билетеры первой смены.

– Понятно. В первую смену сборы больше.

– Точно так. На выставку, вы помните, три входа. Главный, а еще с Оки и с железной дороги. В каждом по десять турникетов со зрителями. И сидит сбоку в особой будке билетер, торгует билетами. Он копит выручку и два раза в день относит ее старшему, Лугвенеvu то есть. Вместе с билетами, которые отбирает у зрителей. Похоже, составила целая шайка, в которую поступили эти четверо. Лугвенеv атаман. Вот они и крутили выручку как хотели.

– А как же они счетчики обманывали? Ведь хищение сразу же бросилось бы в глаза!

– Кто его знает? Как-то наловчились.

– И что Илья Никитич?

– Горюет. Друг детства очень его подставил перед начальством. Тимирязев рвет и мечет. До конца выставки никто Савича, конечно, не тронет. Коней на переправе не меняют. Но после припомнят. Чином и орденом уж точно обойдут. И еще легко отделается, если только этим.

– Кажется, убийство проститутки связано с билетным аферизмом, – сообщил свою догадку Алексей. – Она сильно опасалась мести. От кого?

Кто-то достаточно страшный следил за Лугвеновым и, возможно, им руководил. Кто это мог быть? Есть сейчас в Нижнем Новгороде влиятельный уголовный?

– Есть, – нехотя подтвердил Прозоров. – Купец второй гильдии Голяшкин. Его еще называют ночным комендантом ярмарки. И хозяином Кунавине тоже.

Никак не мог он пропустить, чтобы такие деньги мимо шли. Вот знал я, знал, что без него тут не обойдется!

Новость о страшном участнике дела взволновала начальника сыскного отделения. Что ж он так? Неужели тоже боится? Во времена Благово это было невозможно. Хотя в преступном мире города и ярмарки тоже хватало опасных людей.

– Расскажите мне про этого купца, – попросил Лыков.

– Да мы почти ничего не знаем, – сразу огорошил его главный сыщик. – Скрытный. Сам купец чистенький, и ухватить его поэтому не за что. А людишки вокруг не дай бог...

Ярмарка, и Алексей это знал, продолжала оставаться очень криминализированной. В Азиатском переулке до сих пор было опасно даже днем, а ночью просто голову свернут! Так было всегда. Только во времена Лыкова в тамошних банях развлекались со шлюхами, а сейчас играют день и ночь в карты. А жуткие ночлежки? Особенно Вятское подворье: трехэтажный каменный дом Булдакова за каналом, недалеко от Староярмарочного собора. Нормальному человеку там выжить невозможно – или топись, или поступай в жулики. Не лучше и в Уральском ночлежном доме в конце Оренбургской улицы. Но хуже всех были Вязломовские бараки – деревянные казармы подрядчика Вязломова на Мещерском озере. Вонючие сырые трущобы, где живут опустившиеся, на все готовые подонки. А Гордеевка! А Самокаты! Последние представляли собой полуостров, где испокон века правили уголовные. Лыков с Благово изрядно почистили это страшное место в 1879 году. Но потом они уехали в Петербург, и бандиты вернулись. Вон сам начальник сыскного отделения ежится при упоминании о «ночном коменданте ярмарки». Запустили город их преемники! А полицмейстер считает, что почистили...

Купца Голяшкина надворный советник решил отложить на потом. Ясно, что это кто-то наподобие Лобова. Сыщик столкнулся с ним в восемьдесят третьем году^[18]. Король преступного мира Санкт-Петербурга тоже был известен полиции. И тоже уходил от наказания. Лично не совершающий преступлений, окруженный посредниками

и исполнителями, он был недосыгаем закону. В конце концов полиция расправилась с ним в обход этого закона... Здесь так не получится. Да и масштаб у временно-нижегородского купца не столичный. Сейчас Алексея больше интересовали махинации с билетами.

Эту часть сыскной работы Лыков знал хорошо. Будучи помощником начальника отделения, он три года ревизовал театральные кассы. Ловля мошенников входила в обязанности полиции. В увеселительные заведения для охранения в них порядка ежедневно командировались наряды. Они должны были сверять правильность оклейки билетов соответствующими марками. Для этого осматривались корешки билетов с частями оставшихся в них погашенных марок. Если находили необандероленные билеты, значит, налицо мошенничество. Странно, что такой порядок не был введен на выставке...

Алексей приехал в администрацию вместе с Прозоровым. Они нашли Пузыревского гоняющим чай вместо того, чтобы делать ревизию. Вот же пустой человек! Коллежский регистратор объявил своему помощнику, что теперь билетами займется столичный гость. А губернский секретарь может вернуться к ловле убийц и грабителей. Пузыревский обрадовался и тут же убежал – не иначе в ресторан. А Лыков взялся за отчетность.

К своему удивлению, он обнаружил невероятное. Билеты на выставку продавались без марок! Это делало аферу легким занятием. Требовалось лишь каким-то образом уменьшать показания счетных автоматов в турникетах. Если жулики научились ловчить с автоматами, дальше все просто. Достаточно было билетерам сговориться между собой. Что и произошло. На каждом из трех входов имелся только один билетер. Он единственный знал подлинную сумму сбора со своих десяти турникетов. По вечерам члены шайки приходили к атаману и решали, сколько денег сдать в кассу. А чтобы мошенничество не вскрылось, посетителям вперемишку с настоящими продавали поддельные билеты. Их обнаружили в номере Лугвенева в огромных количествах. Без акцизных марок напечатать такие бумажки могла любая типография. А главной задачей Лугвенева в этих условиях было определить пропорцию. Он лично решал, какая часть продаваемых билетов будет сегодня настоящей, а какая – фальшивой, неучтенной.

Все это Алексею рассказал новый старший продавец главного входа Орешкин. После бегства шайки администрация назначила над билетерами другого начальника. И ввела за ними усиленный контроль. Теперь коллежский советник Савич лично ходил по турникетам, записывал показания счетчиков, пересчитывал билеты... В Экспедиции заготовления

государственных бумаг заказали марки – то, что надо было сделать с самого начала. Скоро их должны были привезти, и тогда махинации с билетами станут невозможны.

– Что же вы терпели этих жуликов так долго? – упрекнул Орешкина Лыков.

Тот ответил:

– А кому было жаловаться? Савичу? Так он своему однокашнику разве что в рот не смотрел. И доверял безгранично. Петруха Иванов намекнул его высокоблагородию, что в кассе нечисто. Так выгнали Петруху! Лугвенеv сжил его вмиг. После этого все помалкивали.

Еще Орешкин рассказал, как обнаглели прежние билетеры. Особенно старший! Каждый вечер он проводил в дорогих ресторанах. Свою полюбовницу завалил подарками. Имел собственного лихача! А начальство странным образом ничего не замечало.

Обороты шайки оценить было трудно. Выставка открылась 28 мая и первое время не пользовалась вниманием публики. Специально, чтобы привлечь туда посетителей, одновременно открыли и ярмарку. На два месяца раньше срока! Но купцы не стали менять привычный для них график, и до июля торговые ряды пустовали. Первые дни входной билет стоил рубль, а потом цену снизили до тридцати копеек. В воскресенье и праздники впускали за двугривенный. Сейчас рубль надо было отдать только по понедельникам, потому что тогда на выставке проходила уборка и количество посетителей старались уменьшить. Завели абонементные книжки: в 10 билетов со скидкой 10 %, в 20–20 % и в 30–30 %. Книжки мошенники подделывать не стали, но продавали их неохотно, старались вручить липовые билеты. Видимо, в день таких фальшивок сбывалось несколько тысяч. Ежедневный доход мошенников, таким образом, составлял сотни рублей! Неплохо на четверых. Но весьма вероятно, что там был и пятый: купец Голяшкин. Спросить о нем пока было некого: мошенники ударились в бег.

Сыщик отправился к Тимирязеву и стал задавать тому неудобные вопросы. Почему билеты изначально были без марок? В цирке Никитина они есть, а на Всероссийской промышленной и художественной выставке нет! Почему за билетерами отсутствовал надзор? Как мог главный из них кутить на глазах администрации два месяца? И никто не задался вопросом, на какие шиши вся эта пьянка, если жалование у человека сорок шесть рублей?

Василий Иванович только кряхтел, слушая такие вопросы. Что он мог на них ответить? Министерство финансов не в курсе, как зарабатываются

деньги «на земле». И какие ловкие мошенники есть в империи. Людям больших теоретических знаний в кои-то веки поручили практическую задачу. И не дали сведущих помощников. Тимирязев до назначения на должность генерального комиссара выставки был агентом Министерства финансов в Берлине. Про работу Берлинской биржи он знал все! А что билеты надо обандероливать, не додумался... То же и другие.

После комиссара Алексей побеседовал с его помощником действительным статским советником Добронизским. Член горного ученого комитета; очки, седая борода лопатой, задумчивый взгляд – все как полагается. А спроси его, сколько стоит помыться в торговых банях, – не ответит.

Последним Лыков заглянул к Савичу. И до того нервный и чем-то всегда удрученный, Илья Никитич стал теперь совсем горюном.

– Вот, Алексей Николаевич, верно говорят: не делай добра людям – и не получишь в ответ зла.

Коллежский советник говорил о своем бывшем протее без ненависти, только с горечью. Чувствовалось, что он уже переболел, прожил трудную для себя ситуацию. Стал еще большим мизантропом, может быть. Но винил главным образом себя.

– Я сообщил Василию Ивановичу, что тот час после окончания выставки подаю прошение. Ухожу со службы.

– И что Тимирязев?

– Пытался меня отговорить, но без особой настойчивости.

– А надо ли так, Илья Никитич? Куда вы пойдете? На частной службе не медом намазано. Я вот побыл партикулярным человеком и не смог. И это еще ладно я! Есть средства, есть имение. А вы?

Савич промолчал. Вместо ответа он опять вернулся к больной для него теме аферы:

– А я-то думал: почему так мало посетителей? Вроде бы и люди ходят. В уборные даже очередь! А по отчетам тысячи, но не десятки тысяч. Весь извелся, ночей не сплю. Ведь я же обещал Витте с Тимирязевым миллион людей! Подлец, подлец Лугвенев! Скажите мне, как сыщик: когда его поймут? Я хочу посмотреть ему в глаза!

Администрация выставки обратилась в полицию с требованием разыскать бежавших билетеров, и в первую очередь их атамана.

– Сам хочу, – ответил Лыков. – Любовницу вашего однокашника нашли задушенной.

Савича передернуло:

– Виктор убил человека?!

– Скорее всего, что не он. Сначала Лугвенева сбежал. Через день от своей бендерши скрылась и его пассия Угодникова.

– Так он шлюху содержал на ворованные деньги? О боже...

– И платил ее хозяйке ежедневно пятнадцать рублей, чтобы та могла не работать. А сидеть с ним в ресторанах.

Савич отвернулся, его трясло. Наконец он успокоился.

– Простите. Вы сказали, что женщину нашли задушенной...

– Да. Раздели догола и бросили на ивовой плантации. Мертвую. Полиция открыла дознание по убийству, я им помогаю.

– Вот кстати, Алексей Николаевич. – Коллежский советник обрадовался возможности сменить тему. – А почему вы все еще здесь? Сами мне говорили, что после отъезда государя вам следует отпуск.

– Человек предполагает, а начальство располагает. Убили городского, в первый день, как приехали Их Величества...

– Боже! Но это не у нас на выставке. Я бы знал.

– Да, преступление случилось на Верхнем базаре. Баранов не уверен в своих сыщиках, и я его понимаю. Короче говоря, губернатор обратился к министру с просьбой оставить тут опытного человека помочь местным силам. Так я вместо деревни застрял в Нижнем.

– И очень хорошо! – с энтузиазмом заявил Илья Никитич. – То есть я понимаю, что вам это не по вкусу. Но для дела хорошо! А то здешние лекоки совсем безмозглые. Ко мне сунулся какой-то Пузыревский...

– Он помощник Прозорова, начальника сыскного отделения.

– И Прозоров приходил. Они два сапога пара! И оба на одну ногу! Задавали мне идиотские вопросы...

– Илья Никитич, я тоже хочу задать вам идиотский вопрос. Как вышло, что вы так долго не замечали махинаций Лугвенева? Ведь человек два месяца жил не по средствам.

Савич подавленно вздохнул:

– Знаю свою вину. Первого октября все закончится, и я искуплю ее.

– Ответьте на вопрос. Искупление вины меня, как сыщика, не интересует. А вот ваша непростительная близорукость... И еще вопрос: кто придумал продавать на выставку немаркированные билеты? Неужели не ясно было, что возникает возможность аферы?

Савич развел руками.

– Насчет марок к билетам и речи не было! Понадеялись на счетчики в турникетах. Причем ладно мы, финансисты. Устройством выставки, как вы знаете, занимался распорядительный комитет. В него входят весьма практические люди: Морозов, Бугров, Башкиров... Но даже они

не сообразили про марки!

– А что с Лугвеновым?

– Почему я не замечал, что он живет не по средствам? Сам не пойму. По ресторанам я не хожу и встретить его там не мог... Видимо, виновата моя доверчивость. Знали бы вы, из какой грязи я вытащил Виктора! Он же ушел из земских начальников не по своей воле. А за злоупотребления по службе. Начал спиваться. Не по-человечески, не по-божески было бы с моей стороны отказать товарищу. Ведь в гимназии мы дружили не разлей вода. И тогда это был вдумчивый юноша, честный, порядочный. Такой образ я и помнил, когда взял Виктора в старшие билетеры. А оказалось вон что... Мог ли я вообразить такую неблагодарность от некогда близкого человека? От товарища детства?

Савич чуть не разрыдался, и Лыкову стало жаль его. Действительно, не делай людям добра! Тогда ответное неизбежное зло покажется не таким обидным. Надворный советник закончил свою неприятную миссию, простился и ушел. Беседы в выставочной администрации никак не приблизили его к разгадке смерти Угодниковой. Надо было искать тех, кто приблизит.

Глава 5

Потаенное Кунавино

Так или иначе, однако нити дознания сходились в Александровской слободе. Именуемой в народе Кунавино. Эта местность издавна привлекала всякий темный элемент. И все благодаря своей близости к ярмарке. А теперь с другой стороны к ней прилепили еще и выставочный городок, чем удвоили количество приезжих. То-то мутной воды поднялось! То-то раздолье для уголовных!

Лыков рассуждал вслух, а Прозоров слушал и комментировал.

– Вот смотрите, Владимир Алексеевич. Сбежавшие билетеры все жили в слободе. Только Лугвенев позволил себе номер в «Эрмитаже», а трое других снимали частные квартиры.

– Угу.

– Тело проститутки нашли на ярмарочной территории. А жила она в Кунавине. У содержательницы Рахиль Щавинской на Елизаветинской улице.

– Да, но мы не знаем, куда она убежала и где скрывалась до того, как была задушена.

– Не знаем, – согласился Алексей. – Но, судя по всему, жила где-то поблизости. Если человек напуган, его не заставишь вечером ехать через весь город и заходить в ивовые заросли.

– Пусть так.

– Наконец, этот загадочный «он», который не простит. Эксперты заявили, что найденные в шкафу у Лугвенева фальшивые билеты сами по себе стоят больше тысячи рублей. Бумага, типографская работа, доставка... Откуда у старшего билетера такие деньги? Оклад маленький, воровство еще не начало приносить доход. Кто-то его поддержал, выдал аванс. Кто?

Прозоров промолчал.

– Меня интересует Голяшкин.

На это главный сыщик лишь развел руками:

– В Кунавине заправляют татары. Эти ничего нам не скажут.

– Агентуры среди них нет?

– И никогда не было. Армяне есть, евреи, даже персы! Но не татары.

Лыков остерегся попрекать хозяина. Ведь так было и при них с Благово. Татарская среда абсолютно непроницаема для полиции. У них

на все один ответ: «незнам»! Кроме того, Алексей здесь гость. Прикомандированный, который скоро уедет. Со своим уставом в чужой монастырь не лезут.

– А пришлите ко мне Германа. Вот полезный человек. Не думали взять его на службу? Знает уголовную среду, храбр, инициативен.

– На нем четыре судимости! – воскликнул коллежский регистратор. – Как Герман после этого может быть агентом? Только осведомителем.

– По вольному найму может, тут препятствий законом не предусмотрено.

– То законом. А попробуйте доказать полицмейстеру. Сами видели, как он относится к таким вещам. Методы у нас с вами бессовестные... А много ли он жуликов поймает со своей совестью?

Тут чиновник прикрыл рот рукой:

– Это без передачи, Алексей Николаевич!

– Конечно. Но Германа пришлите.

Вор пришел ночью, и опять в номер. Как он минует коридорных? Захочет что-нибудь спереть, и концов не найдешь.

– Михаил Мартынович, расскажи мне про Голяшкина.

– Купец второй гильдии, – усмехнувшись, ответил Герман.

– Ну а на самом деле?

– На самом деле «иван». Хозяин Кунавина и всей ярмарки. В смысле преступной ее части.

– Может он стоять за аферой с выставочными билетами?

– Если кто и может, так это он. Выставка, ваше высокоблагородие...

– Называй меня Алексей Николаевич.

– Слушаюсь! Выставка, Алексей Николаевич, это золотое дно. Особенно сейчас, когда она в полную силу вошла. В день туда приходят по двадцать-тридцать тысяч! Этого лишь дурак Савич не знал, а остальные-то знали да помалкивали.

– На чем там наживаются?

– Первое дело карманная выгрузка. Сколько кошельков можно срезать, когда тридцать тыщ зевак явилось? То-то. А за право работать на выставке надо платить.

– Кому? Голяшкину?

– Так точно. Второе – это кражи в номерах. Вон сколько гостиниц на Выставочном шоссе понастроили!

– А в полицейских протоколах эти кражи почти не встречаются.

– Так то же через хипес делается. Вот обворованные и помалкивают.

Хипес – воровство с использованием подставной женщины.

Обязательно с виду порядочной. И жертвы выбираются такие, которые боятся огласки. Заманит красotka одинокого мужчину к себе в номер, а может, и сама к нему придет. И, пока они там балуются, сообщники обшарят карманы брошенной на стул одежды.

– Так. Еще что?

– Еще мошенничества. Они сейчас перебираются с ярмарки на выставку. Давеча одному простаку десять медных часов под видом золотых продали! Но вообще сбывать там можно и настоящие вещи.

– Какие?

– Да хоть челноки для швейных машин «Зингер»! Настоящая их цена три рубля пятнадцать копеек за штуку. А на выставке можно взять по девяносто копеек. Как так? А просто они ворованные. На таможне скрали, а здесь толкнули. И за это тоже полагается платить Голяшкину.

– Понятно, Михаил Мартынович. Это все его интересы?

– Ну нет! В выставочных гостиницах еще и рестораны имеются. А в Кунавине публичные дома. Там тоже большие деньги гуляют: как мимо них пройти?

– Публичные дома понятно, а в ресторанах что? Пьяных обирают?

– На поток поставлено! Официанты в этом участвуют, за мзду, конечно. Спят и обсчитают, на сколько смогут. При этом запустят глазнапа в бумажник – много ли там денег. А в зале уж люди Голяшкина сидят. Получили знак и пошли следом. До удобной подворотни.

– Хм... Распустили их нынешние сыскные... А серьезные вещи?

Герман насупился:

– Это мокрые дела?

– Да.

– Бывает. Но тут все концы в воду. Даже я не знаю.

– В Кунавине уже кого-нибудь убили?

– Мне не скажут. Я вор, а не гайменник.

– В полицейских отчетах все спокойно. Одни мелочи.

– Значит, так всем удобнее, – усмехнулся освед. – И нам, и вам!

– Михаил Мартынович, ты, кажется, все знаешь в этом городе. Скажи мне, кто Одежкина убил?

Герман развел руками, точь-в-точь как недавно Прозоров:

– Загадка для всех. Насилие к полицейским в этой среде очень не приветствуется. Убытки потом большие выходят, когда полиция звереет.

– Может быть, по приказу «хозяина Кунавина»? – предположил Лыков. Но вор эту идею отверг.

– Для чего ему злить вашего брата? Потом, городской тот с Верхнего

Базара. Там у Голяшкина интересов почти что и нет. И еще. Как ухайдакали парня? Камнем в висок. Разве деловые так работают? Нет, тут кто-то сторонний.

– А проститутку кто задушил? На ивовой плантации...

– Да кто угодно мог. Такое у них опасное занятие, у девок этих. Мало ли дураков по улицам ходит?!

– Она была любовницей старшего билетера, который сбежал.

– Вот оно что... Тогда мог и Пров Провыч распорядиться.

– Это Голяшкин?

– Да. Примером, если билетер его надул. Не всей выручкой делился, часть утаивал. А когда она вверх пошла, скопил сумму да и ноги в руки. Вот и отыгрались на девке за ее кредитного. Но, Алексей Николаевич, точно не скажу. Дела, где кровь, мимо меня ходят. И соваться туда желания нет!

– Как взять Прова Провыча за пищик?

– Не мой калибр, – сразу уклонился освед. – Да и... боязно как-то с ним связываться.

– Ну хоть наводку какую дай.

– Только чтобы никому, ваше высокоблагородие!

– Само собой. Много лет с агентурой работаю, неписанные законы знаю.

– Есть такой человек на ярмарке по фамилии Солныченко. Держит трактир в первом участке, у гостиницы «Россия». Это главный голяшкинский бухгалтер, все его обороты ведет.

– Так-так... Спасибо! Дальше я уж сам...

Дружески простившись с ценным осведомителем, Лыков отправился в Макарьевскую часть. Там сидел и клевал носом пристав, коллежский ассессор Воскресенский.

– Александр Николаевич, требуется справка.

– Чем смогу – помогу.

– Кто такой Солныченко?

– Хгм. А позвольте полюбопытствовать, Алексей Николаевич, чем вызван ваш к нему интерес?

– Говорят, он жулик.

– Тут все жулики.

– Ну, он связан с Голяшкиным, ведет его дела. Так это?

– Вам Прозоров, что ли, такое наболтал?

– Оболгали честного человека? – ответил вопросом на вопрос сыщик.

– Трактир Солныченко известный притон. Мы там иногда краденое

находим.

– И все?

– И все.

Пристав был или не в курсе истинных дел трактирщика, или не хотел их раскрывать перед командировочным.

– Мне нужны все материалы, что есть у вас на этого человека.

– Сейчас распоряжусь.

Вскоре Лыкову принесли промысловое свидетельство Солныченко и два протокола изъятия краденого. За что тут ухватиться? Надо взять преступника с поличным. Так, чтобы он выдал «хозяина Кунавина». Но пристав Воскресенский не собирался помогать столичному гостю. Он вертелся рядом и только мешал. Алексей вызвал его на откровенный разговор.

– Как вы осведомлены, я дознаю убийство городского. По просьбе господина губернатора.

– А мы слышали, что там тупик и вы переключились на проститутку, – съязвил коллежский ассессор.

– Полагаете, их дозволено убивать?

– Нет, но...

– Смерть Угодниковой может быть связана со смертью городского.

– А может и не быть! – радостно парировал пристав.

– Может. Но решать этот вопрос только мне. Как руководителю дознания. И я такую связь допускаю.

Воскресенский хмыкнул, но промолчал.

– Губернатор разрешил мне пользоваться его полномочиями согласно Положению об усиленной охране. В пределах этих полномочий я намерен арестовать трактирщика.

– Да за что, черт возьми?

– По подозрению.

– По какому? В чем вы его подозреваете? Вы, приезжий человек. Я тут пристав и не знаю его подноготную, а вы приехали и узнали?

На крики начальника к дверям его кабинета стали сходить подчиненные. Подтянулись и просители. Сыщик закрыл дверь и спокойно ответил:

– Чем голосить, дайте мне лучше околоточного поумнее и пару городских. Итоги обыска я в первую очередь предъявлю вам.

– А ежели ничего преступного не отыщете?

– Была бы шея, а хомут найдется. Хотите, поспорим на десять рублей, что у Солныченко нечисто?

– Хочу!

Коллежский ассессор тотчас вызвал из приемной своего помощника отставного подполковника Чеховского. И попросил «разбить». Чеховский ударил по сомкнутым рукам, даже не поинтересовавшись предметом спора. Дальше дело пошло быстрее: Воскресенский очень хотел выиграть червонец, а еще более – утереть нос столичному франту.

Алексей телефонировал Прозорову и попросил прислать агента. Коллежский регистратор явился сам. Так и пошли в трактир: пристав, начальник сыскного отделения, Лыков, околоточный и трое городских.

Трактир Солыченко находился на углу Первой Сибирской и Мурашкинской улиц. Городовые закрыли все входы и выходы и начали

проверку документов. Сразу же начались находки. У парня с всклокоченной шевелюрой в кармане оказался нож. Еще двух замели за бесписьменность^[19]. Но самое интересное ожидало сыщиков в кладовке. Там, за печной трубой, надворный советник ловко разыскал тайник. В нем сверху лежали глухие золотые часы фирмы «Тобиас» с надписью «Помни Киев. 1 июля 1895 года». Прозоров, как увидел их, сразу воскликнул:

– Попался! Это же Заусайлова часы. Мы их третью неделю ищем!

В тайнике оказалось еще много интересного. Например, талон к ассигновке на сумму в двести сорок рублей, похищенный из канцелярии выставочной администрации. Или купонный лист Второго внутреннего займа, украденный у бежецкого купца Израилова. Билет ратника на имя крестьянина Попова указывал на связь трактирщика и с ограблениями! Документ отобрали у несчастного мужика еще в начале июля, а самого сильно избили. Так сильно, что тот умер в больнице, не приходя в сознание. Одна эта улика уже сулила трактирщику большие неприятности.

Пристав был подавлен. Алексей добил его, протянув руку со словами:

– Деньги давайте!

Воскресенский долго рылся в портмоне, потом сказал:

– У меня нет при себе такой суммы.

– Зачем же спорили?

Сыщик не собирался щадить коллежского асессора. Нечего палки в колеса вставлять! И дело было не в жалком червонце. Очевидно, что пристав Макарьевской части плохо знал криминальную обстановку в ней. А ведь сам – бывший начальник сыскного отделения! Если дойдет до полицмейстера, стыда не оберешься. А до губернатора?

Солныченко отвезли в пустое, по случаю ярмарки, здание полицейского управления в кремле и посадили там в секретную камеру. Через час Лыков вызвал арестованного на допрос. Он по-хозяйски расположился в хорошо памятном ему кабинете полицмейстера. При Каргере Алексей бывал здесь через день. Вид на Волгу оставался таким же дивным, как и прежде. И вот опять сидит напротив него негодяй и не хочет говорить...

– Ну что? Будем признаваться или упорствовать?

– Мне каяться не в чем, – ответил трактирщик. – Разве вот в жадности. Приносит человек хорошую вещь и просит недорого. Иной раз не удержишься и купишь.

– А кто приносит?

– Паспортов они мне не показывают, а я и не спрашиваю.

– Воры носят?
– Кто ж их знает? Чем меньше вопросов, тем ниже цена.
– То есть вы признаетесь, что скупали заведомо краденое?
– Э, нет! Насчет заведомого я возражаю!
– Откуда же, по-вашему, брались эти вещи?
– Так народ у нас пьянь! За косушки, когда запой, душу отдадут. Не то что хорошую кле^[20] за полцены.

– И вы беретесь убедить в этом присяжных заседателей? – насмешливо спросил Лыков. – Вот еще два прежних протокола о выемке у вас ворованного имущества. Это называется рецидива. Усиливает наказание!

– Стало быть, так бог решил, – вздохнул Солныченко.

– Вам по паспорту сорок семь лет. Поплывете на Сахалин. Условия на острове тяжелые. Поверьте! Я был в тех краях, знаю, что говорю. Сопка есть в окрестностях Корсакова, вся в крестах. Каторжные мрут как мухи. А начальники у них бессердечные.

– За скупку заведомо краденого, господин надворный советник, мне полагается три месяца ареста, – спокойно поправил сыщика трактирщик. – Или штраф в триста рублей. Патент еще можете отнять на торговлю спиртными напитками. Неприятно, конечно. Но как-нибудь переживу. А про Сахалин это вы сболтнули!

Сыщик грозно нахмурился:

– Сболтнул?

– Точно так! Я законы знаю.

– Не все ты знаешь! Пойдешь не как барыга, а как укрыватель! По статье сто двадцать четвертой Уложения.

– Кого это я укрывал? И где? В трактире? Смешно, право слово! Вы попробуйте докажите.

– Укрыватель тех, кто напал на крестьянина Петрова и нанес ему побои, повлекшие смерть. Им каторга второй степени, а тебе годика четыре тоже перепадет.

– Вы их сначала поймайте, – рассмеялся в лицо Алексею трактирщик. – А я знать ничего не знаю. Никаким Сахалином тут не пахнет, и дело мое будет разбирать мировой судья, а не присяжные.

– Знаешь, дурень... Я, ежели взялся за дело, всегда довожу до конца. И гайменников тех поймаю, и тебя к ним присоединю. Так что, считай, Сахалин у тебя уже на лбу написан. Четыре года на Мертвом острове – не сахар. Ох, не сахар! Плыть дотуда два с половиной месяца, в жарких широтах. В трюме, как в парном отделении. Некоторые не выдерживают. Те, кто постарше! В сорок семь лет сердце уже не то. А если даже

и доплывешь? Лес заставят валить! Вокруг тюрьмы все давным-давно сведено, приходится углубляться далеко в тайгу, на морозе...

– Для чего вы мне рассказываете такие ужасы? – нехотя поинтересовался арестованный. В нем угадывался опытный человек. Может, и он был на Сахалине? А потом оказался в Нижнем Новгороде. Чем такого пронять?

– Хочу, чтобы ты задумался и сам смягчил свою судьбу.

– Каким же образом?

– Рассказал мне о своем начальстве.

– Какое же у трактирщиков начальство? – ухмыльнулся Солныченко. – Акцизных чиновников имеете в виду?

– Нет, Прова Провыча Голяшкина.

– Эвона вы куда! Голяшкина я знаю, почтенный человек. В бога верует. Перед законом чист, хоть у пристава спросите! А намеков ваших я совсем не понимаю.

– Ну, – зловеще сказал Лыков, – тогда поехали.

Он лично отвез упорного человека в тюремный замок. Провел сразу к смотрителю 1-го корпуса Дуракову, знаменитому своей жестокостью.

– Аполлон Иваныч, есть у вас в корпусе такие камеры, где особенно худо сидеть?

– Найдем! – рывкнул тот, сразу поняв, чего хочет сыщик. – Молчать изволят? Ну, это нам не в новинку. На то имеются рецепты.

– Какие, к примеру? – спросил надворный советник, косясь на Солныченко.

– А вот хоть в третьей камере сидит у меня чудак. Налетчик известный, Лука Лещев. Слыхали?

– Нет. Шибко буйный?

– Не то слово! Он теперь психованным прикидывается. Чтобы, значит, от каторги отлынить. Не поверите: на людей бросается! Чуть не задушил давеча соседа.

– Годится, – резюмировал сыщик и повернулся к арестанту. – Жду от тебя признания. В твоих же интересах. А то мало ли народу не доживает до суда... Как надумаешь, стучи в дверь. Если успеешь.

Прошло еще два дня. Лыков облазил все Кунавино. Оно не очень велико: на востоке поджигает ярмарка, на западе – выставочный городок, на севере – железная дорога, а на юге – Ока. Застройка поэтому плотная – ни пустырей, ни огородов. Вдоль реки тянутся девять улиц: Напольно-Вокзальная, Новинская, Песочная, Кузнечная, Пирожниковская, Елизаветинская, Александровская, Владимирская и Набережная.

Их нарезают на аккуратные кварталы девять поперечных линий. Стоят два храма: Владимирский и Спасо-Преображенский. Высится у реки огромная мельница Якова Башкирова. Лицом к Выставочному шоссе красуется Бабушкинская больница. На Елизаветинской есть еще начальное училище. Остальные дома – либо кабаки, либо бордели. Ну, не все, конечно, но многие.

Почти треть домовладений в слободе принадлежит татарам. Их кормит ярмарка. Во-первых, они там работают, и купцы охотно нанимают к себе магометан. Непьющие, честные и работающие – лучше любого православного. Но ярмарка лишь два месяца в году, а кушать надо каждый день. Поэтому и выстроили татары себя такие особенные дома: каменные, часто двухэтажные, и с большими подвалами. Знакомые торговцы охотно складывают там нераспроданные на ярмарке товары. Или проданные, но еще не вывезенные. А бывает, что эти грузы лежат в подвалах до зимы. Купец платит полежалое^[21], владельцу подвала доход. В саму ярмарку жилища забиты приезжими, хозяева спят в сарае или в бане, а днем вкалывают на Сибирской пристани. Одна сдача квартир дает до ста рублей в месяц! В криминальные дела татары не суются, но про всех все знают. Только полиции никогда не скажут.

Две главные улицы Кунавина – это Пирожниковская и Елизаветинская. Строение на них солидное, дом к дому, сплошной стеной. Бросается в глаза здание возле училища, в 24 окна по фасаду, с проездом. Это и есть особняк Щавинской. Близко к вокзалу, но место тихое – от клиентов нет отбоя.

К выставке в Кунавине устроили несколько приличных гостиниц. На Александровской улице их сразу пять: Стригулина, Вороновой, Седовой, Ермолаева и того же Ахапкина. Последний размахнулся и еще гостиницу приткнул в 3-й линии. Набережную Оки украсили номера Куракиной, Вяхирева и Перлова. На Песочной наследники Панкратова выстроили корпус на сто человек с хорошей кухней. Лыков зашел туда пообедать – лучше, чем на пароходах! Но с другой стороны: куда девать эти громады, когда выставка закончится? У Куракиной хоромы на 350 человек! А у Перлова вообще на 700...В обычное время Кунавину столько гостиниц не надо.

Походы сыщика были неудачными. Никто с ним не говорил, все отмалчивались. Щавинская напоила чаем, но про купца Голяшкина речь не поддержала. Агент Сверчков показал несколько притонов. Но там обыгрывали в карты воров и спаивали ротозеев с последующим разведением. Это неинтересно: мелочь наверх не выведет.

Облазил Алексей и ярмарку. Она вошла в полную силу. По улицам

ходили огромные массы людей. Все продавали и покупали, а еще развлекались на любой вкус. Рекорды бил «Театр паризьен» Шарля Омона на Нижегородской улице. Знаменитый увеселитель привез 120 этуалей, настоящих парижанок, одна красивее другой. В кафе-концерте девки выкидывали такое, что купцы зверели... Француженки бойко торговались, и цены за свои услуги вполне понятно излагали по-русски. Когда Лыков впервые зашел туда, то поразился. У самой сцены, одетый в статское, замер пристав кадра городских Думаревский. И лорнировал этуалей с видом знатока... Чиновникам полиции запрещалось посещать места публичных увеселений без особого каждый раз на то разрешения полицмейстера. Конечно, Яковлев такого разрешения приставу не давал. Думаревский был смущен. Сыщик похлопал его по плечу и успокоил:

– Не скажу, не скажу.

У того же Омона Лыков посмотрел последнюю новинку: движущуюся фотографию, или иначе синематограф Люмьера. В маленьком зале демонстрировали подряд короткие представления. Их было семь: «Прибытие поезда», «Конец смены на лионской фабрике», «Кормление младенца», «Игра в карты», «Парижская улица», «Семейный завтрак». Но особенно зрителям нравился «Политый поливальщик», где озорник-мальчишка окатывал дядьку из его же шланга...

По вечерам торговля на ярмарке прекращалась и начинался дикий разгул. Сигнал к нему давали духовые оркестры: в Главном доме, в Бразильском пассаже (пассаж Детских приютов), и в двух корпусах Речного училища. В саду «Народная забава» пели двусмысленные песни. В цирке Акима Никитина развлекала народ труппа сальтоморталистов «Эйжен», а реприз-клоун Том-Жак рассказывал похабные анекдоты. На Самокатах творилось черт-те что... Чистая публика шла в Большой театр на оперу или в Малый на драму. В полночь обе толпы – чистая и грязная – вываливались на улицу и смешивались. И грань между ними стиралась. Гулять так гулять! Полчища пьяных людей расходились по кабакам и шантанам, и там постепенно теряли человеческий облик... Из окон доносились разухабистые песни:

– Бей, бей посуду!

– Лей, лей, лей повсюду!

После закрытия ярмарочных заведений гуляки перебирались в Кунавино и зависали до утра. В два часа ночи плашкоутный мост разводили, и живущие на правом берегу уже не могли попасть к себе. Да и не хотели... Разгул принимал невообразимые формы. Менялись и песни, с народных на уголовные. Коротко остриженные мужики (беглые

или дезертиры) требовали «Матаню»:

– В саду яблочки завяли –
Ну так то ж!
Не найду себе Матани –
Ну так что ж!
Я жену свою зарежу –
Ну так что ж!
Да Матанюшку потешу –
Ну так что ж!
Я в Сибирь пойду за это –
Ну так что ж!
Да Матанюшка одета –
Ну так что ж!

Строгости, принятые накануне царского приезда, давно забыли. В крупных гостиницах заведены особые паспортные бюро. Их управляющие каждое утро относили новые паспорта в полицию. И вообще, тесно сотрудничали, приглядывали за жильцами, а о подозрительных сразу сообщали. Так же было и в самых дешевых номерах: никто не хотел испортить августейший визит. На пике выставки и ярмарки обслуга уже не справлялась с наплывом. Людей селили без паспортов, только сообщали об этом в часть. Но приглядывать не бросили! А как уехал государь, все отменили. Снова околоточные закрывали глаза на темных людей. Не просто так, конечно, а за мзду. Тут ничего нельзя было поделаться. Губернаторы и полицмейстеры менялись, а прописка на ярмарке оставалась самым доходным делом. Каждый торопился заработать. Ведь ярмарка короткая, потом весь год такого барыша уже не будет. Ну и кто тут устоит? Суют помощнику пристава заведомо поддельный паспорт, два червонца кладут внутрь. Вопрос сразу решается положительно.

Конец июля и начало августа – страшное время! 8 ярмарочных гостиниц и 46 «номеров» не вмещали всех желающих. Людская круговерть надежно скрывала мошенничества и грабежи. По утрам в ярмарочные участки приходили опухшие, раздетые люди и подавали заявления о пропаже денег и ценностей. Заявления принимали, но ничего не находили. А без свидетелей говорили: зачем нажрался, как свинья? Сам виноват! Это же ярмарка!

В Мещерском озере за два дня выловили трех покойников. Вроде как опились люди, свалились в воду и захлебнулись. Но если разглядывать внимательно, то возникали сомнения... Начальство от них отмахнулось и охотно списало утопленников на несчастный случай. Кому хочется портить статистику? Но вот взлом кассы уже не утаить. Известные обчистили лавку часовщика Натансона, раскурочив несгораемый шкаф. Почерк варшавский, ни с кем не спутаешь. А в Оренбургской улице из номера пропали сразу двое. Как в воду канули... Не в воду ли того же озера? Вещи на месте, а жильцов нет. Сыщики сбивались с ног.

Выставка тоже не осталась в стороне от разгула. Павильоны работали до сумерек, после чего закрывались. Но некоторые были открыты до часу ночи. К ним относились Художественный отдел, панорама Рубо, тир в павильоне Изера и концертный зал. Так же не покладая рук трудились сады, рестораны и буфеты. В садах в дополнение к преображенцам играл духовой оркестр 4-го Императорской фамилии стрелкового батальона. Концертный зал на 900 мест предлагал серьезных исполнителей: гармониста Невского, контрабасиста Кусевидского, чешского скрипача Яна Куделика. Пели хор Славянского и знаменитый Николай Фигнер, играл симфонический оркестр под управлением Гловача. В июне и июле давал спектакли Московский Малый театр. Народ приходил, зевал – и перемещался куда повеселее, а именно в рестораны выставочных гостиниц. Их было четыре: в «Международной», «Европейской», у Александрова-Ломача и у Смелъницкого. Там немки с венгерками жарили канкан. А разбитные певички Ломача переплывали даже этуалей Омона! В летнем саду Александрова гостей развлекал Театр Малкиеля. В гостиничных ресторанах веселились до четырех часов утра. После чего самые неугомонные перебирались в никогда не спящее Кунавино...

В поисках улик Лыков обшарил весь город. Помимо ярмарки с выставкой в нем немало других беспокойных мест. Фабричная слобода, давний рассадник всякой нечисти. Кабак, что стоял на выходе с завода Курбатова, – жуткий притон. Полиция старалась без особой нужды туда не заходить. На Миллионной своя специфика. Тамошним нищebroдам даже водка не по карману. Поэтому они из экономии добавляли в нее «ликву» – неочищенный эфир. Результат выходил необыкновенный! Шибало в голову лучше кокаина! Хлебнув такой смеси, человек терял рассудок. И способен был на все, абсолютно на все...

Или взять Бугры! Местность в дальнем конце Ямских улиц, неподалеку от Крестовоздвиженского монастыря – самая опасная в Нижнем Новгороде. За вычетом Самокатов, конечно. Большинство

уголовных притонов находились там.

А еще имелись Гребешок, Гордеевка, бараки за лесными складами по Напольной-Лесной... Ново-Солдатская, где каждый второй барыга, и дикий выселок за женским монастырем. Плюс пригородные села, которые особенно полюбились уголовным. Полицейский надзор там, считай, отсутствовал. Городская полиция не следила, потому что за чертой. А уездная тоже манкировала. Поскольку полагала, что это Нижний!

Через два дня поисков Алексей опять наведалься в тюрьму. Как там господин Солныченко? Уживается ли с Лукой Лещевым? Оказалось, что вполне. Смотритель Дураков сообщил по секрету, что сломать арестанта не получится. «Хозяин Кунавина» передал в острог приказ: трактирщика не трогать! Деловые взяли под козырек. Лещев перешел к симуляции тихой кататонии.

Лыков думал недолго. Он пошел к Баранову, поговорил с ним и вышел от губернатора с бумагой. В итоге пристава Макарьевской части телефоном вызвали к полицмейстеру. Воскресенский явился и увидел Яковлева распивающим со столичным гостем чай.

– Александр Николаевич! – обрадовался питерец. – Вы когда мне десять рублей отдадите?

– А... у меня опять нет при себе такой суммы.

– Петр Яковлевич! – обратился сыщик к полицмейстеру. – Что это у вас частные приставы так мало жалования получают? Десяти рублей при себе не иметь! Надо поставить вопрос перед городской думой.

– Да вроде никто не жалуется, только вот коллежский ассессор Воскресенский.

– Тогда может одному ему повысить? Как самому недостаточному.

Частный начал закипать. Но Яковлев перевел речь на серьезную тему:

– Господин пристав! Арестуйте и доставьте сюда временно-нижегородского купца Голяшкина.

– Позвольте письменное распоряжение...

– Ждет вас в канцелярии.

– Э-э... а на каком основании мне произвести арест?

– Там все написано. Выполняйте!

Воскресенский вышел с таким лицом, словно его послали на верную смерть.

Через два часа купец был доставлен. Лыков принял его опять в кремле, подальше от ярмарочной суеты.

Голяшкин оказался высоким сильным мужчиной с решительным лицом. Понятный типаж! Умный, властный, умеет подчинять себе людей...

Действительно, как Лобов, только калибром помельче.

– Здравствуйте, Пров Прович. Я Лыков. Слыхали уже?

– Слыхал. Ополчились вы на меня, господин надворный советник.

Оговорил кто-то, а вы и поверили.

– Если оговорил, то разберемся и отпустим.

– Разбираться придется с моим поверенным.

– Не советую лезть в бутылку, Пров Прович. И справлять нужду против ветра.

– Что так?

– С властью не шутят.

– А вам с нами можно шутить?

– Лично я с вами не шучу. А ищу убийцу.

– А я при чем?

– Ну, «хозяин Кунавина»!

– За это не арестовывают!

– Правильно. Но зарвались что-то вы. Страх потеряли. Решил я изъять вас из обращения для пользы общества.

– Изъять? Для этого, господин надворный советник, одного желания мало. Тут законные основания нужны. А я, как известно, ничем таким не занимаюсь.

– Основания как раз имеются. Вы арестованы за преступление против веры.

Голяшкин чуть не упал со стула:

– Что-что? Какое еще преступление?

– Ну вы ведь баптист? Вон и в паспорте вашем указано.

– Баптист! Но какое же в том преступление? Секта баптистов, чтобы вы знали, законом от двадцать седьмого марта тысяча восемьсот семьдесят девятого года признана дозволенной. Ха-ха! Не знает законов, а туда же...

– Рано смеетесь, Голяшкин. Законы я знаю, и получше вас. По букве того же закона, баптисты есть секта евангелическо-лютеранской церкви. И русских баптистов, значит, быть не может. Это старая уловка штундистов, которые много лет ложно толковали указанный вами закон к своей пользе. Но давеча вышло разъяснение Министерства внутренних дел, вот оно, читайте. Поэтому вы, Пров Провыч, не баптист никакой, а штундист.

– А хоть бы и так! – не моргнув глазом, ответил «иван». – За это ведь тоже не наказывают.

– За само участие в секте – да. Но вы же совращали православных вступить в штундисты!

– Я совращал? – поразился Голяшкин.

– Конечно! У меня есть показания содержащегося в тюремном замке арестанта Бурсакова. Он прямо заявляет, что вы уговаривали его вступить в секту. И сулили за это награду.

Бурсаков был уже осужден на поселение и вот-вот собирался отбыть в Якутию. Он приехал на ярмарку, как «залетный», гастролер из Первопрестольной, и здесь попался. Москвич и авторитетный чистяк^[22] плевать хотел на Голяшкина. Сыскные попросили помочь, он и согласился. За это в статейные списки Бурсакова внесли пометку о смягчении режима. Рука «хозяина Кунавина» до Сибири не дотягивалась, а место для отбытия поселения – то, от чего может зависеть и жизнь! Есть улусы потеплее и побогаче, а есть такие, что сгниешь в первую же зиму. Обо всем этом Лыков вчера поговорил с осужденным, и тот подмахнул бумажку...

«Иван» был поражен, а Лыков кинулся его добивать:

– Так что, согласно статье сто девяносто шестой Уложения о наказаниях исправительных и уголовных, светит вам ссылка в отдаленные районы Сибири! Но это ерунда. Донос Бурсакова нужен мне лишь с одной целью: устроить у вас обыск. Если там что-нибудь отыщется, перелицуем статью на более серьезную. Не отыщется – оставим прежнюю. Но здесь вам уж никак нельзя будет остаться.

«Иван» нахмурился. Вот так оборот! Главаря фартовых не смогли поймать на уголовном преступлении. Посредники, адвокаты, лжесвидетели – не подберешься. И вдруг статья за преступление против веры! Смешная для патентованного бандита. Но это повод засадить за решетку. И развязать руки полиции. Если обыск откроет новые факты, то и до каторги можно дорасти. Бухгалтер уже в кутузке. Плохо дело!

Голяшкин посмотрел на сыщика волчьим взглядом и сказал:

– Слышь, надворный, тебе чего надо? Денег? Скажи сколько – поторгуюсь. Глядишь, и договоримся. Человека моего, Солныченко, засадил. А теперь и до меня добрался. Чего ты хочешь?

– Я хочу найти убийц городского Второй Кремлевской части Якова Одежкина. И проститутки Феклы Угодниковой.

– Ну? А я тебе не даю, что ли?

– Твои люди их кончили?

– Нет.

– Врешь, Пров. Без тебя такое дело провернули? Ты ведь стоял за аферой с билетами?

– Вот те крест! – заорал «иван», вскакивая. – Не успел! Хотел взять этих ловкачей под свое крыло, врать не буду. Да не успел! Шельма старший

билетер почуял что-то и сбег.

– Что он почуял?

– Людишек я своих к нему подослал. Сказал, что надо делиться, а иначе сообщу начальству про его аллюры с певичками.

– А он?

– А он исчез на другой же день.

– Как ты узнал про билеты?

– У меня глаза и уши в каждом ресторане. А тут человек гуляет, деньгами сорит! Неделю, вторую, третью... Я ради интереса сходил на выставку. Билет купил, как полагается. Гляжу, а он без марки! Ну, много ума не надо, чтобы понять. А счетчики – что ж. Железяку завсегда обмануть можно!

– И ты не успел прибрать это дело к рукам?

– Не успел. Вот чем хошь поклянусь!

– А проститутка? Кто ее задушил?

– Сам пытался выяснить, – серьезно ответил «иван». – Людям своим поручение дал. Как так? Мокрое дело в моих угодьях, а я не знаю! Перешерстили они всех подозрительных, и без толку. Это не кунавинские.

– А чьи?

– Поставого на горе пристукнули, это вообще до меня не относится. А гулящую на выставке. Там у меня тоже силенок маловато.

– То есть и Одежкина, и Угодникову не ты приговорил?

– Не я.

Как быть? Не факт, что главарь говорил правду. Такие люди с полицией не откровенничают. Но ухватиться было не за что. Разве что обыск подбросит улики...

Голяшкин сел в секретную камеру при управлении полиции. Это не острог, сюда уголовным почтальонам не пробраться. Полная изоляция. Лыков решил, что дознание пора переводить в следствие, и пригласил судебного следователя на обыск.

Хоромы купца находились на углу Крюковской и Пирожниковской, в самом сердце слободы. Сыщики провели в них целый день. Видимо, хозяин уверовал в свою безнаказанность и не очень боялся обысков. Удалось найти оружие, стопку паспортов, золотые украшения. Особенно Лыкова поразило зеркало, что стояло у купца в спальне. В рамке коричневого цвета, с двумя звездочками на стекле, на белых металлических ножках... Именно такое украли недавно у мещанки Назаровой.

Мелочится «хозяин Кунавина»! На этом и попадают даже опытные люди. Еще обнаружили несколько сот винтовочных патронов. Откуда они

и для чего понадобились Голяшкину? Следовательно уезжал довольный: перспективное дело!

Сначала разобрались с патронами. Оказалось, что они похищены в Марьиной роще! Там на стрельбище упражняются ратники первого разряда. Уголовные подкупили унтеров и заполучили огнеприпасы, которые потом пересылали на Кавказ. Там это ходовой и дорогой товар.

Погорел Пров Прович, конечно, не на копеечном зеркале. Среди паспортов сыскалась бессрочная книжка без вести пропавшего человека. Это был сын титулярного советника Лабзин, приехавший на ярмарку и вскоре исчезнувший. Встревоженный отец уже неделю жил здесь. Каждый день он ходил в полицейское управление за новостями, и вот... Ясно, что молодого человека убили. Голяшкин и Солныченко отказались отвечать на вопросы, труп тоже не был обнаружен. В его отсутствии паспорт уликой не являлся – поднял на улице, жалко выбрасывать. Но Лыков не унимался и велел перекопать двор купца. Пусто! Тогда сыщик приказал вычерпать выгребную яму. На дне ее лежали три разложившихся тела... По зубному мосту в одном из них Лабзин-старший опознал своего сына.

Второй уликой стали драгоценности. Меж ними оказались золотые дамские открытые часы, украшенные тремя бриллиантами, двумя рубинами, двумя изумрудами и золотым же крестообразным брелоком. Приметные часики! Такие ни с чем не спутаешь. Именно они пропали месяц назад у статской советницы Зевериц. Супруги Зевериц приехали посмотреть выставку. Поселились в гостинице «Железнодорожная», и уже на вторую ночь их там обокрали.

Улики против «хозяина Кунавина» обещали ему длительные сроки каторжных работ. Баранов был доволен. Но смерть городского Одежкина оставалась неразгаданной. Сыщик собирался уже уезжать из Нижнего Новгорода. Дознание зашло в окончательный тупик. Следовало признаться, что оно командированному не по зубам...

Вдруг в одночасье все изменилось. В водоприемном колодце на Зелинском съезде обнаружили труп мужчины. Это оказался старший билетер Лугвенов. Ему проломили камнем висок.

Глава 6

Концы сходятся

Первым делом Алексей вызвал городских, чьи посты находились близко к месту обнаружения трупа. К его удивлению, раньше других явился Иван Одежкин.

- Вы чего пришли?
- Приказ господина пристава.
- Хм. По найденному телу?
- Так точно!

Лыков был озадачен.

- Где ваш пост?
- На Толкучем рынке, ваше высокоблагородие!

Толкучий рынок, он же Балчуг, находился в Почаинском овраге, под Зелинским съездом. Сыщик задумался. Вдруг его осенило.

- Скажи, вы с Яковом похожи были?

– Погодки... – растерянно ответил городской. – На одно лицо, люди баяли... Он старший, я младший.

- Дай свою постовую книжку!

Одежкин, ничего не понимая, отдал сыщику документ. Тот в крайнем волнении принялся его листать. Вот! Над отметкой о сдаче поста 17 июля карандашом было написано: «Волдырь назади».

- Что это?

- Где?

- Вот карандашом выведено.

– Да это глупость, ваше высокоблагородие! Я знаю, что нельзя в постовой книжке ничего лишнего писать. Околоточный уж делал замечание!

– Что означает «волдырь назади»? Примета? Ты кого-то увидел и записал для памяти?

– Надо полагать, что так, – озадаченно ответил служивый. – Не помню! На другой день брата мертвого нашли, так из головы вон!

– Вспоминай, Иван, это очень важно! У билетера, которого тело обнаружено в колодце, на шее был большой волдырь! Не его ли ты видел еще живого? Он был один?

Одежкин даже сел без команды.

- Вот те на! Так-так... Семнадцатого, это первый день, как царь

приехали?

– Да.

– Ага! Я был на посту во вторую смену. И, уж к вечеру подходило, попались мне двое...

– Двое?

– Так точно, двое! Подозрительными они мне показались.

– Чем?

– Ну, разговор между ними был какой-то... злой. Нехороший разговор! Который повыше чуть не кричал. А с волдырем который, тот вроде оправдывался.

– Почему же ты их не задержал?

– А за что, ваше высокоблагородие? Идут люди, разговаривают. Опять, оба из благородных. Сразу видать!

– Из благородных? Опиши мне второго.

Городовой напрягся. Он думал с таким напряжением, словно тягал двухпудовую гирию.

– Высокий. Седой. Голос резкий, неприятный. Больше ничего не помню.

Указанные приметы подходили к коллежскому советнику Савичу! Но, конечно, не только к нему.

– Слушай меня внимательно, Иван. Твоего брата, скорее всего, убили по ошибке. Вместо тебя.

Одежкин вытаращился на сыщика.

– Как вместо меня?

– А вот так! Из-за этой твоей записи карандашом. Убийца ходил со своей жертвой. И ночью кончил ее. А ты видал обоих и что-то записал для памяти у него на глазах. Помнишь, у Якова пропала постовая книжка?

– Точно!

– За ней он охотился, чтобы запись уничтожить!

– Бог ты мой, бог ты мой! Так это братка вместо меня голову сложил?

– Именно так. Люди в одной форме и без того одинаковы, а тут еще семейное сходство. Убийца и перепутал.

– Вот оно как господь-то рассудил! – ошарашенно пробормотал Иван. – Сейчас бы я на погосте лежал... и не знал бы за что!

– Обожди! – насторожился Лыков. – Но как злодей выяснил твою фамилию? Ведь не зная фамилии, городского не найти. Вас восемьсот сорок человек!

– Посты редко меняются. Он мог искать не по фамилии, а выследить на том же месте.

– Нет, тогда убил бы кого задумал. Полагаю, злодей узнал откуда-то твою фамилию. И выяснил второпях, что есть Одежкин во Второй Кремлевской части. Явился туда вечером, начал следить. Вышел твой брат... Он за ним. В темноте тем более не заметил своей ошибки. Ну и... Так откуда всплыла фамилия?

– Хм... А меня тогда околоточный окликнул!

– Ну-ка расскажи подробнее. При тех двоих дело было?

– Так точно. Я, признаться, стоял и колебался. Может, думаю, виды у них спросить? Но ведь господа... Об том годе я у одного паспорт потребовал, так он меня по лицу ударил! Суд был у мирового. Ну, думаю, их от греха... Тут околоточный появился от Казанской церкви. И крикнул: «Одежкин, ко мне!» Я и побежал. Только быстро записал для памяти про волдырь. Вдруг где всплывет? Видать, заметили они...

– Так и было! Негодяй понял, что ты опасный очевидец. Прикончив Лугвенева, он решил избавиться и от свидетеля. Но знал только фамилию и спутал одного брата с другим. Убивая Якова, он был уверен, что убивает тебя!

Из глаз Ивана вдруг разом полились крупные слезы. Смущаясь, он стал вытирать их кулаком, потом подошел к иконе в углу и принялся молиться... Через минуту, немного успокоившись, сказал:

– Поймать бы надо эту сволочь!

– Есть у меня один на подозрении. Поехали смотреть. На выставку!

Лыков решил показать Ивану Савича, но так, чтобы коллежский советник этого не увидел. Пришлось спрятать городского в кабинете брандмейстера. Дверь оставили полуоткрытой. Сыщик вызвал Илью Никитича в коридор по пустяковому вопросу и поговорил три минуты. Ему хотелось, чтобы Одежкин услышал и голос подозреваемого. Потом Алексей простился с помощником комиссара, как ни в чем не бывало пожав ему руку. И зашел в кабинет.

– Ну?

– Вроде он, а вроде и не он...

– Высокий, седой. Он!

– Не уверен я, ваше высокоблагородие. Как человека в таком страшном грехе обвинить? Вдруг это не он?

Стало ясно, что показания Одежкина ни к чему не приведут. Суд не примет такого свидетельства. Нужны другие очевидцы.

Лыкову пришлось засекретить свою версию. Савич – уважаемый человек и крупный чиновник выставочной администрации. Улик против него нет. В душе Алексей был даже рад, что городской не опознал в Илье

Никитиче возможного убийцу. Какой из него убийца? Ну, нервный. Еще бы не нервничать! Выставка раскошегаривается медленно. А Витте требует еженедельных отчетов о посещаемости и корит, что она плохо растет. И тут собственный ставленник подвел. Но не убивать же его за это! Ясно, что Лугвенева стал жертвой сообщников. Не иначе другие кассиры уличили его в сокрытии доходов. И наказали. А может, один наказал, а двое других с перепугу дали деру?

Беглецов объявили в циркулярный розыск. Один из них, Крестьянкин, был новгородский – земляк старшего кассира. Двое других, Лукин и Устинов, записались московскими мещанами. Когда их стали искать, выяснилось, что они назвали вымышленные адреса. Видать, основательно готовились к мошенничеству.

Пока шли поиски, Алексей не сидел без дела. Он пытался собрать свидетельства о последних часах жизни Лугвенева. Два человека долго ходили по городу. Их должны были видеть сотни людей. Кто-то мог запомнить второго, который и есть убийца.

Сначала были опрошены все городовые. Но их опрос не дал ничего. Прошел уже почти месяц. Да и дни тогда выпали особенно напряженные: государь приехал. На улицах допоздна шлелись толпы народа. «Нет, не помним, ваше высокоблагородие, не до этого было...»

Кое-что узнали сыскные. Алексей послал их опросить дворников, половых в трактирах, сторожей при магазинах. И в чайной Ванюшина на Солдатской улице вспомнили, что видели в тот вечер двух господ. Зашли, осмотрелись брезгливо и вышли. Как выглядели? Один пониже, второй повыше... У первого шея с угрями, да. Второго не запомнили.

Заведение Ванюшина было хорошо известно в полиции. Там подавали секретную водку в чайниках вместо кипятка! Такие вещи возможны только при покровительстве околоточного. Зная свой грех, он и помог сыскным. Сведение оказалось важнейшее. Парочка зашла в чайную после полуночи. Лугвенева был еще жив.

Поэтому следующими, кого начал трясти надворный советник, стали поливщики улиц. Городская управа нанимает особую команду, которая и орошает главные улицы из своих бочек. Поливка производится с трех до пяти утра еженощно, за исключением тех дней, когда сырая погода делает такую поливку ненужной. Верхней частью города заведует десятник, взятый по вольному найму. Рождественской улицей – городской комиссар, живущий в Сафроновском сторожевом доме^[23]. Зелинский съезд наблюдает другой комиссар, имеющий местожительство в Почаинском сторожевом доме. И так далее. Всех их Лыков расспросил лично. И опять

ничего не узнал.

Тогда наступила очередь мусорщиков. Золотари городского вывозного парка тоже работают по ночам. И, когда Нижний пустеет, по его улицам разъезжают бочки с нечистотами. Седокам скучно, они крутят головой по сторонам – глядишь, что и увидели...

Лыков приехал на лесные склады. Там была особая площадка, куда свозят отловленных бродячих собак. При ней и находилась контора ассенизационного обоза. По требованию сыщика один за другим были вызваны повесткой все люди, работавшие в ночь на 17 июля. И никто не вспомнил двух фланирующих гуляк.

Алексей хотел уже бросить свое занятие, но вдруг писарь конторы спросил:

– А вы вольных мусорщиков опрашивать не будете?

– Что, есть и другие мусорщики? – удивился сыщик.

– А то! Сами по себе которые. Преимущественно из Лапшихи и обеих Кузнечих.

Это были пригородные деревни, крестьяне которых нанимались на службу в городское хозяйство. Оказалось, что три десятка мужиков на своих телегах подрядились вывозить нечистоты там, где вывозной парк не справлялся. Дело полузаконное: мужики доставляли отбросы в ближайший овраг и там вываливали... Поэтому овраги вокруг Нижнего стали местом скоплений не только мусора, но и человеческих извержений!

Надворный советник приказал вызвать вольных мусорщиков. И это наконец дало результат. Крестьянин деревни Кузьмин Овраг Федот Сустатов показал:

– Было дело! Ехал я по Лыковой данбе, в четвертом уже часу...

– Откуда время знаешь? Или «котлы»^[24] себе завел?

– Так привычные уже, десятый год говно возим! И вот значитца. Еду и еду. На Ильинскую улицу, тово, пробираюсь. А навстречу мне двое. Диковинка! Все спят давно. Бывает, за всю ночь пьяницу встретишь, и то развлечение. А тут баре!

– А почему ты так решил?

– По ним видать! Шляпы, то да се... Один-те руками машет, а второй молчит.

– И что дальше было?

– Дальше? Проехал я мимо, да и все!

– Лица их разглядел?

– Разглядел.

– Как сумел? Темно ведь уже!

- Так тово... эта была.
- Кто «эта»?
- Люминация. По случаю, значитца, приезда царя. Вот я и разглядел.
- Описать можешь?
- Могу.

И мужик дал подробные приметы ночных гуляк. Один был Лугвенев, а второй – Савич!

Это стало для Лыкова ударом. Он попытался сбить мусорщика с его показаний. Но тот стоял крепко. Мужик попался самостоятельный и уверенный в себе. Он внимательно прочитал протокол и подписал его. Теперь это был документ. Убийственный для коллежского советника Савича. Неужели это он? За приписки, за мелкое мошенничество казнить собственного приятеля? Или Савич расценил предательство Лугвенева именно как измену дружбе? Как высшую подлость, требующую возмездия? Обмануть своего покровителя в самом больном для него вопросе – вопросе посещаемости выставки. Но неужели за такое действительно можно убить? Интеллигентному, образованному человеку... В голове не укладывалось! А потом, заметая следы, этот образованный человек отнял еще две жизни? Городового и проститутки? Это уж совсем фантастично! Но золотарь из Кузьмина Оврага, темный, пропахший навозом мужик, указал на него. И тут ничего не попишешь, следовало проверить алиби коллежского советника. Во всех трех случаях.

Снова у Баранова состоялось секретное совещание. Записей по нему не велось. Собрались пять человек: сам губернатор, нижегородский полицмейстер Яковлев, выставочный – барон фон Таубе, Лыков и советник губернского правления Парфенов (он курировал полицию). Сыщик доложил о своих открытиях и показал протокол допроса мусорщика. Слушатели были в шоке.

Первым опомнился Парфенов. Он сказал короткую и умную речь. Слов одного ассенизатора недостаточно, чтобы арестовать такого заметного человека, как Савич. Иван Одежкин коллежского советника не признал. Стало быть, надо пока взять того под негласный надзор и осторожно проверить инобытие. Осторожно!

Савич живет в гостинице «Международная». Там полно коридорных, официантов, другой прислуги. Часть из них у полиции на связи. Пусть напрягут память! И, конечно, следовало ускорить арест сбежавших билетеров. Все-таки хотелось думать, что кровь на них. А не на столбовом дворянине из Бархатной книги.

Коридорных и половых взяли на себя агенты сыскного отделения.

Для этого пришлось открыть Прозорову важную тайну. Лыков не стал ходить по гостиницам, а вызвал к себе старосту Шестовской артели.

Эта огромная артель насчитывала более пятисот человек и играла в городке важную роль. Все экспоненты пользовались ее услугами. Укупорка и доставка образцов, декорирование витрин, подмена уставших приказчиков, хозяйственные работы... Мастера на все руки, шестовцы буквально тащили выставку на своих плечах. И, как следствие, знали все, что там творилось.

Пришел староста по фамилии Ромин. Благообразный старик, глаза хитрющие... Сыщик завел с ним подробный разговор. В ивовой плантации в ночь на 28 июля задушили публичную женщину. Может быть, кто-то из артельщиков проходил там об эту пору? Или что-то от кого-то слышал? Полиция очень нуждается в очевидцах. Важна каждая мелочь. Например, не попадался ли шестовцам в тот вечер господин с седыми волосами, высокий, немножко нервный?

Как раз такой и попадался, сразу ответил староста. И, понизив голос до шепота, сообщил:

– Вы ведь сейчас господина Савича описали?

– Да, – признался сыщик. Что-то подсказало ему, что с дедушкой лучше не юлить.

– Знакомы вам на выставке павильоны цементных заводов?

– Которые соединены арочным мостом? – уточнил Алексей.

– Они самые. Так вот. Поздно вечером двадцать седьмого июля шел мой человек мимо. И разглядел господина Савича с какой-то женщиной.

– Ну так это где – напротив Центрального здания. А ивовая плантация в другом конце.

– А что им делать на выставке ночью? – резонно спросил староста. – Это первое. А второе: шли-то они как раз туда. К Шуваловской даче. Работник мой проследил их до образцовых огородов. Дальше уж не пошел – боязно.

– Точно это был Илья Никитич?

– Точно! Сами знаете, как на выставке освещают. Денег не жалеют. Все видать!

Действительно, по ночам выставку заливало море света. Синие шары электрических фонарей было видно с другого берега Оки. Будто сияющий остров посреди темноты.

– Что же вы не рассказали о том в полиции? Ведь открыто дознание по факту гибели женщины.

Ромин в ответ посмотрел на сыщика как на дурачка. Сам, мол, разве

не знаешь? Действительно, русский народ обращается в эту инстанцию в крайнем случае. А так старается обходиться без нее...

– Говорят, он его и убил, Савич этот. Своего товарища.

– Кто говорит? – вскинулся надворный советник.

– Народ, – лаконично ответил староста. Потом поднял вверх указательный палец и добавил назидательно: – А народ не обманешь!

– И за что же он казнил товарища?

– За миллион. Илья Никитич лично обещали самому Витте, что будет миллион посетителей. Как на прошлой выставке в Москве. И доверенного человека поставили за воротами смотреть! А тот возьми да и обмани. Ну, при его-то, Савича, нервенности нечему и удивляться...

Вот те раз! Оказывается, выставочные артельщики давно уже пришли к тому выводу, к которому только сейчас нехотя стал склоняться сыщик.

Еще кое-что узнали люди Прозорова. Гостиница «Международная» состояла из нескольких корпусов, и по ночам они не освещались: владельцы экономили. Но барон фон Таубе после отъезда государя направил им предписание. Темнота в гостинице, заявил он, представляет большую опасность для постояльцев. Вдруг случится пожар – как люди будут спасаться? Хозяева ответили, что на такой случай у них внутри есть запасное освещение: лампы, заправленные астралином. Их, правда, не зажигают, но по требованию полицмейстера зажгут. Все дешевле электричества. И действительно запалили. И в первую же ночь обнаружили несколько гуляк, которые, пользуясь прежней темнотой, шлялись черт знает где. А в номера приходили лишь под утро, незамеченные прислужкой. Теперь же спрятаться было нельзя, все на виду... Так вот, среди этих выявленных гуляк оказался и важный чиновник господин Савич! Он точно не ночевал в номере в ночь на двадцать восьмое. А на восемнадцатое, – спросили сыскные, не вдаваясь в подробности, что тогда был убит городской Одежкин. Восемнадцатого, ответили коридорные, лампы еще не горели. Мог ночевать, а мог и гулять. Бог его знает...

По всему выходило, что алиби у Савича отсутствовало. Пора было спросить об этом и самого коллежского советника.

Лыков вызвал главного теперь подозреваемого на беседу. Снова, чтобы избежать чужих ушей, он принял гостя в кремлевском кабинете полицмейстера.

Савич пришел настороженный. Сел спиной к окну, положил на колени шляпу и сразу замкнулся, приготовился защищаться. Уже знал, что попал в поле зрения полиции! Ну, тем легче было начать.

– Илья Никитич, в вашем формуляре сказано, что вы бежали

из турецкого плена, убив часового. Так это?

Савич растерялся: он ожидал другого вопроса.

– Так. А в чем дело?

– Как вы убили турка? Случайно не камнем, в висок?

По лицу чиновника пробежала нервная судорога.

– Вон оно что! А я думаю: что-то издалека захотят. Нет, часового я задушил!

– Задушили? И сил хватило?

– Хватило. Я тогда был молодой, жилистый.

– Хорошо. Следующий вопрос: вы, случайно, не знаете, где Лугвенева достал тысячу рублей? С его окладом сам скопить такую сумму он не мог.

– Знаю, – спокойно ответил Савич. – Это я ему дал деньги. В долг.

– Для чего?

– Он сказал, для лечения больной матери.

– Именно этого вы ему и не смогли простить, – констатировал сыщик.

– То есть? – высокомерно поднял брови Савич.

– Ну, сам обман с билетами уже вопиющее предательство. Вы подняли его из лужи, протянули руку помощи, дали серьезную должность. Виктор Павлович знал, как важна для вас посещаемость выставки. И в ответ такая подлость! Но обман с привлечением матери выглядит совсем уж гнусно. Чрезмерно! Он выманил у вас деньги, и на них заказал фальшивые билеты. И это стало последней каплей. Так?

– Продолжайте ваши неумные фантазии, – язвительно ответил коллежский советник.

– В ту ночь вы долго ходили вдвоем по Верхнему базару. Туда-сюда, с улицы на улицу. Полагаю, что никак не решались на поступок. Вы не хотели убивать товарища, вы желали, чтобы он покаялся. Упал на колени, попросил прощения. Вас видели несколько человек: городской Иван Одежкин, поливщики улиц, посетители чайной Ванюшина и вольный мусорщик Сустатов.

Последний заметил странную парочку уже в четвертом часу утра. И составил ваше точное портретное описание. Долго же вы добивались извинений, Илья Никитич... Что же в конце концов случилось? Лугвенева посмеялся над вами? Сказал, что сыт по горло благодеяниями, за которые надо каждый день целовать дающую руку... Как-то так?

Савич бросил на Лыкова полный ужаса взгляд и тот час, спохватился, отвел глаза.

– И тогда вы ударили, – продолжил сыщик. – Первым, что оказалось под рукой – булыжником. Это, кстати, скажет в вашу пользу на суде. Ясно,

что вы не готовили преступление, все произошло внезапно. Вспышка ярости, вполне понятной. Состояние аффекта, когда вы не помните сами себя, не осознаете своих поступков. Вот потом все для вас плохо. Убийство городского и проститутки уже не объяснишь вспышкой. Это хладнокровное и подготовленное злодейство. Но вы спасали себя, избавлялись от свидетелей. Обратной дороги не было, пришлось кончить еще двух человек.

Савич молча слушал надворного советника, не пытаясь возразить.

– С городовым вы ошиблись, убили не того. Вместо Ивана, записавшего примету Лугвенева, погубили его брата-погодка Якова. Безобидного трусоватого малого, который даже в споре с мастеровыми готов был уступить.

Чиновник крепче сцепил пальцы на коленях и застонал.

- Что? – насторожился сыщик. – С сердцем плохо? Вызвать доктора?
- Нет, продолжайте.
- А за что вы казнили Угодникову? Чем эта гулящая была для вас опасна? Неужели пытались шантажировать?
- Вам бы, Лыков, книжки писать! Хорошо выдумываете! – истерично

крикнул Савич.

– Признаться не желаете?

– Не желаю, потому что не в чем. Но вы продолжайте!

– Да уж конец истории. Когда двадцать восьмого июля вы уводили в ивовые заросли Феклу Угодникову, вас видели.

– Кто?

– Работник Шестовской артели.

– Это была другая женщина!

– И вы назовете ее имя?

– Ни за что! Она замужем, как же я могу?

– Илья Никитич. Ваше дело складывается хуже некуда. Тут уж не до джентльменства. На каторгу пойдете, а имя так и не скажете?

Савич задумался. Или только сделал вид?

– Хорошо, – нехотя согласился он через минуту. – В конце концов, с мужем они давно разъехались...

– Итак?

– Вы хорошо знаете эту женщину. Ее зовут Ангелина Штромвасер.

Лыков чуть не присвистнул. Ангелина Штромвасер! Звезда выставочного театра Малкиеля! Мечта всех прыщавых гимназистов! Карточки актрисы продавались нарасхват. При том она милая скромная женщина и в свои тридцать шесть лет все еще очень красива. Ай да Савич! Впору позавидовать!

– Ангелина Юрьевна подтвердит ваши слова?

– Мы уже говорили с ней об этом.

– Вот как?

– Конечно! – гневно воскликнул коллежский советник. – Я же не слепой, вижу, куда клонится! Неизвестные люди уже несколько дней ходят за мной по пятам. Это ваши сыщики?

– Не мои, а Прозорова.

– Какая разница! Расспрашивают всех крайне бестактно: где я был, куда ходил? Тимирязев перестал меня принимать. Коллеги шарахаются как от прокаженного. И все из-за ваших фантазий?

– Господин Савич! – рассердился Алексей. – Молите бога, чтобы Ангелина Юрьевна составила вам алиби. Потому как, если этого не случится, вы поедете на Сахалин. За тройное убийство. И там будете объяснять про фантазии сыщиков.

Чиновник pokrылся пятнами и чуть не кинулся на Лыкова с кулаками. Действительно, псих! Поругавшись несколько минут, собеседники кое-как успокоились.

– Я должен вызвать госпожу Штромвасер на беседу, – заявил надворный советник.

– Как? Повесткой с городовым?

– У вас есть лучше предложение?

– Давайте я напишу Ангелине записку. Все объясню и попрошу приехать.

– Но вы понимаете, что вашу записку мне придется прочесть!

– Понимаю, – вздохнул Савич. – Теперь, видимо, надо привыкать к такой... публичности. Эх вы, полицианты! Бесчувственные, бестактные люди!

– Пишите.

Савич взял перо и написал следующее:

«Ангелина! Случилось так, как я и опасался. Обвинили в том, чего не совершал. Приди, пожалуйста, и скажи им правду. Твой Илья».

Алексей послал к актрисе с запиской журналиста управления полиции Ласкина. Велев тому переодеться в партикулярное платье. Не надо портить репутацию достойной женщины. Савича пока отвели в дворянскую камеру и напоили чаем.

Штромвасер приехала через два часа. До того Алексей видел актрису лишь на сцене, и всегда восхищался ее талантом. Войдя, гостья сразу спросила:

– Где Илья? Он арестован?

– Пока нет. Но Илья Никитич находится в сильном подозрении, это правда. На него показывают многие улики.

Ангелина Юрьевна села на стул и устало сложила руки. Словно подстреленная птица, подумал сыщик.

– Можно воды?

– Да, конечно!

Выпив воды, актриса сказала, глядя Лыкову прямо в глаза:

– Я вас слушаю.

– Мы подозреваем Савича в том, что в ночь с семнадцатого на восемнадцатое июля он убил старшего билетера Лугвенева. А труп спрятал в ренстоках^[25] на Зеленском съезде.

– Ночь с семнадцатого на восемнадцатое – это когда приехали их величества?

– Да.

– Тогда вы ошибаетесь! Ту ночь Илья Никитич провел у меня.

– Вы уверены?

– Совершенно уверена.

– И присягнете на суде?

Штромвасер запнулась.

– А что, будет суд? И мне придется там показывать?

– Обязательно. Погибли три человека. Мы не можем оставить такое дело нераскрытым. Если окажется, что Савич невиновен, значит, продолжим искать действительного убийцу. Ваши показания очень важны. Подумайте еще раз, прежде чем говорить.

– Я уже подумала. Конечно, это неприятно. О нас, актрисах, и без того распускают грязные сплетни. Никак нельзя избежать публичных показаний? Только у следователя, без суда.

– Если следователь согласится не выдвигать обвинения против Савича, такое возможно. А это будет, если вы обеспечите ему полное алиби.

Ангелина Юрьевна кивнула и продолжила:

– А! Все равно мы с мужем давно живем розно! И договорились не мешать друг другу. Он нашел там себе какую-то... А я... Я еще молодая женщина и не собираюсь никого стесняться!

– Итак...

– Итак, я подтверждаю и готова показать под присягой, что ночь с семнадцатого на восемнадцатое июля Савич провел со мной и никуда не отлучался.

– Где это было?

– Я живу в одном из датских домиков.

Датскими домиками назывались номера Хвалтковского – унылые дощатые бараки на Выставочном шоссе.

– Кто-нибудь может это дополнительно подтвердить? Например, прислуга.

– Мы с Ильей Никитичем старались не афишировать наших отношений. Разве моих слов недостаточно?

– Их более чем достаточно, чтобы спасти Савича от каторги. Вы ведь не родственники?

– Нет. А почему вы спрашиваете?

– Свидетельство жены в пользу мужа или там сестры в пользу брата суд не примет.

– Нет, мы просто... не посторонние друг другу люди.

– Хорошо. В ночь на двадцать восьмое июля работник видел, как Илья Никитич вел какую-то женщину в сторону Шуваловской дачи. А потом там нашли тело убитой проститутки.

– Тоже ложь! Точнее, ошибка. Это была я.

– Вы?

– Да. Мы гуляли с Ильей Никитичем допоздна. Было душно, не сиделось в домике. В ресторанах шумная музыка. И мы пошли на прогулку.

– Совершенно уверены, что это было именно тогда, а не раньше и не позже?

– Да.

Версия Лыкова была разбита вдребезги. Полное инобытие по двум эпизодам! Сыщик записал показания Штромвасер и отвел ее к Савичу. Очень быстро те уехали, держась за руки, как влюбленные. А надворный советник остался думать.

Могла Штромвасер солгать? Запросто! Она же актриса, причем талантливая. Так изобразит, что все двенадцать присяжных поверят. Но если солгала, то почему? Любовь? Похоже. Зачем еще женщине вытаскивать мужчину из тюрьмы? Но, пока ложь не доказана, Савич вне подозрений. Что показания вольного мусорщика против слов знаменитой актрисы?

Лыков пошел на полицейский телеграф и отослал в Петербург депешу. В ней он поручал Валевачеву выяснить все о возможной связи Штромвасер с коллежским советником Савичем. Может быть, они были знакомы прежде? Или состоят в отдаленном родстве? Мало ли что таится в их прошлом. Юрий искал два дня и ничего не нашел.

Ангелина стала Штромвасер в 1887 году, когда вышла замуж за петербургского чиновника. До того она носила девичью фамилию Богомолова. Родилась в Москве, училась в Рязани, после фактического развода играла в провинции. Лишь три года назад перебралась опять в Первопрестольную и там стала театральной знаменитостью. С новгородским дворянином Савичем нигде не пересекалась. Видимо, они познакомились уже здесь, на выставке.

Дознание зашло в тупик. Все улики указывали на Савича. Но показания Ангелины Юрьевны делали их бесполезными. Полицмейстер Яковлев лично допросил актрису, и та подтвердила свои слова.

В Нижний Новгород доставили Крестьянкина, одного из сбежавших билетеров. Он подробно описал, как воровались деньги. И объяснил загадку с автоматическими счетчиками. Оказалось, Лугвенев за пять рублей вызнал у механика секрет, как эти счетчики можно подкручивать. Расхождения между количеством проданных билетов и числом прошедших через турникеты были с самого начала. Журналисты, учащиеся и обслуга попадают на выставку бесплатно. Но это десятки, много сотни.

А воровались немалые деньги. И каждую ночь старший билетер обходил все три входа и самолично подправлял показания счетчиков.

Наглость дельцов поразила полицейских. На глазах у начальства утекали сотни и тысячи рублей! Однако новых улик добыть не удалось. На вопрос, кто проломил голову главному махинатору, билетер лишь развел руками. Савич мог? Наверное, мог. Очень уж вспыльчивый. Но вот еще два злодеяния, с ловким замечанием следов... Это уже не в духе Ильи Никитича. А почему сбежали все трое разом? Перепугались. На их глазах состоялся резкий разговор коллежского советника со старшим билетером. Выяснилось, с чего все началось. У Савича случились именины. И он решил отпраздновать их с приятелем. Пришли они вдвоем в лучший ресторан в гостиницу «Эрмитаж», а там официанты Лугвенева по имени-отчеству величают! И принимают, как душку-миллионщика! Откуда? На какие средства разгул? Лишь тогда Илья Никитич заподозрил неладное. Устроил однокашнику публичный допрос. А на следующий день тот исчез! Савич объявил, что Лугвенев сбежал. И, вместо того чтобы устранить старых билетеров и начать ревизию, просто назначил им нового начальника. И велел «обеспечить статистику». Ребята подождали три дня, а потом узнали, что Витькина маруха тоже пропала. И задали лататы...

У Лыкова осталась последняя надежда. Он обратился за помощью к знакомому, который уже не раз его выручал. Друг Алексея Виктор Таубе привез с Сахалина особенного помощника. Его звали Платон Ануфриевич Арзамасцев. Этот незаметный человек мог пройти куда угодно и узнать любую тайну. Необычайные ловкость и такт делали его очень полезным военной разведке. По старой памяти отставной унтер-офицер иногда подсоблял Лыкову. И Алексей отбил телеграмму Арзамасцеву. В ней он просил выяснить, что может связывать актрису и карьерного бюрократа. Почему она ему помогает на самом деле?

Ловкий человек прислал ответ тоже через два дня. Но он отличался от сообщений Валевачева. Платон Ануфриевич настоятельно советовал Лыкову встретиться с неким Обернибесовым. Вот дал же бог фамилию! Но совет казался дельным. Обернибесов проживал в Петербурге и был очень стар. Но в молодости отслужил три срока тихвинским уездным предводителем дворянства. Того самого уезда, откуда был родом Савич! Ну-ка, ну-ка... Иные истории уходят корнями на такую глубину, что и представить невозможно. И только старики помнят, как все начиналось.

Алексей обратился к директору Департамента полиции за разрешением прибыть в столицу на один день в интересах дознания.

Зволянский разрешил, но дописал в конце: «Когда же вы наконец закончите? Не узнаю вас! Приезжайте скорее, здесь полно дел!»

Вот халамидник! Сам отдал его на съедение Баранову и теперь торопит. Не узнает, видите ли! Попробовал бы лично найти убийцу!

Лыков так обиделся на начальство, что решил не заходить в департамент.

Бывший предводитель проживал в Большой Охте на Гусевой улице. Ветхий камердинер провел посетителя в кабинет. Обернибесов оказался еще старше слуги: весь желто-восковой, как покойник. Но глаза смотрели живо. Видать, отставнику скучно тут, вот он и радуется любому развлечению... Сыщик подумал, что зря приехал в столицу. Но уж коли явился, то следовало попытаться.

Начало беседы вышло неудачным. Старик решил, что принесли пенсию в августовскую треть, и обрадовался. Видать, не шикует, хотя всю жизнь провел на коронной службе... Гостю пришлось разочаровать хозяина:

– Феодосий Аркадьевич, я чиновник особых поручений Департамента полиции Лыков. Дознаю убийство в Нижнем Новгороде троих человек.

Предводитель недоуменно задрал голову.

– А в чем собственно дело? Зачем вы? Думал, пенсия, а тут...

– Под подозрение попал коллежский советник Савич...

– Это Никиты Ивановича сын? – оживился предводитель.

– Илья Никитич. Родился в селе Мореве.

– Он самый! И что? Илюша душегубом стал? Он всегда был нервный...

Ай да дед, подумал сыщик. Не совсем еще в маразме!

– Все улики указывают на него. Но у Савича открылось алиби. Инобытие.

– Я понял, продолжайте.

– Это алиби, – пояснил сыщик, – ему предоставила одна женщина. Актриса. По-моему, она лжет. Но я не могу понять почему. Замуж, что ли, хочет за него потом выйти? Но они оба официально состоят в браке. Актриса проживает отдельно от своего супруга, а семья Ильи Никитича здесь, в Петербурге. Вроде бы о разводе там речь не идет.

– И чем же я могу помочь?

– Мне нужно знать, нет ли между ними – актрисой и Савичем – какой-то давней связи? Бывшая любовь, которая сейчас обязывает женщину помочь попавшему в беду старому другу... Или что-то подобное. А вы наблюдали все семейство Савичей много лет. Вот я и подумал.

- Теперь понятно. Как фамилия актрисы?
- Она довольно известна, но не в столице, а в Москве и провинции.

Ангелина Штромвасер.

- Так я и знал! – Старик закрыл глаза и стал жевать синими губами. Лыков боялся пошевелиться. Неужели он сейчас узнает тайну?
- Ангелина и должна была поступить таким образом!
- Почему, Феодосий Аркадьевич?
- Они с Ильей единокровные брат и сестра.
- Не может быть! Она в девичестве Боголюбова, мы проверили!

А мать Савича, урожденная княжна Мышецкая.

– Так, – согласился Обернибесов, – но это по бумагам. Чтобы знать правду, надо понимать, что такое Пелуши.

– Пелуши? – переспросил Лыков, заноса новое слово в памятную книжку. Он уже поверил, что скоро все тайны раскроются...

– Да. Это такая местность. В ней сходятся границы Тихвинского, Белозерского и Устюжского уездов Новгородской губернии и Ладейнопольского уезда Олонецкой губернии...

– Очень удобно прятаться от полиции, – прокомментировал сыщик со знанием дела.

– Так и есть! – обрадовался старый предводитель. – Вот вы понимаете! Молодец. Из этого все и проистекало.

Алексей наострил уши и услышал невероятную историю.

– Пелуши издавна полюбились беглым. По той причине, что вы только что назвали. Действительно, полиция тогда по чужим углам не шлялась. И в случае облавы люди просто переходили в соседний уезд и там отсиживались.

– Сейчас то же самое, – не утерпел сыщик.

– Да? Восхитительно! Так вот, этому старинному притону насчитывалось сто лет, и к концу крепостного права там собралось до пяти тысяч человек...

– Пять тысяч? Но это же целый уездный город вроде Балахны! – не поверил сыщик.

– В Балахне я не бывал, но в Тихвине жило при мне аккурат столько же.

– Как же можно спрятать в лесу такую прорву людей? Им же пить-есть надо, от зимних холодов греться!

– Можно! – заявил Обернибесов. – Работу им охотно давали тамошние крестьяне. И, вообще, помогали, чем могли. Прожить в лесу действительно удавалось лишь из-за этой мужицкой выручки. Крепостные относились

к беглым сочувственно. Ведь случись что, они сами явятся в тот же лес! Настоящими беглыми мужики считали лишь каторжников и дезертиров. Их не брали на работу и не давали приюта. А прочих, отлучившихся от самодуров-помещиков (а были среди нас и такие!) именовали «бегунками». И не только крестьяне помогали! Купцы скрывали от полиции, и даже монастыри!

– Ну и ну... – только и сказал Алексей.

– А я что говорю? – воодушевился предводитель. – О чем уж мы?

– О помощи беглым.

– Да. Им платили за работу чуть меньше, чем вольным рабочим, но зато аккуратно. И тем спасали их. А там скопились люди обоего пола, образовались семьи, рождались дети... Священник приходил в лес, венчал, крестил, отпевал и не сообщал об том ни полиции, ни в консисторию. В особой землянке завели что-то вроде походной церкви! Или часовни. Да... Устроили кладбища, кабаки, мелочные лавки. Был даже рынок по средам! Так и назывался: Средной рынок.

– Множество людей, и все с норовом, – вставил Лыков. – Бежали ведь наиболее смелые. Как же в Пелушах было с воровством?

– Вот вы хоть и из Департамента полиции, а правильные вопросы задаете, – одобрил старик. – Такая проблема была. И решали ее сами крестьяне. Воровать тем, кто прятался, они не разрешали. И вообще, полагалось вести себя тихо. Если кто не удерживался, того мужики убивали. Закапывали под елкой, и все... Поэтому беглые знали границы дозволенного. И в целом жили мирно.

– А вы, помещики, как это терпели? Ведь такой притон под боком! Ваши крепостные получали пример неповиновения. Чуть что – уйду в лес!

– А что мы могли поделать? Пять тысяч! Будешь бороться с ними, так и спалят. Приходилось терпеть. Опять же, бегство было и полезным.

– Полезным? – удивился сыщик. – В каком смысле?

– Да в прямом. Это как клапан в котле. Если нет клапана, то котел взорвется. А тут самые лихие убежали, а работающие да спокойные остались. Более-менее договорились мужик с помещиком и живут как могут. А если лихому нет выхода, так он за топор возьмется!

– Понятно. Но давайте вернемся к Савичу.

– Давайте! – согласился Обернибесов. – Их деревенька насчитывала, сколько помню, сто сорок дворов. И была как раз посреди этих Пелуш. Самое такое место!

– А как же вы к ним в гости ездили? Через тайные схроны беглых?

– Ну, не селились же те вдоль дорог! В лес мы старались

не углубляться. И вообще... уживались. Они нас не трогали: крестьяне не велели. Да и полицию лишний раз будить ни к чему. Сколько раз случилось: едешь, а навстречу тебе бегунки! Ну, поздороваяешься, они тебе ответят, и каждый идет своим путем дальше. Но иногда попадался в лесу совсем уж дурной человек, проще говоря, негодяй. И он беззаконничал. Воровал, грабил – пока мужики не прознают и не убьют. И вот такой негодяй однажды поймал в лесу госпожу Савич, жену Никиты Ивановича и мать Ильи Никитича. Было ей тогда почти тридцать, имела она двух деток; жили хорошо. И вдруг такое несчастье!

– Убил?

– Нет, только изнасиловал.

– А возница? Не пешком же барыня шла по лесной дороге?

– Возница убежал, испугался. Беглый был очень силен и уже прославился дурными подвигами.

– Дворовый бросил свою барыню?

– Точно так. Никита Иваныч потом его за это в солдаты отдал, не в очередь.

– И что госпожа Савич?

– А куда ей после этого? Продолжила жить как жила. Вины ее в том несчастье никакой не было, просто так бог решил испытать...

– А беглый?

– Того мужики на другой же день убили и голову помещице принесли.

– Ну и ну. Кавказская какая-то история!

– Нет, новгородская. И разворачивалась на моих глазах.

– В каком году она случилась?

– В шестидесятом. За год до отмены крепостного права.

Лыков подсчитал в уме и спросил:

– Стало быть, так и родилась будущая актриса Штромвасер? От того негодяя, которому отрезали голову?

– Да. И здесь случился между супругами раздор. Никита Иванович требовал, чтобы ребенок не родился. Зачем он нужен, плод насилия! А Мария Нефедовна не соглашалась. Как так живую душу убить? Дитя-то при чем? И родила.

– А как Никита Иваныч уверился, что ребенок не от него? – спросил сыщик. – Ведь ежели супруги живут вместе, этого точно сказать нельзя!

– Его тогда не было в имении, он пропадал в Петербурге по опекунским делам. А когда узнал, бросил все и приехал – было уж ясно. Ну, ладно отказалась вытравить плод... Это часто кончается плохо и для матери! Правильно сделала, что не стала! Но, когда дитя родилось,

его следовало отдать в Воспитательный дом. Однако Мария Нефедовна и тут воспротивилась.

– Мужу это не понравилось, – догадался Лыков.

– Очень! Мы, соседские дворяне, тоже разбились на две партии. Одни были на стороне мужа, другие – на стороне жены. И в итоге, когда девочка родилась, мать назвала ее Ангелиной. И съехала от супруга.

– Без развода?

– Тогда развод был невозможен. Это сейчас твориться черт знает что!

– Никита Иванович посылал бывшей супруге содержание?

– Первое время да. А как отменили крепостное право, помещики сами стали нищие! Не до чужих детей им сделалось.

– На что же жили женщина с ребенком?

– Помогали родители, князья Мышецкие. Но они корили дочь за несогласие с мужем, и она от них тоже ушла. Не выдержала упреков. Ангелина стала для Марии Нефедовны всем, светом в окошке! На бумаге девочку удочерили московские мещане Боголюбовы. За деньги, конечно. Дали свою фамилию. Но мать и дочь жили вместе, очень скромно. Я их тогда часто навещал. Сочувствовал Марии Нефедовне, и теперь сочувствую. Красивая была женщина! Ангелина – в нее.

Старик замолчал и поморгал, стряхивая с ресниц слезу. Потом продолжил:

– Надо сказать, что братья Савичи встали на сторону матери.

– У Ильи Никитича был брат?

– Да, Никита Никитич. Он вышел в отставку в чине капитан-лейтенанта и управлял имением, пока не умер десять лет назад. У нас в уезде много было моряков! Вот. Илья с Никитой приняли Ангелину как родную сестру, со всеми правами законной. Но официально она такой не являлась! Тогда братья выделил ей долю из доходов, ровно треть, и аккуратно пересылали. Следили за ней, роднились, помогали, особенно когда скончалась их общая мать. Если бы не эта помощь, что стало бы с бедой девушкой? Они же собрали сестре приданое. Когда та разъехалась с мужем, долго содержали. И вообще, вели себя так, как не все родные братья ведут.

– Теперь ясно, – сказал сыщик, закрывая памятную книжку.

– Ангелину можно понять, – грустно произнес старый предводитель. – Как же ей было после всего не помочь Илье?

– Но тот – убийца.

– Да. Но еще он брат.

Мужчины помолчали. Потом Обернибесов спросил:

– Что ему будет?

– Каторга.

– Э-хе-хе... А как все случилось? Почему Илья убил тех людей?

Сыщик вкратце рассказал.

– Лугвенов? Хорошая фамилия! Очень хорошая. Не хуже Обернибесовых! Старинная новгородская, еще с шестнадцатого века. Тогда московские государи начали здешних дворян ссылать, а земли их своим людям раздавать. Вот с каких пор здесь Лугвеновы. А этот опозорил! Теперь вот и Савич из-за него в каторгу пойдет. Несправедливо это.

– Убивать нельзя!

– Нельзя, – вздохнул Обернибесов. – Ну, где подписать? Устал я что-то. Вспомнил давние истории и будто помолодел. А вот сейчас опять сердце напомнило, что мне восемьдесят лет...

Он подписал свои показания, молча протянул сыщику руку. Видимо, мысль, что из-за его открытий сын Никиты Ивановича поплывет на Сахалин, мучила старика.

– Феодосий Аркадьевич, последний вопрос. А что стало с Пелушами?

– Как государь объявил манифест, так за две недели опустели наши леса. Все беглые домой вернулись.

Лыков приехал в Нижний Новгород, везя приговор коллежскому советнику. Первым делом он вызвал к себе Штромвасер. Та явилась встревоженная:

– Что случилось?

– Ангелина Юрьевна, я все знаю.

– Что же такое вы знаете?

– Ваши показания насчет алиби Савича суд не приме т.

– Как? Почему?

– Сестра за брата присяги не дает. Незаконно!

Актриса села на стул и беззвучно заплакала. Сыщик дал ей немного успокоиться, и спросил:

– Вы думали, что он убил лишь Лугвенева?

Та молча кивнула головой.

– Илья Никитич рассказал, что он не помнил себя, когда ударил приятеля камнем. Так?

– Да...

– Вам стало жаль брата, – продолжил догадку Лыков. – Аффект, и притом Лугвенов действительно поступил с ним подло. От двух других убийств Савич отрекся. Сказал, что не знает, кто это сделал, но теперь все повесят на него. И поэтому ему нужно полное алиби на даты

всех трех злодейств. Так?

— Да...

— Он вас обманывал.

Ангелина Юрьевна опять зарыдала, и на этот раз плакала долго. Лишь

с помощью дежурного доктора удалось вернуть ей душевное равновесие. Сама не своя, Шромвасер уехала домой.

Затем арестовали Савича. Посадили в дворянскую камеру тюремного замка, а уже через два часа он разбил себе голову о стену. Пришлось везти арестованного в больницу, накладывать швы... Он кричал и вырывался, разодрал себе лицо, сорвал одежду. Зрелище было жуткое. Алексей пытался понять, не симулирует ли коллежский советник безумие, чтобы избежать каторги. Но как поймешь? После перевязки Илью Никитича доставили в земскую психиатрическую лечебницу на Тихоновской улице. Заведывающий больницей доктор Кащенко заявил:

– Пока ни о каких допросах не может быть и речи! Я беру больного под наблюдение.

Лыков расстроился. А вдруг ловкий ход удастся? Еще этот доктор! Известный робеспьер находится под негласным наблюдением жандармов. Помогает политическим арестантам спастись, ставит им ложные диагнозы. Так и Савича выведет из-под наказания.

Подумав, сыщик пошел на Алексеевскую. Там, в доме Хохлова, располагалось ГЖУ. Алексею до сих пор не везло с этим ведомством. В Варшаве его почему-то невзлюбили, в Москве тоже... Но в Нижнем Новгороде вышло иначе. Полковник Куртьянов сам, правда, оказался не в курсе. Но адъютант управления штабс-ротмистр Арцибашев был человек на своем месте. Умный и ироничный, вполне компетентный, он выслушал рассказ сыщика и успокоил его:

– Нет, можете не опасаться. У Кащенко, конечно, фига в кармане. И он охотно укроет политика. Даже бомбиста! Но спасти уголовного не станет. И денег не возьмет. Если ваш Савич действительно болен, значит, Кащенко так и заявит. А если прикидывается, то дела его плохи. Доктор настоящий специалист, его не обманешь! Ждите заключения, оно будет правдивым.

Лыков несколько раз приезжал на Тихоновскую, беседовал с заведывающим, пытался поговорить и с Савичем. Но тот его не узнавал. Целыми днями он бегал по комнатке, обитой войлоком, и кричал:

– Миллион! Я же дал слово господину министру финансов! Слово дворянина! Как же теперь быть? Дворянин должен держать слово! Где же миллион? Почему люди не идут к нам?

Потом состоялся разговор с доктором. Кащенко сказал сыщику:

– Конечно, он не симулирует. Просто та жуткая ночь сломала его психику. Савич до утра ходил с товарищем, предавшим его. И пытался разбудить в том совесть. А тот молчал, отнекивался, а потом грубо высмеял.

– Откуда вы это знаете?

– Больной успел рассказать. У него было два дня просвета, когда я еще надеялся на хороший исход. Илья Никитич заявил, что вы как будто рядом стояли! И, когда чуть не слово в слово пересказали их с Лугвеневым разговор, он едва не признался. И про деньги, тысячу рублей, вы в точку попали. И про девку, которую он задушил. Она действительно пыталась его шантажировать, вместо того чтобы скрыться! Отдаю должное вашей проницательности.

– А как же Савич заманил ее ночью в ивовую плантацию? Ведь Угодникова подозревала, что он убийца! И пошла с ним в кусты? И еще: чем она могла шантажировать Илью Никитича? Труп Лугвенева тогда еще не нашли, думали, что он просто сбежал с выручкой.

– Да. Глупая баба сделал все, чтобы умереть. Конечно, улики никаких у нее не было, одни догадки. Она чувствовала, что любовник не просто так пропал. Что не скрылся, а был убит. Видимо, тот делился с ней своими дурными предчувствиями... И гулящая совершила ошибку. Сначала она сбежала с перепугу от своей хозяйки. А потом смотрит: все вроде бы спокойно, никто ее не ищет. И она явилась к Савичу. Сказать бабе было особо и нечего. Попыталась сорвать куш, на авось. Рассчитывала, что большому барину шум не нужен. Намекнула, что может пойти в полицию... И получила от Савича вместо денег предложение стать его пассией! С деньгами у него-де сейчас плохо. Вот осенью, как выставка закончится, выйдет коллежскому советнику большая награда. Тогда он и заплатит! А пока не желает ли дамочка сблизиться? Вот и бутылка шампанского есть... Та пожелала и – наклюкалась. И пошла, дура, гулять с новым кавалером. Знаете, есть такие... Им лишь бы был рядом мужчина, все равно какой. Угодникова решила, судя по всему, что ловко поменяла одного кредитного на другого. За что и поплатилась.

– А зачем Савич раздел ее труп?

– Чтобы подумали на какого-нибудь полового маньяка.

– Значит, он в тот момент был в полном сознании? – полюбопытствовал сыщик. – Раз сообразил про маньяка.

– Психика – темная комната, – грустно ответил Кащенко. – Наука пока еще не научилась ее отпирать. Мы лишь стоим на пороге, а что внутри, не знаем. Я полагаю, тогда, в ивовых кустах, Савич уже был безумен. Соображал о ложных следах, ловко прятался, но... Сознание дало трещину, хотя сначала это было не заметно ни ему, ни окружающим. Илья Никитич приличный человек по натуре! Как бы странно это ни звучало по отношению к убийце. Но его довели до вспышки, до страшного

поступка. Сорвавшись раз, он уже не мог остановиться. Сначала выследил городского и разбил ему голову, чтобы убраться свидетеля...

– Но почему Савич напал на Одежкина? Ну, ходили они вместе с Лугвеневым по городу... Начальник драил подчиненного. Чего тут такого? Потом, их за вечер видело множество людей – всех не убьешь камнем! Сказал бы на дознании, что расстались мирно, Лугвенева покаяться и обещал вернуть деньги. А кто его потом убил, пусть ищет полиция. Алиби опять же состряпал...

– Тогда сгоряча Савич сообразить этого не мог. Думал лишь о том, что полицейский опасен. Он был убежден, что тот запомнил его лицо. Кроме того, как раз на глазах у Одежкина произошла резкая сцена. И обвинение было бы весьма убедительным. Ходили вдвоем? Да, вот и люди подтверждают. Ссорились? Еще как! Городовой свидетель! Чуть до драки не дошло! И Савич последний, кто видел Лугвенева живым. А какой мотив! Мечта любого прокурора! Что решит суд присяжных, выслушав такое? Согласитесь, опасность обвинительного приговора была высока.

Сыщик кивнул:

– Осудили бы как пить дать. Но вопросы остаются. Будучи, как вы полагаете, уже безумным, Савич подумал об алиби. И состряпал его неплохо: я едва смог разбить свидетельские показания. Не похожа как-то подобная предусмотрительность на действия сумасшедшего.

– Я же говорю: комната темная! Мы не знаем, как в мозгу человека что-то ломается. Тут он нормальный, а в другом месте уже безумен. Лишь на стадии полного распада личности все ее поступки уже не регулируются сознанием. А в момент развития заболевания... Я скажу больше! По улицам наших городов ходят тысячи психически больных людей. Но нам они до поры до времени кажутся здоровыми. Может быть, чудаковатыми, странными, но здоровыми.

– И лишь дело случая, когда сработает спусковой механизм?

– Увы, – подтвердил психиатр. – У каждого он свой. Возможно, первые изъяны в психике Ильи Никитича появились в турецком плену. Он рассказал мне кое-что. Тяжкое испытание для молодого человека! Тем более из культурной семьи. Савич был на войне вольноопределяющимся. И когда попал в плен, то его поместили к солдатам, не к офицерам. А с нижними чинами турки не церемонились! Он насмотрелся всякого, прошел через голод и унижения, едва не умер от малярии. Кстати, при побеге Савич убил часового именно камнем, вы и здесь оказались правы! Потом он вроде бы отошел, начал служить,

карьера задалась. Но какая-то червоточина, видимо, осталась. Тут еще врожденная нервность, повышенная эмоциональная импульсивность. Возможны и наследственные болезни: дед Ильи Никитича в среднем возрасте обезумел. По обычаям того времени, его не лечили, да тогда и не умели! А поселили в отдельном флигеле и приставили слуг, пока не умер... Наследственные механизмы тем более не изучены наукой.

Собеседники помолчали. Лыков услышал ответы на свои вопросы, пора было уходить. Кащенко протянул ему руку:

– Что ж, свою работу, Алексей Николаевич, вы проделали хорошо. А вот я свою не смогу.

– Илья Никитич неизлечим?

– Да. Психика не вынесла трех злодейств... Нам удастся, надеюсь, сбить тот бред, который толкает Савича на самоубийство. Ну, он станет тихое растение, которое сможет есть и пить, отправлять физиологические потребности. Но человека уже не будет.

Доктор Кащенко ошибся. Лыков узнал об этом только год спустя. Больной, казалось, действительно вышел из буйной фазы болезни. Его перевели в общую палату, ослабили надзор. И вскоре он украл шнурок с пенсне лечащего врача и удавился на нем...

Так закончилась история с убийствами в бутафорском городке. Само действие закрылось 1 октября. Миллион посетителей так и не набрали, хотя устроители приблизились к этой цифре. За 125 дней работы выставку увидели 991 033 человека. Если бы не махинации Лугвенева, заветный рубеж был бы достигнут.

Тем не менее XVI Всероссийская выставка стала очередным национальным триумфом. По ряду показателей (размер территории, площадь крытых павильонов) она обогнала даже Всемирную парижскую выставку 1889 года. Некоторые использованные на ней технологии значительно опередили свое время. Так, девять павильонов в Нижнем Новгороде были выстроены по проектам инженера В. Г. Шухова с использованием сетчатых и висячих конструкций. Массовое применение таких конструкций началось лишь спустя пятьдесят лет...

Девятнадцатый век и начало двадцатого – время увлечения выставками. В одном лишь Петербурге с 1829 по 1914 год их было проведено более 200, в том числе 40 всероссийских и около 50 международных. Но перещеголять нижегородскую никому не удалось. Киевская выставка 1913 года собрала больше миллиона посетителей, но она не была универсальной. И площадь всего 26 десятин против 77 в Нижнем Новгороде!

В 1914 году было принято решение готовить следующую, XVII Всероссийскую промышленную и художественную выставку. Местом ее проведения определили Москву, срок открытия назначили на май 1917-го. Началась подготовительная работа. Выставочный комитет возглавил сам П. П. Рябушинский, генеральным комиссаром стал бывший московский городской голова Н. И. Гучков. Размах планировался гигантский. Устроители подсчитали, что посмотреть на «всероссийскую витрину» явится четыре миллиона соотечественников и миллион иностранцев! Для них решено было выстроить линию метрополитена. И отгрохать 50 гостиниц барачного типа на 1000 мест каждый – чтобы все гости убрались!

Неожиданно начались проблемы с географией. Как найти в Москве пространство для такой огромной затеи? Начали выбирать между Ходынкой и Анненгофской рощей. Против Ходынки выступили военные. Где они станут маршировать? Из 200 десятин Ходынского поля 140 принадлежали военному ведомству. Спор с городской управой зашел в тупик. Министерство промышленности и торговли, главный устроитель предполагаемой выставки, в сердцах пригрозило перенести ее в Петербург. Спорили до 1 августа. А потом началась война.

Так и получилось, что выставка в Нижнем Новгороде в 1896 году стала последней универсальной выставкой в истории Российской империи. Но тогда этого еще никто не знал...

Очень быстро красивая сказка была разобрана. Вскоре от нее почти ничего не осталось. Царский павильон государь подарил Нижнему Новгороду^[26]. И лишь гостиница «Эрмитаж» как-то прижилась. Остальное исчезло, будто и не было...

Отшумели праздники и приемы, и жизнь вернулась в свое русло. Исправляющий должность полицмейстера Яковлев еще в августе получил монаршее благоволение. За примерный порядок и благоустройство в городе во время пребывания государя. Это отличие считалось у служивого люда серьезным. В частности, оно на год сокращало срок выслуги в следующий чин. Начальство осталось довольно коллежским советником. 5 октября Петр Яковлевич был утвержден полицмейстером.

Подполковник фон Таубе удостоился ордена Святого Станислава 2-й степени и занял должность нижегородского уездного исправника.

Пристав сыскного отделения Прозоров получил аж две награды. Сначала еще в августе ему прислали из кабинета ЕИВ золотой портсигар с государственным гербом. А в октябре вышел еще Станислав 3 степени.

То-то поди ругался скуповатый Владимир Алексеевич, отсылая

в Капитул орденов за эту цацку пятнадцать рублей! К тому же аналогичный орден получил и его помощник, бездельник Ванька Пузыревский. А вот в чине Прозорова так и не повысили.

Вор Герман действительно стал сыщиком. И очень удачливым! При этом он продолжил совершать всякие темные дела. Но начальство закрывало глаза, учитывая выдающиеся способности сотрудника и приносимую им пользу. В 1918 году Германа арестовало ЧК – и отпустило. Ловкий был человек...

Лыкова наградой обошли. Директор департамента объяснил ему, как это получилось. Конечно, списки министерство подало! Но государь их почеркал. Местным деятелям оставил что просили, а столичный аппарат весь вымарал. Молодому государю ударила в голову успешная коронация! Толпы восторженных людей, верноподданнические демонстрации, мистическое единение царя и его народа... И тому подобная чепуха. Николай Александрович решил, что ему, богоизбранному, никакая охрана и не нужна. Чины МВД суется, лезут на глаза исключительно с целью сорвать чин или орден; толку от них ноль. Ну и порезал списки...

Надворный советник подивился такой наивности государя. Эдак можно и увлечься. Русский царь должен мыслить более реалистично. Иначе быть беде!

Часть 2

Ночные всадники

Лыков уезжал из Нижнего Новгорода. Он сделал свое дело – нашел убийцу трех человек, с чем не могла справиться местная полиция. Открытие надворного советника поразило всех. В злодеяниях подозревали беглых каторжников, отставных городских, главаря кунавинских бандитов. А убийцей оказался крупный деятель выставочной администрации в чине коллежского советника. Его начальство уже подготовило досрочное представление на пятый класс^[27] за большой вклад в проведение выставки... Теперь душегуб сидел в психиатрической лечебнице. Крохотная комнатка его была обита войлоком, чтобы не смог повторно разбить голову о стену. По словам врачей, в разум он уже никогда не вернется.

Лыков застрял в Нижнем Новгороде по просьбе Витте, и только тот мог отпустить сыщика домой. Однако занятому человеку никак не удавалось вырваться сюда. Алексей извелся. Хотелось в отпуск, к семье, на Ветлугу. Какое ему дело до министра финансов? Чай, свой министр имеется... Но противиться Сергею Юлиевичу желающих не нашлось. На отчаянные телеграммы в родной департамент сыщику ответили: сиди и жди. Тут такое дело! Выставка, не абы что. Недавно ее посетил государь. Он нет-нет да интересуется, как идут дела. Конфидент по выставке у него один – все тот же Витте. Приходилось с ним ладить...

Наконец «конфидент» приехал. Он внимательно выслушал доклад полицмейстера Яковлева. Из него следовало, что дознание целиком провел надворный советник Лыков. При содействии местных сил. Отослав нижегородцев, министр долго беседовал с Алексеем. Потом поехал на Тихоновскую, в лечебницу. Поглядел на Савича, расспросил докторов и объявил:

– Преступления раскрыты!

Сыщик не дождался от всесильного сановника благодарности. Правда, одну фразу можно было расценить как похвалу. Витте сказал Лыкову:

– Я буду держать вас в поле зрения.

Черт знает, что он имел в виду. Главное, что отпустил. Алексей телеграфировал директору департамента Зволянскому: «Заказчик работу принял». И получил отпуск на 28 дней!

Сборы были мгновенными. Сыщик заранее отослал в Петербург громоздкую кладь. Няне Наташе он купил на выставке хорошую енотовую шубу (всего 90 рублей! В столице так дешево не сыскать). Всем трем деткам тоже отобрал по шубейке, уже из лисьего меха. И богатую боярку из камчатского бобра – жене. Себе взял ящик филатовского вина, к которому пристрастился в Ташкенте. И еще отобрал фунтов двадцать хорошей серебряной посуды – в приданое принцессе Шурочке. Они с женой потихоньку готовили его дочке, к далекой пока свадьбе.

Ехать отпускнику предстояло через Москву и Кострому. Он хотел добираться в Нефедьевку вместе с Рукавицыным. Тогда и экипаж не жалко нанять, напрямки через Семенов. Евлампий Рафаилович два месяца представлял на выставке Нефедьевскую лесную дачу. Он передал дежурство Титусу и теперь ожидал хозяина. Но Витте все не появлялся, и Рукавицына пришлось отпустить одного. Наконец свобода!

Лыков сделал последние визиты: Баранову, Яковлеву, Тимирязеву, в сыскное отделение. Всем уже было не до него. Ярмарка и выставка привлекли сотни тысяч посетителей. Только успевай крутиться! Боясь, как бы ему опять что-нибудь не навесили, сыщик был краток. Откланявшись, с одним только чемоданом, вечером 10 августа он сел в поезд до Москвы. Последний, с кем простился питерец, был титулярный советник Новиков. Должность его называлась длинно: помощник пристава Макарьевской части, постоянный дежурный на железнодорожном вокзале. Паршивая служба! Туристы каждый день пишут жалобы, которые приходилось разбирать. В большинстве своем это капризы и требования невозможного. Однажды давно Алексей провинился, и Благово в наказание на неделю сослал его на вокзал. Отведал там лиха молодой сыскарь! Когда вышла амнистия, и он вернулся к ловле жуликов, так радовался...

Лыков садился в вагон уже в сумерках. Опытным глазом он смотрел вокруг. Карманников и поездушников^[28] сыщик определял в толпе сразу. Вон прошел фланер в клетчатом дорогом пыльнике. Явный шулер, из тех, кто подсаживается к попутчиками и обыгрывает простаков. Но Алексею было не до мелкого жулья. Домой, скорее домой!

Вдруг на дебаркадере появился особый человек. Одет он был в куртку чертовой кожи и военные чембары из красной замши. По виду охотник или егерь из отставных солдат. В руках незнакомец нес связку гамбургского товара^[29]. На глаз Лыков насчитал в ней голенищ на пятерых. Казалось бы, пассажир как пассажир... Но было в нем что-то необычное. А вернее сказать, опасное. Такое, что заставило сыщика сразу насторожиться.

Он угадал безошибочно, многолетняя практика тому была порукой. Незнакомец с голенищами под мышкой определенно был из уголовных. И не карманник, а посерьезнее.

Пока Алексей думал, как поступить, раздался второй свисток. Можно было вернуться к Новикову и попросить его проверить бумаги егеря. Соврать, что подходит по приметам, то да се... Однако делать этого сыщику не хотелось. Ну к чертям случайных жуликов! У него отпуск! И он сел в вагон, запретив себе думать о попутчике в красных чембарах.

Очень скоро паровоз выбросил облако пара, свистнул по-молодецки, как разбойник, и двинулся в темноту. Мелькнул слева остров огня – выставка еще гуляла. Сразу после нее город закончился, и жизнь вместе с ним. Ни зги не видать... Сыщик вынул сахар и маковые баранки. Кондуктор принес чаю. Хорошо... Колеса стучали на стыках, вагон качало, и от этого клонило в сон. Незаметно для себя он задремал.

Алексей не знал, долго ли просидел в забытии. Рядом кто-то негромко произнес:

– Клязьма...

Ага, перебрались во Владимирскую губернию, подумал надворный советник, и продолжил дремать. Но вдруг он понял, что поезд стоит, и разом проснулся.

Незнакомая станция... Два фонаря роняли тусклый, какой-то вымученный свет. В круге этого света по платформе удалялся незнакомец с голенищами...

Сыщика словно подбросила невидимая пружина. Он крикнул:

– Кондуктор, ко мне!

Подбежал служивый.

– Какая станция?

– Чулково, ваше высокоблагородие!

Лыков сорвал с полки чемодан, на глазах у кондуктора переложил оттуда в карман «веблей» и приказал:

– Сдашь багаж в Москве на хранение, на фамилию Лыков.

– Есть... – растерялся дядька. – А вы сами куда?

– Я из полиции, слежу за преступником.

– Есть!

Сыщик спрыгнул, когда состав уже начал отходить. И сразу нырнул из-под фонаря в темноту.

Вовремя! Незнакомец оглянулся, никого не увидел и пошел дальше. Вот он кивнул станционному жандарму и шагнул в ночь.

Предстояло следить за неизвестным в неизвестной местности, в крошечной тьме. Задача не из легких. Однако бывший пластун выделял и не такое. Очень скоро глаза его уже различали предметы. Сошедший пассажир быстро шел по дороге, хорошо ему знакомой. По сторонам чернели казармы, в окошках кое-где горел свет. Саженой через сто постройки кончились, и дорога вышла в поле. Грунтовая, относительно наезженная, она вела прочь от чугунки.

Так они и шли: впереди неизвестный – следом Лыков. Вокруг ночь, с ее дикими звуками, густая, пугающая. Парень с гамбургским товаром ступал уверенно. Иногда он спотыкался и тогда матерился себе под нос. Лыкову спотыкаться не полагалось, и он шел бесшумно. По счастью, луны не было видно из-за туч. Отдельные звезды просматривались, и по ним сыщик понял, что идут они на север.

Первое время Алексей не понимал сам себя. Куда он полез? Зачем выскочил из вагона? Его совершенно не касается, что за люди живут на крошечной станции Чулково! Какой тут уезд? Вязниковский или Ковровский? А может, Гороховецкий? Да без разницы... Надо-то ему в Варнавино, а не к черту на кулички. Но отступать было уже поздно, и, сокрушаясь по поводу собственной глупости, сыщик углублялся в темноту.

Дорога тем временем стала лесной. По-прежнему ни огонька, ни жилища не встречалось на ней. Станция осталась далеко позади. И Лыков успокоился. Все, обратного пути нет! Следует разобраться в темном человеке, раз уж так вышло. Он не замечает «хвоста», и не заметит. «Выслежу его, вернусь на станцию и там решу, как быть, – подумал Алексей. – Не найду же я с ходу разбойничий притон! Эдак лишь в книжках бывает, в ярких обложках, за пять копеек...»

Через три с половиной часа впереди показался огонек. Незнакомец ускорил шаг. Лыков же наоборот, замедлил, увеличив дистанцию. Кто знает, что там? Открытая местность, собаки или караул? Вскоре и впрямь послышался лай, и следом заржала лошадь. Надворный советник встал за куст и присмотрелся. Вроде бы забор, крыши за ним... Дом, и пара строений пониже – конюшни или амбары. Более всего это походило на лесной кордон. У Лыковых в Нефедьевке таких было три. В каждом жили по два объездчика с семьями, при лошадях. Человек из поезда вполне смахивал на объездчика или лесного кондуктора^[30]. Ну, кажись, пришли... Теперь осталось высмотреть все осторожно, и вернуться незамеченным на станцию. Там у жандарма спросить, кому это он кивал с московского поезда. Для очистки совести поговорить с исправником, в чьем ведении находится Чулково. Изучить сводки происшествий, выяснить, нет ли

подозрительных притонов. И дальше в отпуск.

Стукнула калитка, мелькнула полоска света. Парень в чембарах зашел в дом. Выждав пять минут, сыщик приблизился к забору. Собака его не смущала. Псы боялись Лыкова и заискивали перед ним. Даже самые сильные и злые. Он постоял у калитки, дал собаке обнюхать его с той стороны. Сначала псина недовольно рыкнула, потом заскулила и легла кверху брюхом... Сыщик тихо открыл калитку, проник во двор. Оставалось глянуть в окошко, коротко, сбоку. И уйти.

Вдруг под левую лопатку ему уперся ствол, и злой голос сказал:

– На цырлах заходим в дом, без скандалу. Не то стрельну.

Вот это фокус... Он, опытный пластун, пустил врага себе за спину! Как это получилось? Но ломать голову было некогда. Понукаемый стволом, сыщик толкнул дверь и перешагнул порог. Голоса внутри сразу смолкли. Лампа с улицы ослепила Алексея. Когда он смог снова видеть – захотелось закрыть глаза... И проснуться наконец, выскочить из кошмара. Но кошмар только начинался.

Половину избы занимала огромная печь. Из-за этого комната казалась маленькой. Внутри сгрудилось несколько человек. Считая того, кто захватил сыщика, их было пятеро. «Не ошибся я, пересчитывая голенища, – похвалил сам себя Лыков. Поскольку за остальное надо было ругать, и последними словами... – Вот влип! А рожи-то, рожи! Ведь это притон, и весьма зловещий».

– Ты кого привел, Арсюшка? – спросил ночной попутчик. Властно так спросил, как главный.

– Это ты привел, а не я! – осклабился в ответ караульщик. – За тобой шел!

– Ого! Нешто от самой станции? – удивился атаман. – Как же я его не заметил? Грехи, грехи... Ну-ка! Расспросим гостя. Мил человек, ты кто таков?

Сыщик осмотрелся. Пятеро на одного, и здоровые все ребята. У ближайшего, с седым клоком в бороде, нож на поясе. Второй сидит за столом, а на коленях прячет ружье. Третий застыл возле печи и шарит в углу... Тоже взялся за карабин! Четвертый тычет стволом в спину, а пятый отложил голенища и смотрит так нехорошо, словно хочет удавить.

– Здорово, пейзане! – хрипло сказал Лыков.

– Че? – сразу окрысился тот, что сидел.

– Пейзане по-французски «мужики», – пояснил ему главный. – Дядя шутит.

– Не скажете, как на станцию пройти? Заплутал я, кажись. Темно

и эта...

– Брешет, песья лодыга, – подал голос Арсюшка и сильно толкнул сыщика в круг. – Явился от станции, точно! Крался. Я, как полагается, в кусту стоял. Пропустил мимо себя и следом. Тебя он, Серый, отслеживал. Не иначе сыщик.

Лыков разглядывал обступивших его незнакомцев. По платью объездчики, а по наружности душегубы.

Надо запомнить приметы. И имена! Один Арсений, второй Сергей. Сейчас главное не испугаться. Хотя есть с чего... Влип, вот влип! Пятеро, при оружии.

Алексей понимал, что единственный его шанс спастись – это сохранить хладнокровие. Надо бежать, с такой оравой ему не справиться. Но использовать фактор неожиданности. Ребята не поняли еще, насколько опасный гость к ним заглянул. Как поймут, сразу зарежут. Надо действовать быстро.

Атаман тем временем обыскал пленника, вынул из карманов сначала «веблей», а потом бумажник и полицейский билет.

– Ба! Чиновник особых поручений Департамента полиции надворный советник Лыков... Вот так карась! Поняли теперь, для чего я велел караул выставлять? Ребята, взаправду сыщик, да по нашу душу.

– Закопать его на дворе, этого надворного советника, – угрюмо пробасил тот, что стоял у печки.

– Точно! – закричали остальные сразу в несколько голосов. – Хорошо сказал Матюха!

– Только сначала надо выпытать, как он нас нашел, – веско заявил Серый. – Что известно сыскным, на чем мы попались, где засада... Слышь, особый чиновник? Сам скажешь или тебя поджарить? Вот и печь горячая!

Стало тихо. Главарь пялился в лицо Лыкова желтыми ледяными глазами. Не дождавшись ответа, сказал:

– Не нравится он мне... Странный какой-то. Не боится вовсе, сволочь! Должен в штаны наделать с перепугу, а ему хоть бы хны. Арсюшка, дай-ка гостю угощенья!

Бандит сзади так сильно врезал Лыкову по почкам, что тот чуть не упал.

– Крепкий... – озадаченно пробормотал он, отступая на шаг.

– Эх ты! – рассердился атаман. – Ударить не умеешь, а еще кузнец! Смотри как надо.

Тут он допустил наконец ошибку, которой ждал сыщик. Шагнул влево, чтобы сподручнее было бить пленника, и оказался на одной линии с тремя

другими громилами. Не медля ни секунды, Лыков атаковал. Выставив руки, он налетел на Серого и что было силы толкнул его. Вложив в это движение еще и массу тела. Не ударил – так бы он сбил с ног лишь его одного, а именно толкнул, на остальных. Пока объездчики с грохотом летели на пол, он развернулся и оказался лицом к лицу с Арсюшкой. Дерзкое какое выражение, нехорошее! Рост два аршина десять вершков, волосы темно-русые, армейская выправка, особых примет нет... Парень хотел выстрелить, но не успел. Лыков схватил ружье и выдернул из рук бандита. И тут же обратным движением направил приклад прямо в лоб...

Все заняло доли секунды. Четыре остальных бугая с руганью пытались выбраться из-под обломков стола. У Лыкова мелькнула мысль арестовать ребят. Вот и карабин в руках! Он навел его в потолок и дернул спуск. Вместо выстрела послышался сухой щелчок. Осечка? Сыщик передернул затвор и увидел, что перекосило патрон. Черт! Ему очень хотелось подобрать с пола свои билет и револьвер и уже после этого бежать. Но это было невозможно. Его вещи оказались на полу, где-то в этой куче-мале. Сейчас объездчики встанут и схватятся за ножи. Тогда ему конец. Оставив трофеи в руках врагов, надворный советник пулей вылетел наружу.

Уходя в ночь, он уже знал, где спрячется. Ошибкой было бы драпать по дороге: там его легко догнать. Нужно было скрыться в лесу. Искать там пластуна – дело дохлое. Лыков мог бы перебить всех пятерых, если они сунутся следом. Другое дело, что убивать или даже калечить лесных объездчиков он не имел права. Ведь не доказано, что тут лихие люди! Алексей понимал, по всем повадкам, что столкнулся с гайменниками. Ну и что? Где доказательства? В чем вина этих людей? В том лишь, что они поймали соглядатая и наклали ему в загривок?

Спрятавшись в куст, сыщик уже пожалел, что задвинул Арсюшке прикладом в лоб. Вдруг покалечил? По судам затаскают! И доказывай, что имела место самозащита...

Но до судов еще надо было дожить. Обитатели кордона выскочили наконец следом и растерянно столпились у ворот.

– Где он?

– Не иначе, на станцию побег!

– Тихо!

Последняя фраза принадлежала атаману. Все сразу замолчали, прислушиваясь. Но вокруг не звучало ни шороха.

– Ну где же энтот гад! – истерично крикнул кто-то. – Шкуру ему на ремни нарежу!

– Гаврила, выводи лошадей! Матюха, пускай собаку!

Получив указания, гайменники забегали. Псина вылетела в темноту, быстро отыскала там Лыкова и стала рядом, повизгивая.

– Пошла прочь! – шепотом скомандовал он.

Собака послушно вернулась к дому.

Трое верховых устремились по дороге. Атаман остался и зашел внутрь. Напасть на него сейчас? Арсюха вряд ли поможет: после такого удара он не боец... Сыщик начал подкрадываться, но не успел. Послышался стук копыт – бандиты возвращались.

– Что так рано? – окрикнул их Серый, выходя на крыльцо.

– Да не видать никого! В лес ушел. Хитрый.

– Надо вокруг поискать, – предложил, не слезая с седла, кто-то из верховых.

Но его сразу перебили остальные:

– Ага! Ищи ночью иголку! А парень лихой, он тебя же и подрежет.

– Уходить надо, – тихо констатировал Серый.

– Ты что, Сергей Тимофеевич? – загалдели подчиненные. – Такое место бросить? Семь годов оно нас берегло! Из-за одного галмана? К утру сыщем его, куды он денется!

– Уходить надо, – повторил атаман. – То-то и оно, что семь годов! Засиделись. Пора менять диспозицию. А словить того надворного советника не выйдет. Чую я, он в семи водах вареный. Не просто так здесь появился. Сидит сейчас поблизости и слушает. И хрен его в темноте найдешь...

– Так че делать-то?

– Пять минут на сборы! Я беру кибитку. Отвезу Арсения к доктору, и тяжелое все ко мне грузите. Как уеду, все тут сжечь. Держитесь вместе, а то он вас по одному оприходует!

– Да мы... – начал было кто-то из гайменников.

Но атаман цыкнул на него и продолжил:

– Спалите, и сразу уезжайте. Разделитесь на шоссе, не раньше! Собираемся вместе через два дня, сами знаете где.

– У Арсюшкиного дяди, што ли? – робко уточнил Матюха.

– Дурак! – ощерился Серый. – Лыков где-то тут за кустом сидит. И тебя подслушивает. Олух царя небесного...

– Да его уж след простыл, – пробовал возразить Гаврила.

Но атаман прекратил спор:

– Исполняйте что велено.

То ли объездчики, то ли гайменники делали все споро. Из конюшни

выгнали телегу и сложили туда несколько узлов. Потом под руки вывели Арсюху. Раненый едва шел, но не забывал громко материться. Вскоре атаман хлестнул лошадей и уехал. Причем не к станции, а куда-то в другую сторону. Оставшиеся запалили факелы и подожгли кордон с трех сторон. Опасаясь, что его заметят в отблеске пожара, сыщик убрался поглубже в лес. Сделать он ничего не мог. Безоружный и пеший – дай бог спастись...

Когда постройки разгорелись, троица ускакала. Сыщик не торопился вылезать из укрытия. Вдруг бандиты наблюдают из темноты? Действительно, через десять минут всадники вернулись. Они объехали вокруг кордона, внимательно всматриваясь в заросли и держа карабины наготове. Убедившись, что никого нет, верховые убралась окончательно. Выждав еще полчаса, сыщик пошел на станцию. Он пробирался обочиной и старался не шуметь. Если его и ждут, то на дороге... И опять осторожность пригодилась! Незадолго до станции Лыков почувствовал впереди опасность. Он лег за куст прямо в мокрую от росы траву и застыл. Лежал так долго, и услышал тихое ржание лошади. Засада!

Ночные всадники удалились только под утро. Озябший, без денег, оружия и документов, Алексей пришел на дебаркадер. Подозвал жандарма и спросил:

– Ночью с поезда на Москву сошел человек с гамбургским товаром. Ты ему еще кивнул. Кто это?

Служивый хотел спросить, какое дело мокрому голодранцу до чужих голенищ. Но всмотрелся в Лыкова и козырнул.

– Однако, зовут его Колобихин.

– Сергей Тимофеевич?

– Так точно!

– Где служит?

– Лесной кондуктор он.

– Казенной дачи?

– Никак нет, частной. Лесная дача Давыдова.

– Четверо объездчиков при нем состоят?

– Как есть!

– Я надворный советник Лыков из Департамента полиции...

Жандарм снова козырнул, на этот раз более старательно.

– ...Сообщи исправнику, что кордон сгорел.

– Как сгорел?

– Так. Объездчики сами его сожгли. И ускакали кто куда. Пусть откроет дознание, покамест по факту пожара. Я съезжу в Москву и через день вернусь. Зайду к нему и все объясню. Какой тут уезд?

- Вязниковский, ваше высокоблагородие!
- Кто исправник?
- Коллежский советник Рутковский.
- Последний вопрос: когда ближайший поезд на Москву?
- Через час с четвертью пройдет казанский.
- Уф... Чай у вас тут имеется?

В карманах Лыкова уцелела кое-какая мелочь, и больше всего он сейчас мечтал о стакане горячего чаю. Однако буфет был закрыт. Жандарм разбудил начальника станции, и вскоре сыщику удалось согреться.

За чаем он расспросил местных о лесном кордоне. И жандарм, и дорожник не сказали ничего интересного. До кордона от станции двенадцать верст, и сами они там никогда не были. Далеко! Колобихин живет тут семь лет. Подчиняется управляющему дачей Тистрову и, видимо, хорошо с ним ладит. Ребята у него строгие, лес воровать не дают. Сам Тистров проживает в Вязниках и здесь появляется редко. Давыдовская дача одна из лучших в уезде: пятнадцать тысяч десятин. Принадлежит богатому московском лесопромышленнику. Объездчики ребята трезвые, у Колобихина в кулаке сидят. Жалоб на них никогда не было. Сам Сергей Тимофеевич вроде бы из военных, аккуратный, вежливый. Настоящих дел его никто не знает...

Наконец подошел казанский, и Лыков сел в вагон первого класса. У него в заднем кармане уцелел билет прямого сообщения, действительный в течение недели. Лесники второпях не нашли его. Владелец такого билета может выходить на любой промежуточной станции, а потом садиться на другой поезд и ехать до места назначения. Поэтому до Москвы сыщик добрался без проблем. Трудности начались в Первопрестольной. Алексей забрал свой чемодан из хранения, еще выпил чаю в буфете. После этого у него осталось двадцать копеек мелочью. На извозчика не хватит! И Лыков поехал в Никитниковский переулок, к старым друзьям. Вторым дом от угла был отмечен вывеской: «Мастерская ретирадников привилегированных систем». На самом деле там помещалась служба охраны московских беглопоповцев.

Степан Горсткин, прежний начальник службы, умер год назад. Его помощник Антон Решетов уехал на Дон.

Теперь охрану возглавлял Иван Водовозов, отставной околоточный надзиратель. Увидев гостя, он удивился:

- Чего без телеграммы? И какой-то ты того... потертый!
- Заплати за меня, пожалуйста, извозчику. Гривенника не достаёт!
- Да... Был вроде богатый! В карты поиздержался?

– Дашь завтрак – расскажу.

Горсткин и Решетов приходились Алексею старыми приятелями и не раз ему помогали. С Иваном Водовозовым отношения были никакими, пока не случилась майская коронация. На ней двое смелых мужчин сошлись близко и тоже подружились. Три недели спали вполглаза! Беглопоповцы, как и прежде, выделили людей для охраны государя. Водовозов отвечал за них перед Лыковым. Во всю коронацию старoverы не дали повода себя упрекнуть. Поэтому теперь надворный советник рассчитывал на приятеля. Тот, конечно, не Степан. И даже не Антон Решетов. Ивана не возьмешь с собой ночью в разбойничью Даниловку, как этих двух... И потаенных сведений, недоступных сыскной полиции, он тоже не сообщит. Но посильную помощь Водовозов подаст.

А она Лыкову требовалась. Хотя бы для того, чтобы попасть в Петербург! Это он жандарму сказал, что из Москвы поедет к вязниковскому исправнику. На самом деле сыщику предстояло срочное объяснение с начальством. Он потерял оружие и служебный документ! Оставил их в руках у незнакомых людей, возможно, бандитов. По закону, сейчас в газетах надо публиковать объявление: «Утраченный полицейский билет на имя надворного советника Лыкова считать недействительным». Стыд-то какой! И тянуть с признанием нельзя. Вдруг преступники где-нибудь его предъявят? Он с фотографическим портретом, но карточку легко переклеить. Билет подписан Горемыкиным, и с ним можно пройти хоть в Петербургский монетный двор. Обладание таким документом даст преступникам невиданные возможности. И, случись что, встанет вопрос о продолжении Лыковым службы... Нужно было срочно ехать к Зволянскому и каяться.

Алексей попал к начальству лишь через сутки после происшествия. Рассказал все как было. Директор долго молчал, потом стал расспрашивать:

– Зачем же ты выскочил из поезда? Катил себе парень с голенищами, сошел на своей станции...

– Говорю же: подозрительный был.

– На лице у него, что ли, это написано?

– И на лице тоже. Поверь, Сергей Эрастович, я на эту публику давно смотрю. Из толпы их узнаю.

– М-да... А что на итог? Тебя поколотили, отобрали документ и оружие, а потом еще спалили заимку. За ради чего?

– Меня не поколотили, а едва не убили, – терпеливо пояснил сыщик. – Банда это. Серьезная опасная банда. Там не шапки с прохожих снимают, а голову.

– Нет в тех местах никакой банды! – завелся директор. – Вот! Я уж все сводки проверил! Тихо и спокойно по всей Владимирской губернии.

– Значит, местные берегут статистику.

– Для такого обвинения, Алексей Николаевич, нужны более веские аргументы. Я понимаю, что ты опытный человек. Просто так тревогу не поднимешь. Однако... нет ли тут обиды?

– На кого?

– Да хоть бы на себя! Явился по кой-то черт в лесной кордон. Посреди ночи и без приглашения. Мужики удивились: что за чудо? Дали в морду, отобрали пушку и выгнали. А теперь ты за это хочешь их бандой объявить!

– Почему же они, по-твоему, хозяйство зажгли?

– Да прочитали, что у тебя в билете написано, и напугались. Чиновника особых поручений Департамента полиции поколотили! А наверняка за душой грешки имеются. Кто у нас в империи без греха?

– Вот! – обрадовался Лыков. – Сам допускаешь, что там не без греха!

Зволянский вздохнул и поднялся. На лице у него было такое выражение, словно ему сейчас идти на Голгофу.

– Я должен доложить Ивану Логгиновичу. Как он скажет, так и будет. Утрачен служебный документ. И не бумажка от околоточного, а билет чиновника Департамента полиции в седьмом классе.

– Я понимаю.

– Сиди и жди.

Директора не было долго. Наконец он вернулся от министра, и в хорошем расположении духа.

– Иван Логгинович дает тебе месяц.

– На что?

– На поиск твоей страшной банды. Я убедил его, что Лыков не мальчишка какой, он зря не заподозрит. Что-то там есть, в Вязниковском уезде. Езжай и разберись. Догадка насчет ложной статистики принята. Это у нас запросто!

Лыков тоже повеселел.

– Другое дело! Я там все вверх дном переверну. Но, Сергей Эрастович, мне понадобится содействие местных властей.

– И это предусмотрено. К вечеру владимирскому губернатору уйдет телеграмма: оказать надворному советнику Лыкову всемерную помощь.

– Разрешите отбыть к месту дознания? – вытянулся Алексей, переходя на официальный тон.

– Погоди. Ты должен знать одну вещь. Если за месяц никакой банды там не сыщется, делу о потере служебного документа придется дать ход.

Лыков молча смотрел на директора.

– Ну не могу я это дальше скрывать, понимаешь? – взорвался тот.

– Понимаю.

– Тогда не пялься на меня так, будто я тебя предал!

– Ты меня не предавал. Просто есть порядок.

– Именно что порядок! Министр пошел тебе навстречу! Я напомнил его высокопревосходительству о твоих заслугах. В том числе о самых последних, когда ты самого Витте ублажил! Поэтому тебе и дали месяц.

– Я понимаю. А дальше что? Мы с тобой не вчера родились и хорошо знаем: никакого успеха нельзя гарантировать. Я могу никого не найти.

– Тогда я буду вынужден назначить служебное расследование. До его окончания тебя причислят к департаменту. Без должности и содержания...

– Черт бы с ним, с содержанием!

– Ну да, ты у нас богач! – раздраженно усмехнулся Зволянский. Состояние Алексея было давним предметом его зависти. – Если твой билет, не дай бог, где-нибудь всплывет... Или расследование покажет, что ты действовал с нарушением полномочий... Тебе придется покинуть службу. Так что найди этих засранцев! И верни документ. Ступай!

Надворный советник оказался в Вязниках лишь через четыре дня после происшествия на лесном кордоне. Без полицейского билета ему было неуютно... Чтобы избежать лишних вопросов, он оделся в форменный сюртук, чего в обычное время старался избегать. И взял в департаменте паспорт. В России человек без мундира – только половина человека.

Исправник оказался из бывших офицеров. Прямой как доска, на груди Владимир с мечами и бантом, на шее – Анна, и тоже с мечами. Старый вояка встретил столичного гостя настороженно. Он уже знал в общих чертах его историю. Но, естественно, попросил рассказать с самого начала. Лыков стал излагать, а коллежский советник – комментировать. Когда дошли до того места, что сыщика насторожил парень с гамбургским товаром под мышкой, Рутковский развеселился.

– Что, прямо так и было?

– Да.

– А позвольте спросить, что насторожило вас в этом человеке?

– Сумма мелочей, – пояснил Лыков. – Если вы, конечно, понимаете, о чем речь.

Исправник обиделся:

– Что именно я должен понять?

– Человек тот был из преступного мира.

– В чем оно проявлялось, позвольте спросить?

– Взгляд. Осанка. Манера. То, как он смотрит вокруг. Как ходит.

Собеседник хмыкнул:

– Мазурики уже и ходят по-особому, не как все?

– Разумеется, это малозаметные вещи, их легко и пропустить. Но я вижу.

– Глаз у вас такой наметанный? – иронично спросил Рутковский.

– Да, сказывается опыт, – спокойно ответил сыщик. – В свое время я под видом уголовного прошел по этапу от Петербурга до Нерчинска. Потом служил начальником округа на Сахалине. Одним словом, нагляделся.

Коллежский советник изменился в лице.

– Прошу меня извинить... э-э...

– Алексей Николаевич.

– ...Алексей Николаевич. А меня звать Семен Никифорович.

– Я понимаю, Семен Никифорович, что мои слова кажутся вам, может быть, даже нелепыми...

– Нет, что вы! Просто это очень необычно. Слоняется человек по вокзалу, с голенищами в руках. Мало ли таких? Городовые ничего подозрительного не замечают, попутчики тоже. А вы увидели. Да такое приметили, что среди ночи выскочили из поезда, презрев собственные дела, и отправились следом!

– Так и есть. Повторю, что тут опыт. Слишком много я наблюдал эту породу вблизи.

– А позвольте спросить, что все-таки было в нем не так? Манера, повадка – это мне непонятно, хоть застрелите! Хочется понять. Я ведь как-никак полицейский чиновник. В офицерах-то было проще, тут же я путаюсь. А должен уметь различать.

Лыков задумался.

– Как вам объяснить... Ну, уголовные не такие, как все остальные. Они живут в особом мире, где наших законов нет, а есть другие. И мы, обыватели, для них лишь добыча. И, когда такой глядит на людей взглядом охотника, это заметно наблюдательному взору.

– Ага...

– Причем я не берусь утверждать, что Колобихин сидел в тюрьме. Не исключено, что мы не отыщем его в наших картотеках. Но он точно преступник!

Кстати, Семен Никифорович, вам удалось узнать о нем что-нибудь? Откуда взялся, чем занимался? Говорят, он из бывших нижних чинов?

– Я послал на кордон станowego. Тот съездил и доложил, что все сгорело и люди пропали. Это действительно загадка, куда они делись. Но...

загадка сия касается лишь управляющего дачей! Нам-то что искать? Пожар? Ну, указали в сводке. Лесники сбежали? Это не преступление. Может, они были недовольны содержанием? Тогда имеет место экономический спор. Полиция тут при чем? Если Тистров подаст заявление, мы откроем дознание. А пока не вижу для этого оснований.

– Их видит министр внутренних дел, – отрезал сыщик. – Вы получили телеграмму от губернатора?

– Да. Но такую невнятную... И вовсе не от губернатора!

– Покажите мне ее, пожалуйста!

– А...

– В одном ведомстве служим, Семен Никифорович! Одно дело делаем.

– Хорошо, извольте.

Рутковский выложил на стол бланк. Какой-то начальник 2-го стола 5-го отделения губернского правления повелевал вязниковскому исправнику оказать содействие надворному советнику Лыкову. Без ущерба для основной службы! И сообщать наверх обо всех действиях командированного чиновника. А в случае заявления им каких-либо требований спрашивать каждый раз у губернского начальства на то дозволения...

– М-да...

– О том и речь, Алексей Николаевич. Они ведь чего боятся? Что вы что-нибудь тут откроете. Такое, что не украсит губернию. Например, разбойничий притон. Да и мне первому тогда дадут по шапке! Кто не доглядел? Коллежский советник Рутковский. Подать его сюда! И позвольте вас спросить, как мне теперь помогать? Самому себе яму рыть?

– Семен Никифорович. Я понимаю трудности вашего положения. Предлагаю объединиться. Если я чего-нибудь разыщу – а я обычно разыскиваю! – то это будет и ваш успех тоже. Я сообщу и министру, и губернатору, что вязниковский исправник всячески помогал дознанию, не считаясь с могущими быть для него дурными последствиями.

Собеседники помолчали. Исправник задумчиво чертил пальцем на столе какие-то знаки.

– А! – тряхнул он седой головой. – Черт с ними! Если вы правы, и в моем уезде действительно был притон... Значит, моя вина! Надо исправлять.

– Вот и отлично! Я выезжаю на станцию Чулково. Вы со мной?

– Да. Поезд на Нижний через три четверти часа. На станции нас уже ждет становой пристав.

Чулково оказалось небольшим поселком, населенным исключительно железнодорожными рабочими. Четыре десятка домов, часовня и два кабака. На дебаркадере прохаживался бравый малый.

– Разрешите представиться! – рявкнул он. – Пристав второго стана поручик запаса армейской кавалерии Лямкин!

– Здравствуйте, поручик, – подал ему руку Алексей. – Вы недавно на полицейской службе?

Вопрос был риторический. Становые приставы не могут носить военных чинов. Лямкина должны переименовать в коллежские секретари. Единственное объяснение, почему этого еще не сделали – малый срок пребывания в должности. Просто не успели! По внешнему виду пристава делалось ясно: такой расстанется с погонями весьма неохотно.

– Первичный осмотр места уже провели?

Становой пожал плечами:

– А чего там осматривать? Куча углей!

– Понятно. Поехали теперь мы с господином исправником полюбопытствуем.

В путь двинулись целой колонной. В раздолбанной пролетке ехали полицейские чиновники, в телеге – трое вязниковских городовых; в конце верхом скакал здешний урядник. Через час прибыли к памятному для Лыкова месту. При свете выяснилось, что заимка стоит на берегу лесной речки. Называлась она Важня.

Сыщик вышел, походил вокруг, осмотрелся. Да... Он был уверен, что едва избег здесь смерти. Но остальные глядели скептиками. Их можно было понять.

– Алексей Николаевич! – на правах старшего окликнул питерца исправник. – Что мы здесь ищем? Четыре дня прошло.

Действительно, что Алексей хотел здесь увидеть? Улики, изобличающие шайку злодеев? Смешно. Потаенное кладбище с телами жертв предполагаемой банды? Так вон лес вокруг! Где угодно закопай до скончания века не найдут. Лыков тем не менее упорно осматривал пепелище. Самая большая груда обгорелых бревен указывала на дом. Рядом кучи поменьше: от двора с конюшней, бани, дровника. Где искать? А главное, что?

– Господа, для чего им понадобилась такая большая печь? – обратился надворный советник к коллегам. – Я еще тогда внимание обратил. Полдома занимала!

Рутковский вопросительно глянул на станового:

– А в самом деле, Лука Офросимович? Непонятно. Дом маленький,

а печь о-го-го! Столько дров, поди, сжирала!

Пристав перевел взгляд на урядника:

– Чернов!

Тот подскочил, такой же бравый, как и его начальник.

– Это, ваше высокоблагородие, завод у них был!

– То есть? – изумился Рутковский. – Какой завод?

– Свечки они здесь лили.

– Какие еще свечки?

– Эти... как их? – Урядник вынул из кармана заранее приготовленную бумажку. – Церезиновые.

– Ну-ка подробнее, – побагровел исправник. – Тут был подпольный завод? У тебя на глазах? А ты терпел?

– Минуту, Семен Никифорович, – остановил его сыщик и обратился к уряднику: – Откуда известно про завод?

– Так вся округа знает, – пояснил тот, нимало не тушуясь. – Лесники в кабаке давно уж по пьяному делу проболтались. И Родимцеву, целовальнику, большую коробку подарили. Хорошие свечки!

– И это был настоящий завод? – уточнил Лыков.

– Как настоящий? – пожал плечами урядник. – Разве я видал настоящий-то завод? Тут лили сколь могли. Махонький, надо полагать, заводик. Подпольный – с чего ему быть большим? Телеги к ним ездили, со стороны шоссе...

– Какого шоссе?

– Московского. Оно там, за лесом.

– Дальше!

– Дальше что? Труба у них часто дымила, даже посреди самой жары. Дров точно уйму изводили. Ну да дрова у них свои, бери из лесу сколько хошь!

– А куда сбывали?

– Не могу знать! Разве скажут? Да я и не спрашивал, признаться.

– Давали тебе трешницу, ты и помалкивал?

Урядник повернулся к начальству:

– Ваше высокоблагородие, прошу, того, оградить меня...

– А разве не так было, Чернов? – рассердился исправник. – А вы, Лука Офросимович? Тоже знали и молчали? В каком виде я предстану перед начальством? Господин надворный советник обязан изложить свое дознание министру внутренних дел. Министру лично!

– Чего тут ужасного-то, Семен Никифорович? – с детской обидой в голосе выкрикнул Лямкин. – Ну, купит обыватель свечки подешевле.

А эти епархиальные лучше, что ли? Но они вчетверо дороже! И за что людей губить, когда они полезное дело делают?

Лыкову все стало понятно. Его версия о разбойничьем притоне рассыпалась на глазах. Дело объяснялось много проще. Русские храмы в большинстве своем бедны. Расход свечей там огромный и составляет главную статью убытков. Поэтому приходские старосты стараются найти свечи подешевле. Про восковые и речи нет! Они лишь для соборов да богатых монастырей. Сальные, хоть коптят и плохо пахнут, тоже не по карману. Да их сейчас почти и не делают. Скотское сало нынче перегоняют на три вида свечей: стеариновые, пальмитиновые (в народе их называют пальмовыми) и маргариновые. Все они также недешевы. И хитрецы наладили производство фальсификатов. Первые из них, самые доступные – свечи из «нефтяного воска», или церезина. Этот продукт переработки нефти раньше просто выбрасывался. Но лет десять назад кто-то додумался пускать его на производство свечей. Получались они очень вонючие, зато стоили гроши. В Божьем храме после них пахнет, как на заводе Тер-Акопова! Однако низкая цена решила вопрос к пользе церезина. Но тут возмутилась официальная церковь. Как так? Епархиальные заводы потеряли клиентуру! Кто ни попадя зарабатывает деньги, в церквях дым коромыслом, а огромные обороты уходят мимо кафедр. Священнослужители нажали пружины, и фабрикацию церезиновых свечей запретили. Поскольку они не соответствуют духу православия! Взамен открыли в каждой из епархий один-два стеариновых завода. Средства от продажи поступали теперь прямо иерархам.

Однако народ не обманешь! Гигантский рынок с его миллионными оборотами не принял нововведений. Фабрикация дешевых свечей ушла в подполье, и местные власти смотрели на это сквозь пальцы. Действительно, чего попам наживаться? В последнее время искусство втирать очки поднялось на новые высоты. Лыков знал, что фальшивая продукция из нефтяных остатков удовлетворяла уже восемьдесят процентов потребностей православного населения. С этим ничего нельзя было поделать: люди отказывались покупать «казенную» продукцию.

И вот такой подпольный завод обнаружился в лесу, в двенадцати верстах от станции Чулково. Лыков среди ночи оказался не в разбойничьем притоне, а у мелких мошенников. И напугал их своим полицейским документом до такой степени, что те решили сбежать. Видимо, сочли со страха появление сыщика неслучайным. Полиция следит и готовится прихлопнуть фальсификаторов. Явно с подачи архимандрита. Аж из столицы приехал фараон шпионить за ними! Пора смываться...

Это был позорный для Лыкова момент. Так спуделять! И не суметь оборониться, потерять служебное оружие и билет! От кого от фабрикантов свечей?

Чувствуя, что краснеет, надворный советник сказал:

– Эти люди не были похожи на мастеровых! Такие льют кровь, а не свечи!

Становой пристав скривился:

– Кровь? А где же тогда трупы?

– Их можно спрятать. Вон какой лес кругом.

– Кого же резали кондукторы? Грибников? А может, порубщиков? Смешно!

– Но если тут был завод, то где же оборудование? – не сдавался Лыков. – Должно что-то остаться! Котлы там, чаны, кубы... Куда все делось?

Рутковский осторожно тронул питерца за рукав:

– Алексей Николаевич, я понимаю, вам надо оправдаться перед начальством. Но не за мой же счет! Котлы ему подавай... Нет тела – нет и дела, так у нас говорят. Ну, ошиблись. С кем не бывает. Имейте же мужество в этом признаться.

– Сначала я должен убедиться.

– Конечно, – согласился коллежский советник. – Берите урядника и обойдите всю округу. Поговорите с соседями... Чернов, у егерей есть соседи?

– Никак нет, ваше высокоблагородие! Станция ближе всех, а боле никого. Потому – леса! Давыдовская дача самая обширная в уезде. Починок здешний аккурат посередине. Чтобы до любого уголка быстро доскакать.

– Так-таки и никого? – усомнился Алексей. – На десятки верст вокруг ни единой живой души?

– А тут глухое место, – со знанием дела пояснил урядник. – В одной стороне железная дорога, в другой – шоссе. А меж ними глухомань! По правую руку Клязьма, а по левую лес тянется и тянется, до самых почти Вязников. Деревень или там починков нет. Только кабаны ходят. Ну, мужики иногда лесину стянут. Но у кондукторов не забалуешь!

– И кого тут убивать и грабить? – влез со своими комментариями становой. – Все люди, какие есть, наперечет. Никто не пропал!

– А сколько до Московского шоссе? – поинтересовался сыщик.

– Двадцать верст по дурной дороге, – пояснил тот же Чернов. – Есть хорошая, от станции до Литовки, но она сбоку. А тут еле-еле телега проберется.

– Если на конях, то можно разбойничать на шоссе, – предположил Алексей. – Налетели, взяли что хотели и ушли обратно в лес. Никому и в голову не придет искать здесь следы.

Но местные лишь фыркнули.

– Давно бы стало об том известно! Здесь не Сибирь, Москва под боком. Никаких происшествий, какие вы предполагаете, не было и в помине!

– И никто не пропал в последнее время? – спросил надворный советник у Рутковского. – Пусть не в вашем уезде, в соседних?

Тот недовольно скривился:

– Алексей Николаевич! А губернии соседние не посмотреть? Что вы, право слово... Признайтесь, что обмишурились, и поедемте чай пить. Сбежавших мы поищем. Куда они могли деться? Документ ваш им не нужен, только беда им от такой бумаги. Бросят где-нибудь от греха. Найдем его – сразу вам перешлем! А сожгут, тогда не найдем, увы. Ну?

– Дайте, как обещали, урядника, я расспрошу людей на станции. А потом вернусь к вам в управление полиции карту смотреть. Тогда и решу.

– Чернов! Поступаешь в распоряжение господина надворного советника.

– Слушаюсь!

Вся кавалькада вернулась в Чулково. Исправник пошел на станковую квартиру закусить чем бог послал. А сыщик отправился по кабакам.

Два часа он опрашивал жителей и убедился в правоте слов Чернова. Все были убеждены, что лесные люди тайно отливали свечи. Целовальник Родимцев показал подаренную коробку с изделиями подпольного завода. Годный продукт! Обыватели нечасто ходили в сторону заимки. Далеко... Да и не любили там непрошенных гостей. Но кто добирался, видел дымящуюся печь. И телеги с кладями с их стороны проезжали. Куда? На Вязники. Куда дальше – неизвестно; может, и в Москву продавали свой товар...

Лыков спрашивал, что за люди были лесники. Не заводили ли пьяных драк? Откуда явились? Давно ли тут? Кто главный? Мужики лишь разводили руками. Кто их знает? В кабак ходили исправно, но вели там себя без нареканий. Арсений, Матюха, Гаврила и Сатредин рядовые объездчики, а Сергей Тимофеич старший кондуктор. Сатредин это с седой прядью в бороде? Да, татарин. Служба у лесников трудная, весь день на коне. Вон какая огромная дача! А народ у нас знаменитый. Только и ищет, как бы чужое спереть. Колобихин мужчина строгий, потачек никому не давал. Если поймает порубщика, сразу протокол и к мировому.

Озорники жители деревни Опалиха пытались было его стращать, топоры показывали. Не поддался! Сразу видать, что человек военный, хлебнул лиха и на испуг его не возьмешь. Кондукторы навели порядок в даче, отвадили хищников. Что за люди? А себе на уме. Ни с кем тут не сходились, жили дружно своей заимкой.

А как же они обходились без бабы, спросил сыщик. Пять мужчин. Обстираться надо, кашу сварить. Была баба, ответили ему железнодорожники. Толстая! Зовут Манька Колягина, но отзывается и на Швейкину. Откуда-то из-под Коврова. Жила на заимке два года. Взбрешная! То есть большая скандалистка. Любила ругаться на станции с кем ни попадя. Оба года рожала, не поймешь от кого, а дите отвозила во Владимир, в приют. И опять верталась. Последнее время вроде бы путалась с Арсюшкой... Давеча укатила, видели ее, как на станции садилась. За день до пожара.

Закончив с расспросами, Лыков вернулся на дебаркадер. До ближайшего поезда в столицу уезда оставалось два часа. Он их так и просидел, изнемогая от безделья.

Город Вязники расположен в шести верстах от одноименной станции. Пришлось нанимать извозчика. Лыков смотрел по сторонам, но ничего примечательного не видел. Рядовая застройка. Ну, много садов... Более всего Вязники славились своими вишнями. Пять тысяч жителей, восемь храмов; был даже старинный монастырь, хоть и заштатный.

Уже к вечеру сыщик попал в полицейское управление. Там скучал дежурный. Рутковский не дал ему никаких инструкций. Пришлось идти к исправнику домой. Плохо без документа! Лыков был вынужден предъявить бессрочную паспортную книжку, в которой значились его чин и должность. Лишь тогда дежурный согласился сообщить адрес начальства.

Исправник проживал возле конторы бумажно-оберточной фабрики Демидовых. На его квартире Лыкова ждала нечаянная радость. Семен Никифорович накормил гостя обедом. Очень вовремя, поскольку в животе у сыщика уже бурчало. За водкой полицейские обговорили все детали. Коллежский советник сочувствовал питерцу. Столько лет верной службы, и вот все висит на волоске. Из-за того лишь, что человек излишне усердно выполнял свой долг!

— Признаться, я ругаю себя за то, что выскочил из поезда, — сказал хозяину Лыков. — Ведь и не собирался даже! Что меня толкнуло? Спросонья, черт знает где, в ночь-полночь... Дурак-то! Но следует довести дело до конца.

— Что вы имеете в виду? — разволновался исправник.

– Две вещи. Первая – это разговор с управляющим дачи, Тистровым. Он больше других знает о лесниках. Как-никак нанимал их на службу.

– Ага. Это можно. Павел Нилович живет через три дома от меня.

– Он вязниковский?

– Нет, но появился тут бог знает когда. Я еще юнкером был, а он уже заправлял дачей. Обходительный человек, опытный. Думаю, что и денежный!

– В чем-то предосудительном был замечен?

– Ни разу!

– А эти его лесники?

– А что лесники? – удивился исправник.

– Ну, лихие же ребята! Всегда с ружьями, на конях...

– Так на то и сторожа, чтобы сторожить!

– Понятно. Теперь второе. Вы обещали мне показать карту уезда.

– Обещал, помню. Только я отдал ее уездному статистику. Месяц назад. Сейчас сунулся – нет карты! Еле вспомнил.

– Так пусть вернет.

– Увы, – вздохнул Семен Никифорович, – не получится. Уехал в отпуск до конца лета. И карту не возвратил. Комната его в земстве на замке, попасть в нее можно только завтра. Останетесь ночевать?

Алексей задумался. Из-за карты? Чтобы убедиться, что урядник не наврал и вокруг действительно одни леса? Глупо как-то. И хозяин уже устал от гостя, а гость – от хозяина.

– Нет. Пойду к Тистрову, а от него на вокзал. Спасибо за помощь и за сочувствие.

– Желаю вам оправдаться, Алексей Николаевич! – с чувством произнес исправник. – Тяжело без службы. На что жить?

Хороший дядька, подумал сыщик, прощаясь. Жить-то есть на что, а вот чем себя занять без службы? Э-хе-хе... И все же там, на заимке, ему встретились гайменники! Только как это доказать? Надо забрать у управляющего бумаги на этих свечных мастеров и проверить в полицейской картотеке.

Уже в темноте надворный советник отправился к Тистрову. В окне крепкого пятистенка одиноко горела лампа в зеленом абажуре. Семейный уют! А он, Лыков, уже два месяца жене с детьми не видел. Сначала из-за паникера нижегородского губернатора, потом уже по собственной глупости... А мог не выходить из поезда?

Проехать спокойно до Москвы? Наверное, мог. Зачем же тогда выскочил, охломон? Неужели чувство долга у него такое обостренное?

Вроде бы нет. Обычный человек, не фанатик службы. Загадка...

Он стукнул в дверь, и та почти сразу же отворилась. На пороге стояла молодая женщина в элегантном капоте. Странно видеть такую паву в Вязниках! Женщина смотрела на гостя с интересом.

– Вы продаете швейные машинки?

– В мундире? – удивился сыщик.

– Да разве я разбираюсь в ваших одеждах! Что же тогда вы продаете?

– Я по службе. Павел Нилович соблаговолит меня принять?

– Не соблаговолит. Его нет дома. А вы кто? Впервые вижу ваше лицо в нашей дыре.

Алексей снял фуражку.

– Надворный советник Лыков. Дознаю дело о поджоге лесного кордона возле станции Чулково. Об этом и хотел поговорить с вашим мужем.

– Он сегодня уже не вернется, уехал на дачу. Там усадьба, в ней муж заночует.

– Жаль... Мне важно было с ним поговорить.

– А вы поговорите со мной! – вдруг предложила Тистрова.

– С вами? Об лесных объездчиках?

– Ах, нет же! Я ничего не знаю про объездчиков. О литературе поговорите, о музыке, о театре... Здесь так скучно и не с кем обсудить возвышенное!

Лыков всмотрелся в черты собеседницы. Смеется или просто такая непосредственная? Муж в отъезде, а она зовет в дом незнакомца.

– Вы приглашаете меня войти? А как к этому отнесется супруг?

– Он не удивится! И вообще, чего вы тянете? Красивая дама предлагает вам выпить чашку чая! До поезда еще два часа, гостиниц здесь нет... Ну?

– Так и быть, – решил сыщик, заходя внутрь. – Но, если муж вдруг заявится, я выпрыгну в окно! Потому что робкий!

– Прыгнем вместе! – подхватила хозяйка. – Давайте знакомиться: Анна Яковлевна.

– Алексей Николаевич.

– Дарья, Дарья! – закричала Тистрова.

На ее крик в переднюю вышла горничная необъятной толщины.

– Опять я вместо тебя дверь открываю, лентяйка! Прими у гостя шляпу и ставь самовар.

– А он сам шляпу не может на вешалку повесить? – изумилась девка.

– Дурочка! Так принято в хороших домах!

– Так то в хороших...

– Вот, Алексей Николаевич, как у нас отвечает прислуга, – обратилась к Лыкову хозяйка. – У вас в губернском городе так же дерзят?

– Я, Анна Яковлевна, служу в Петербурге, в Департаменте полиции.

– В самом Петербурге! – ахнула Тисторова. – Ах, негодный. Вы сбывли мою мечту!

Она провела сыщика в гостиную, предложила ему кресло и сама села напротив. Так села, что капот распахнулся и на груди, и в ногах. Тут сыщик увидел, что под ним нет ничего. Барыня надела капот прямо на голое тело! Фривольное одеяние не имело пуговиц и подвязывалось одним лишь кушаком. В итоге взору гостя представились чуть не все достоинства барыни... Вот бесстыжая! А формы ничего...

– Департамент полиции занимается каким-то поджогом в лесу? Алексей Николаевич, этого не может быть! Скажите правду, для чего вы здесь!

– Истинная правда, Анна Яковлевна. Люди, которые жили у вас на заимке, особенные.

– Особенности? Постойте, постойте! Колобихин да согласна! Он необычный. И не тот, за кого себя выдает.

– Что вы имеете в виду? – насторожился сыщик.

– Сергей Тимофеевич в состоянии поддерживать светский разговор! Знает даже немного по-французски.

«Пейзане означает «мужики», – вспомнил Лыков слова атамана. С дамочкой следует поговорить! Она может сболтнуть что-нибудь полезное.

– Скажу больше, Алексей Николаевич, – продолжила Тисторова. – Мой муж тоже в деле!

– В каком деле?

– Ах! Откуда я знаю в каком? Придумайте сами! А мне только скажите, что надо заявить на суде. Напишите на бумажке. Я повторю под присягой.

Сумасшедшая? Суфражистка? Или ей надоели Вязники и она готова вырваться отсюда любой ценой?

– Анна Яковлевна, я вас не понимаю. Какие слова, какой суд? Павел Нилович вне подозрений.

– А зря! Запереть такую женщину, как я, в этой клоаке – разве не преступление? Да за подобное каторгу надо давать!

– Может, я пойду? – осторожно осведомился Лыков. Разговор перестал ему нравиться.

Но тут вошла Дарья и водрузила на стол самовар.

– Я вас не отпускаю! – заявила дама. – Мы еще не поговорили как следует. Повторяю: я готова дать против мужа любые показания! Ловите момент. Мне поверят, я же супруга, и видела то, что не видят другие.

– Показания жены против мужа суд не примет. И потом, для чего вам это?

– Для свободы, конечно! Его увезут на Сахалин, а состояние останется мне. На первое время хватит. Главное – перебраться в Петербург! А там я развернусь.

– Куда? – растерянно спросил Алексей.

– Не куда, а в кого!

– Ну хорошо. В кого?

– В роковую женщину! Я молода, хороша... Я ведь хороша?

– Весьма!

– Вот! А через десять лет всего этого уже не будет. Надо действовать сейчас, пока еще не поздно.

– А вы не можете просто подать на развод? Без каторги.

– Фу! – Хозяйка стукнула по столу маленьким кулачком. – Какие мужчины трусы! Я пыталась. Он не дает развода. И денег тоже не даст, я его знаю. Лучше всего, чтобы Паша сел в тюрьму. Тут этот пожар... Я и подумала. А вы не желаете мне помочь.

Дура, окончательно решил Лыков. Пора делать ноги!

– Пойдите! – воскликнула Тистрова, видя, как сыщик встает. – Что случилось?

– Боюсь, явится Павел Нилович, и мне придется прыгать в окошко, – пытался отшутиться тот.

– Он ревнивый, да. И еще крепкий, хотя и не молод.

– Вот видите! Жить-то хочется.

– Алексей Николаевич! Если бы видели мое тело, вы бы не торопились уйти!

– М-м...

– Я вам сейчас покажу! – Анна Яковлевна принялась торопливо развязывать кушак.

Лыков молча повернулся и кинулся в шинельную.

– Если вы боитесь, что Дарья войдет, так этого не будет! – причитала хозяйка, догоняя сыщика. – У нас все отлажено, никто не помешает! Вы только взгляните! И ванна готова с миндальными отрубями, и...

Но гость уже вылетел на крыльцо. Там он почувствовал себя в безопасности и учтиво поклонился:

– Спасибо за чай, Анна Яковлевна! Я зайду еще раз, с вашего дозволения, переговорить с супругом.

– Да идите вы куда хотите... – пробормотала экспансивная дама и захлопнула дверь.

Лыков хотел переночевать в трактире. В порядочных заведениях сдают комнату с ночлегом, да и столоваться там проще. Однако в Вязниках таковых не оказалось. Алексей разыскал первый попавшийся постоялый двор и долго стучал. Вышел недовольный хозяин, буркнул:

– Самовар остыл. И жрать нечего.

– Мне главное койку.

Такая же недовольная работница провела постояльца в маленькую комнату. Кое-как Лыков уснул.

Утром самовара опять не было. Двор оказался похож на все другие такие заведения в России. Мятый рукомойник с затхлой водой, отхожее место на улице, грязные простыни и мочальный матрац. Еще угрюмая обслуга. Заплатив за это убожество тридцать копеек, Алексей пошел на станцию. Позавтракал в буфете, и стало чуть веселее.

Он не спеша обдумал свое положение. Надо переговорить с управляющим. Почему все-таки его лесники спалили кордон и скрылись? Знали за собой грехи? Свечное производство, конечно, незаконно, но не до такой степени, чтобы пускаться в бега. Если Тистров не даст

никаких подсказок, дело плохо. Придется возвращаться в Петербург и ждать. Вдруг мужики образумятся, явятся к начальству и сдадут билет. Так мол и так, перепугались сдуру... Вот забирайте. Тогда владимирские власти переправят документ в департамент, сыщику еще раз устроят головомойку, и все забудется. Но это самый лучший вариант! А есть более плохие. Если за месяц полицейский билет не отыщут, надворного советника отчислят в резерв. Начнется служебное расследование, исход которого ясен заранее. Начальство может учесть заслуги Лыкова, и тогда он будет уволен по прошению. А может и забыть их. Тогда сыщика выкинут по третьему пункту^[31]. После этого на коронную службу уже никогда не возьмут, и Алексею суждено доживать век частным лицом. С испорченным формуляром и пятном на репутации. Два года назад он уже был партикулярным человеком и едва не помер с тоски. Все-таки сыскная служба его призвание. Куда без нее? Опять лесом торговать? Но Титус и один хорошо справляется. Эх, дернул черт отпускника ввязаться в дело, которое его совершенно не касалось!

В Чулково Алексей оказался в одиннадцатом часу до полудни. Извозчиков на станции не водилось, и он нанял мужика с телегой довести его до имения. Давыдовская дача располагалась в семи верстах от станции, посреди густого хвойного леса. Не Нефедьевка, конечно, но тоже приличное поместье. Большой дом с недавно поднятыми венцами, беседка, баня, огород. Имелся и пруд – не иначе с карасями. Сыщику повезло: управляющий уже собирался уезжать. Он принял гостя на веранде.

Тистров оказался мужчиной лет шестидесяти пяти, крепким, как пожилой дуб. Плечи почти как у Лыкова, прямая спина, суровое морщинистое лицо, совершенно седые волосы без малейших следов лысины. Впечатление управляющий производил серьезное. Он сразу взял быка за рога.

– Ну, Алексей Николаевич, это вы напугали моих егерей?

– Так вышло, Павел Нилович.

– А как – так? Что вообще произошло на заимке?

Сыщик в очередной раз стал рассказывать. Тистров слушал с недоверием. Видимо, он был заранее настроен на то, что полицейский чиновник напартачил. Или прикидывается? Алексей говорил, а сам наблюдал за собеседником. Тертый калач... Услышав, что вид старшего кондуктора показался сыщику подозрительным, Павел Нилович вскинулся.

– Позвольте! Колобихин чуть не каждую неделю ездит в Нижний. Все семь лет, что служит у меня. То одно купить, то другое...

Во Владимире товар хуже. Ни разу не случилось с Сергеем Тимофеевичем происшествий! И наружность его у полиции никаких подозрений сроду не вызывала. Что вы там придумали, право слово? Что за чушь?

– Нет, не чушь, – ответил надворный советник. – Полиция полиции рознь. Городовой смотрит, чтобы не было беспорядка. А сыщик – насквозь, на просвет. Опытный тем более видит то, что не замечают другие.

А я опытный. Кто такой Колобихин? Откуда он взялся? И остальные его объездчики – кто их нанимал?

Тистров сбавил тон:

– Ну, я не сыщик... Вам, может, и виднее. Но я зато наблюдал ребят вблизи много лет. Приличные! Лес охраняли, а это дело нелегкое. Так и норовят иные украсть! Тут сила и смелость нужны, чтобы порубщиков отвадить. Ну, не институтки, конечно... Однако и не уголовные!

– А свечной завод?

– Что завод? – развел руками управляющий. – Был завод. Не велик грех!

– Вы знали о нем?

– Признаюсь: знал. Более того. Возможно, в том, что вышло, есть моя вина.

– То есть?

– Затея Колобихина с этим фальсификатом мне никогда не нравилась... Незаконно! С другой стороны, хозяин наш, купец первой гильдии Давыдов, скуп как черт. Жалование у егерей маленькое, а служба тяжелая. Даже опасная! И все за двенадцать рублей в месяц. Какой приличный человек пойдет на такое жалование? Вот и можно понять Сергея, что он решил подкрепить свои фонды.

– Так. А в чем ваша вина?

– Я сказал им тогда, в первый приезд, как завели они эту мастерскую: с огнем играете! За подобные вещи в каторгу ссылают! Хотел их, стало быть, напугать.

– Каторгу им посулили? – недоверчиво переспросил сыщик. – И полагаете, они поверили?

– Кто знает? Мое дело было предупредить. Попытаться, значит, отвадить. А егеря запомнили. И вот, думается мне, так и вышло... Когда среди ночи ввалился к ним неизвестный человек, да с билетом от Департамента полиции. Тут-то им и вспомнились мои слова про каторгу. Ну и... решили дать стрекача. Заимку спалили с испугу. Теперь лес стоит без охраны, мне одни убытки, хозяин рвет и мечет... По кой шут вы только

туда сунулись!

– Я уже объяснил.

Собеседники помолчали. Потом Тистров сказал вполголоса:

– Я все понимаю. Вам надо вернуть билет. Иначе становой предполагает, что и службы могут лишить. Так?

– Ну, это не становому решать, а министру внутренних дел.

– Алексей Николаевич. Езжайте домой, в Петербург. Ребята далеко убежать не могли. Отсилятся одумаются, и вернутся. Ко мне первому и придут с целью повиниться. Так и будет, поверьте! Куда им еще идти? Чай, не беглые каторжники.

– Вы полагаете?

– Убежден! Пока тут шум да гам, ничего не будет! Только хуже сделаете. Исправник приезжал, становой с урядником коршунами вьются, вы тут тень на плетень, извините, наводите... Уезжайте и ждите. Я сразу же вам телеграфирую.

– Хорошо, Павел Нилович. Может быть, вы и правы. Последний вопрос: покажите мне бумаги ваших лесников.

– Конечно! Я велел их приготовить, знал, что вы явитесь. Сейчас принесу. А вы пока «желудочной горечи»^[32] себе налейте. Я ее для здоровья пью и всем советую. И не тужите! Найдем мы ваш билет!

Тистров вручил надворному советнику документы егерей и тактично вышел. Лыков углубился в их изучение. И очень скоро обнаружил там неточности.

Так, в свидетельстве об отбытии воинской повинности Колобихин был записан отставным фельдфебелем Усть-Сысольской местной команды. А в письменных условиях^[33] стояла интересная пометка. Работнику полагался хинин за счет нанимателя для лечения малярии! Это где же в Усть-Сысольске он ее подцепил? И еще вопрос: как здесь оказалось свидетельство? Его выдают на руки при увольнении в запас. Прописываясь по месту жительства, отставной солдат сдает бумагу в полицию. Ему ставят отметку в паспорте, а само свидетельство отбирают. Паспорта лесного кондуктора не оказалось. Это понятно: он ездил в Нижний Новгород и брал документ с собой. Сдать в контору по понятным причинам не успел. Но воинского свидетельства на руках частному лицу иметь не полагается!

Или Арсений Кузнецов – тот, что бил Лыкова по почкам. Его паспорт был на месте. В нем значилось: ратник первого разряда призыва 1895 года, жеребьевой номер 221. Значит, военную службу Арсюшка не проходил по жребию и сразу угодил в запас. Но выправка у парня была солдатская!

И выследил он надворного советника, как заправский разведчик. Подкрался незаметно, ни одна веточка не хрустнула! Явная ложь...

Лыков знал, что на таких вещах и попадаются темные люди. Паспорт в порядке, а метрика или проходное свидетельство расходятся в деталях. Трудно согласовать все мелочи, если бумаги подделаны. Однако сейчас озвучивать свои открытия сыщик не хотел. Вообще ему казалось, что за ним подсматривают. Поэтому он со скучающим видом пролистал документы и пошел искать хозяина. Тот уже садился в экипаж.

– Ну как, нашли что-нибудь? – спросил Тистров. – А то поехали, довезу вас до станции. Мне надо в Вязники.

– А! – махнул рукой Лыков. – Черт разберется в этих бумагах! Поехали, Павел Нилович. Я могу быть уверенным, что вы исполните обещание? Если беглые егеря вернутся.

– Конечно! Я уверен, тем и закончится. Надо только спустить все на тормозах. Пусть происшествие забудется. Недельку-другую лучше обождать. Ребятам надоест скитаться, и они сами придут ко мне.

Сыщик и управляющий сели на станции в один вагон. Алексей спросил:

– Скажите, а откуда Колобихин знает французский язык?

– Почему вы так решили? – оживился Тистров.

– Там, в сторожке, он пояснил объездчикам значение слова «пейзан». А ваша супруга... я вчера приходил к вам домой и вынужденно с ней познакомился... она тоже вспомнила об этом.

При упоминании жены на лбу лесопромышленника появилась суровая складка. Он внимательно посмотрел на Лыкова и спросил:

– Сильно Анька вчера чудила?

– Ну...

– Понятно. Взял на свою голову! Теперь все насмежаются.

– Ну почему! Она молодая, бойкая. Интересная женщина. Только вот мечтает о Петербурге...

– То-то и оно, что бойкая! Вы уж, Алексей Николаевич, простите ее. Скучно бабе в Вязниках.

– Меня это, Павел Нилович, совершенно не касается. Так что насчет Колобихина?

– Не знаю. Сергей вообще личность калиброванная. Смелый! Ловкий. Он же и организатор, заглавный человек. В народе про таких говорят: смотрит вперед за пять дворов! Еще Колобихин отличный наездник. Вы бы видели, какие у них кони!

– Я видел, – коротко сообщил надворный советник.

– Ах да. Кони лучшие в округе, Сергей их по всей губернии собирал. А объездчику хороший конь что музыканту скрипка! В нем вся надежда.

– Но знание французского языка... Колобихин, случайно, не учился в гимназии?

Тистров задумался.

– Эх, память... Старею, Алексей Николаевич; уж начал забывать. И тут не помогу. Никогда при мне главный егерь не говорил ни на каком языке, кроме природного!

Затем разговор перешел на лес. Алексей рассказал про свою дачу в Варнавинском уезде. Павел Нилович заинтересовался, как там пополняют лесной фонд, как сплавляют бревна. За такими разговорами они доехали до Вязников. Здесь управляющий вышел, а Лыков покатил дальше. Но в Коврове он пересел в обратный поезд и двинулся назад.

С утра сыщику не давала покоя одна мысль. Дальним своим концом Давыдовская дача выходит на Московское шоссе. Причем в глухом месте, за Гороховцом. Двадцать верст, конечно, расстояние немалое. Но для сильных коней вполне доступное. Что, если егеря хищничали там? Привычные к верховой езде, знающие каждую тропинку... Правда, в полицейских сводках ничего такого не зафиксировано. Но это говорило лишь о том, что не находили трупов. А сколько людей у нас исчезает бесследно? Кто их считал? И где сказано, что они не пропали именно здесь, напротив лесной дачи? Выехал человек из Нижнего в Москву, и как сквозь землю провалился. В каком месте он потерялся? Где ушел из мира живых? Четыреста пятьдесят верст пути. Да где угодно мог!

И еще не шел из головы рассказ Благово. Давно уже Павел Афанасьевич изложил своему ученику историю о пропавших, ехавших на ярмарку путниках. Случилось это в 1868 году. Тогда сам Благово еще был помещиком, пытался поднять свои Чиргуши и не помышлял о полицейской службе.

На Московском тракте стали исчезать купцы. В то время движение по шоссе было весьма бойким, особенно с июля по сентябрь. Ярмарка притягивала к себе огромные массы товаров и людей. И многие негоцианты предпочитали ехать не поездом, а на своих. Составляли небольшие караваны или даже шли одиночной повозкой. А в повозке товар, а в кошельках деньги... Большой соблазн для разбойников. Поэтому все шоссе охранялось пикетами оренбургских казаков. Но люди все-таки исчезали, и полиция не могла понять, как и где. Так продолжалось до тех пор, пока однажды не пропал казачий офицер. Молодой подхорунжий проверял по дистанции пикеты и не вернулся. Тогда казаки взяли дело

в свои руки. И быстро выявили постоянный двор на окраине деревни Золино. Видать, они знали об этом притоне всегда, но не спешили извещать полицию. А тут их ухватило за живое! Станичники нагрянули верхами, ночью, без судебного следователя и полиции. И тем более без понятых. Выбили ворота и ворвались внутрь. А там как раз убивали очередного постояльца. Ну, казаки и устроили самосуд... Главных исполнителей подняли на пики, кого помельче избili до полусмерти. И лишь после этого позвали исправника.

Дело было громкое. Молодая вдова, хозяйка постоянного двора, взяла себе в любовники головореза. Такого, что поискать! Кровь парень лил, словно квас в жаркую погоду. И набрал себе таких же безжалостных сообщников. Постоялый двор под началом вдовы процветал. Женщина она была горячая, охотно продавала себя за деньги, да еще и окрестных баб привлекала. Молодых и справных. От постояльцев не было отбоя. Слух о веселом доме разнесся по всему тракту. Купцы, собираясь на ярмарку, уже заранее вспоминали бойкую хозяйку. И продолжалось это пять лет...

Следствие вскрыло целый притон, в котором вершились кровавые дела. Главный убивец сумел ускользнуть от наказания. Знали лишь, что по паспорту он был Воскобойников. А своим жертвам палач представлялся так: Черт Иванович Веревкин. И мерзко ухмылялся при этом... В ту ночь, когда ворвались казаки, атаман отсутствовал. Продавал похищенных лошадей и этим спасся. Его так и не нашли. Вдова и оставшиеся в живых головорезы сгинули на каторге. А на Московском шоссе много лет после того было спокойно. Вдруг лесные люди решили возродить жуткий промысел?

Еще одно обстоятельство, которое толкало Алексея вернуться, было связано с Тистровым. Вроде бы солидный, почтенный человек. Лесом занимается. Имеет молодую взбалмошную жену, тяжело с ней старичку. Все как у людей. Но сыщик усмотрел в Павле Ниловиче и другое. Тот имел нечто общее с Колобихиным! Что-то такое, чего не опишешь словами. Что можно лишь почувствовать, если имеешь опыт. Одной крови люди... А Серый – Лыков был в этом убежден – являлся опасным преступником.

Алексей сошел с поезда, и первый, кого он увидел на дебаркадере, был Чернов. Урядник стоял во фрунт и отдавал честь.

– Что-то изволили забыть, ваше высокоблагородие?

– Здорово, Чернов!

– Здравия желаю!

– Вот хочу печь на заимке разломать.

Служивый изумился:

- Для чего?
- Посмотреть надо. Нет ли там чего интересного?
- Так это... Их благородие надо бы спросить...
- О чем? Можно ли чиновнику Департамента полиции горелую печь крушить? Может, сразу губернатору телеграфируешь?
- Извиняйте, ваше высокоблагородие! – смутился урядник. – У меня инструкции. Должен сообщить обо всем господину становому приставу.
- Сначала распорядись, чтобы мне дали двух каменщиков с кувалдами.
- Не могу нарушить распоряжение начальства. Виноват! Первым делом должен известить. И получить разрешение на оказание вам содействия. А каменщиков в Чулкове отродясь не было!

Лыков плюнул и отправился в ближайший кабак. Там нанял пару мужиков с инструментами и телегой. Втроем на медлительной коняшке отправились по лесной дороге. Алексей ехал и вспоминал, как выслеживал на ней Колобихина. И что потом из этого вышло... И может еще выйти, если он не отыщет свой билет! Фактически сейчас все и решится. Если догадка сыщика верна, он что-то отыщет на заимке. Пепелище никто всерьез не осматривал. А вдруг повезет?

Мужики попались работающие, и дело у них спорилось. Алексей сидел в тени и ждал. Вскоре подъехал на своей гнедой урядник и примостился неподалеку. Напряжение нарастало.

Вот обрушился печной свод. Работники залезли внутрь и стали выбрасывать оттуда кирпичи. Вдруг дело у них застопорилось. Они нагнулись, что-то разглядывали... Потом выскочили наружу как ошпаренные. Лица у мужиков сделались белее мела. Лыков подбежал и тоже обомлел.

На черном поду печи, среди кирпичей и шлака, лежали обгорелые человеческие черепа. Много черепов.

Надворный советник подумал про себя: плакал мой билет... Зато теперь никто не упрекнет его, что в ночь-полночь шлялся по лесным дорогам. И зря напугал скромных фальсификаторов свеч.

Он повернулся к уряднику и сказал:

– Вот и открылось, Чернов. Скачи на телеграф, вызывай исправника!

Обнаруженное Лыковым дело оказалось огромным по масштабу совершенных преступлений. В развалинах печи отыскивали двадцать один череп, если считать с фрагментами. Из них два были детские... Еще десять могил щупами обнаружили в дальнем углу двора. Целое кладбище...

Размах банды поразил полицейских. Никогда прежде в Европейской России не встречалось столь массовитое убийство. Тридцать один труп!

А сколько их еще закопано в лесу?

Через сутки в кабинете владимирского губернатора Теренина состоялся разнос. Лыков вольготно сидел в кресле, а трое вязниковцев стояли, понутив головы. Рутковский и Лямкин еще хорохорились, а Чернов был как в воду опущенный... Губернатор бегал и кричал на подчиненных:

– Почему такую жуть во вверенной мне губернии раскрывает приезжий человек? Куда смотрели вы?!

Остановившись на секунду, тайный советник обернулся к Лыкову:

– У вас есть жалобы на местные силы?

– Есть, ваше превосходительство.

Вязниковцы вжали головы в плечи. Алексей обратился к исправнику:

– Семен Никифорович, а покажите ту телеграмму, которую вы получили из губернского присутствия.

Коллежский советник, недоумевая, вынул из кармана бланк и протянул сыщику. А тот передал его губернатору.

– Вот обратите внимание. Какой-то жалкий столоначальник указывает господину исправнику, как тот должен оказывать мне содействие. А именно, без ущерба для основной службы! И всякий раз, когда мне нужна помощь, он обязан испрашивать разрешения у этого индюка. Вот на что я пожалуюсь. Напрямую Ивану Логгиновичу.

Губернатор побагровел и рыком вызвал правителя канцелярии.

– Убрать стервеца со службы сию же секунду! – распорядился он. Потом обратился к питерцу: – А эти трое? Говорят, урядник Чернов отказался выполнить ваше распоряжение ломать печь.

– Да, но он поступил так вынуждено. Выполняя приказ непосредственного начальника.

– Стало быть, Лямкин виноват! – обрадовался тайный советник.

– Нет, ваше превосходительство. Он следовал распоряжению исправника. А тот в свою очередь действовал согласно указанной телеграмме. Главная вина того ничтожества, что позволило себе исказить приказ министра. Недвусмысленный приказ!

– Значит, к здесь присутствующим у вас претензий нет?

– Ни единой. И вообще, ваше превосходительство... Ни к чему сейчас искать виновных в том, что так поздно открыли банду. Надо искать саму банду.

– Вы полагаете?

– Полагаю. Ваши полицейские и не могли ее отыскать.

– Вот как? Поясните!

– Действовали профессионалисты. Живых не оставляли. Нападали

ночью, угоняли экипажи с телами убитых по лесной дороге к себе на кордон. И там зарывали. Нет тела – нет и дела!

– Но пропавшие люди! Неужели их никто не искал? Тридцать один человек! И никого не настораживало, что на шоссе год за годом исчезают путники?

– Искали, но каждый своих. И никто не складывал цепь пропаж в общую картину. Ловко, очень ловко было задумано! И вины исправника или станового с урядником нет никакой.

– Прошу вас, Алексей Николаевич, изложить эти ваши соображения господину министру, – проникновенным голосом сказал Теренин. – И спасибо вам за понимание. Мы... я... оказался в трудной ситуации. Сами знаете, начальником губернии всегда кто-то недоволен. И они теперь попытаются воспользоваться.

– Что же могли сделать вы, Николай Максимович? Мы не знаем даже района нападений. Ночные всадники на сильных конях... Да они где угодно могли выходить на шоссе! И в Нижегородской губернии, и в Московской!

Владимирские чиновники веселили на глазах.

– Я непременно изложу это своему начальству, – продолжил Лыков. – И посоветую создать специальную группу...

– Под вашим началом! – подобострастно вставил Теренин.

– ...под моим началом. Но с участием здесь присутствующих господ полицейских чиновников. Без них никак! Иначе дознание бесполезно. А вместе мы найдем этих негодяев и предадим суду.

– Отлично! Со своей стороны обещаю полное содействие, – твердо заявил тайный советник. – Позор, позор нам всем! Столько лет лилась кровь, а мы... а я... не в курсе дела. Найти этих сукиных котов!

Дознание происшествия в Давыдовской даче вышло на новый уровень. Искали уже не пропавших поджигателей силами надворного советника Лыкова. Ловили банду убийц, хищничающих много лет на территории нескольких губерний. И погубивших десятки людей.

Специальная группа была создана распоряжением министра внутренних дел. Возглавил ее Алексей. После страшной находки его акции поднялись. Он был уже не полоумный чудака, который видит в каждом прохожем уголовного и готов выслеживать его по ночам, прыгая из поезда. Лыков теперь стал сыщик от бога! Он зрил насквозь! Семь лет атаман гайменников жил у всех на виду. И ему сходило с рук. Человек, как другие... Но вот он налетел на Лыкова, и тот сразу его раскусил. Это было необычно и выдавало профессионализм сыщика. Зволянский

ходил гоголем, сам министр похвалил надворного советника. Речь об отчислении в резерв больше не шла. Наоборот, Алексей сделался ключевой фигурой дознания. Начальство отдавало должное его наблюдательности и мужеству. Ведь он не только обнаружил притон, но и выбрался из него живым. Никому из жертв ранее это не удавалось. А Лыков прорвался с боем, выстоял один против пятерых. И с этого началось разоблачение банды.

Под начало Алексея перешли Рутковский, Лямкин и Чернов. После того как он оградил их от наказания, все трое были ему благодарны. И старались не за страх, а за совесть. Еще двух околоточных надзирателей прислал из Владимира губернатор. Люди были хоть и заурядные, но опытные. На них легла основная рутинная работа. И в дополнение к этим силам Лыков вызвал из Департамента полиции Валевачева. Тот занимался сводом и анализом всех добытых сведений. И колесо дознания завертелось.

Первым делом полицейские попытались установить личность преступников. Сергей Колобихин, Арсений Вагин, Гаврила Затылков, Сатредин Файзуллин и Матвей Емельянов. Так было указано в формулярах. Оказалось, что все эти имена – вымышленные. Нет таких людей! Семь лет назад Колобихин, или как там его, привел наниматься к Тистрову сразу всю артель. Тот принял их на службу и с той поры нечасто навещивался к лесникам. Это если верить Павлу Ниловичу... (Сам он, конечно, тоже попал под микроскоп.) Как теперь отыскать гайменников?

Тут опять первую скрипку играл Лыков. Он видел всех пятерых и сумел составить подробные приметы.

Хоть в доме было полутемно и находился сыщик в аховом положении. Но опыт и хладнокровие не подвели. Итак, что он мог использовать в поисках?

Колобихин ходил в чембарах^[34]. Эти военные брюки абы кто не носил. По закону, чембары присвоены войскам Туркестанского генерал-губернаторства, а также Закаспийской и Семипалатинской областей. Лампасов и выпушек к ним не полагается, у генерала и у нижнего чина чембары совершенно одинаковы. Колобихин весьма походил на солдата. Знание французского языка говорило, что он мог быть и офицером. В Ташкент полетела телеграмма с приметами главара.

Теперь Арсений Вагин. Рост у парня, как в первых ротах гвардейских полков. Умеет двигаться бесшумно; возможно, служил в охотничьей команде. Когда Арсюшка ударил сзади сыщика, Серый сказал: плохо бьешь, а еще кузнец! Важная оговорка.

Третьим надворный советник взялся за Файзуллина. У того была особая примета: седой клочок в бороде. По ней гайменника опознали самым первым. По-настоящему его звали Саляхетдин Садеков. Крестьянин Казанской губернии, был замешан в разбое и покушении на жизнь десятского. Подозревался в убийстве богатого мещанина в Царевококшайске. Уголовная кличка Салейка Татарин. Скрылся от следствия семь лет назад, с тех пор нигде не проходил.

И, наконец, объектом поиска стала Манька Колягина, она же Швейкина. Откуда-то из-под Коврова... Алексей направил туда своего помощника, и Юрий отличился. Найти бабу было непросто. Колягина – это оказалось не фамилией, а кличкой. Просто она вышла замуж за Николая. Швейкина тоже было прозвище, уже второе. Поскольку баба умела кое-как шить и одевала непритязательных соседей. Установить подлинную личность бандитской кухарки помогла третья кличка – Взбрешная. Сварливый нрав выдал ее. Обыватели указали на ковровскую мещанку Марию Кутузову. Муж ее умер в тюрьме под следствием, подозревался в грабеже. Видимо, бабу тянуло на такой тип. И она поступила на службу к гайменникам.

Лыков поехал в Ковров. В этот город сходились некоторые ниточки. Надворный советник задался вопросом: а куда бандиты девали захваченных лошадей с экипажами? В Вязниках не продашь – заподозрят неладное. Нужно их перегонять в другие губернии. Но как? По Московскому шоссе, у всех на виду? Для скрытной эвакуации очень подходила Балахонка. Этот старинный тракт шел из Первопрестольной через Владимир и Ковров на Балахну и Нижний Новгород. Он был очень популярен у купцов до 1840 года. Тогда выстроили Московское шоссе, которое обошло Ковров стороной. С тех пор на ярмарку по Балахонке больше никто не ездил, тракт пришел в упадок. Очень удобно перебросить по нему трофейные повозки в уездный город. Возможно, что здесь у людей Колобихина находился покупатель на добычу.

Ковров понравился сыщику. Он выглядел значительно веселее убогих Вязников. Настоящий город!

Особенно красив вид с реки. Базарная улица, ранее именовавшаяся Набережной, так вообще была живописна. Три храма, гостиный двор, имелись каменные и полукаменные дома неплохой архитектуры. Сохранилась старинная планировка: пять улиц вытянулись вдоль Клязьмы, а девять поперечных нарезали их на аккуратные кварталы. С появлением же чугунки вокруг вокзала стал складываться новый центр. Вообще, город разросся и стал наряднее. Одних постоянных дворов

в Коврове – два десятка! В полицейском управлении надоумили остановиться у Ковалева на Базарной, что в доме Мытарева.

Алексей бросил вещи, побрился, отобедал в соседнем трактире Гладцынова – и решил перенести свою ставку сюда.

Ковровский исправник Яковлев тоже оказался из бывших офицеров. Но с турками не воевал и орденами украшен не был. Может быть, поэтому коллежский советник еще не наигрался в казаки-разбойники... Кроме того, участие в дознании сулило награды. Уж Лыков доведет дело до суда! И Яковлев сам вызвался пополнить ряды специальной группы. Учитывая, что город замешан в кровавой истории, сыщик согласился.

Ковровский штаб заседал в здании уездного полицейского управления все на той же Базарной. Маньку Колягину допрашивали втроем: исправник и два питерца. Глуповатая баба держалась недолго. Она выдала того из лесников, кого знала лучше других. А именно своего кредитного, Арсения Вагина. Оказалось, что он тоже коворовский! И зовут его по-настоящему Ванька Молодкин. Племянник купца второй гильдии, известного здешнего трактирщика Гордея Молодкина. Ванька действительно бывший кузнец, а еще отставной рядовой лейб-гвардии Егерского Его Величества полка.

Это было важное сведение. Гайменники, убегая с заимки, собрались съехаться у Арсюшкиного дяди! Не иначе, это и есть Гордей. Трактирщик пользовался плохой репутацией. Причем с юных лет, поскольку родился и вырос во Всегодической волости. В Ковровском уезде семь волостей издавна занимаются офенским промыслом, и Всегодическая из них в первых рядах. Офени – большие мошенники. Они всегда уличались полицией в связях с ворами. Главным ремеслом Гордея была скупка краденого. Нечистые руки маклака дотягивались даже до нижегородской ярмарки. Молодкин скупал похищенное там, для чего часто наведывался в Нижний. А потом с выгодой переправлял дуван в Москву.

– Что делать будем? – азартно, на правах младшего спросил у начальства Валевачев. – Надо слежку за купцом установить!

Надворный советник и исправник одинаково скривились.

– Какая в Коврове может быть слежка? Тут деревня, все на виду.

– Может, налететь с обыском? – спросил Алексей у Яковлева. – Вы часто к нему захаживаете?

Тут выяснилось, что здешняя полиция дала маклаку слишком много воли. И ни разу не проводила у него обыск. Чудные дела... Известно, что темный человек, что не брезгует краденым. Но он спокойно держит трактир, катается в Нижний, Москву, Киев. И никого не стесняется.

Валевачев возмутился и начал было учить исправника методам дознания.

– Для нас это даже хорошо, – успокоил сыщик своего разбушевавшегося помощника. – Не привык Гордей Васильевич к визитам непрошенных гостей. Вот только если племянник добежал до него, маклак насторожился. И избавился от улик. Можно налететь – и ничего не найти.

– Налететь надо, – высказался коллежский советник. – Агентов к Молодкину все равно не подвести. Чужих он не примет, а свои его не выдадут. Одна надежда на обыск.

Так и решили. Вечером пятницы полицейские окружили дом купца на Московской улице. Неплохие хоромы отгрохал тот на воровские деньги. Помимо жилья хозяина и его трактирного заведения там помещались еще два магазина. Один – фольговых икон и ситцевого лоскута, второй – простонародной одежды. Пришлось делать обыск и в них. Сам Гордей Васильевич кипятился, грозил написать государю императору. И гоношился до тех пор, пока за божницей в молельне не обнаружили... полицейский билет Лыкова! Рядом лежал его верный «веблей».

Получив назад утраченные вещи, сыщик повеселел. Хорошее начало! Он бесцеремонно взял Гордея за шиворот и потребовал отдать племянника. Отнекиваться незнанием после такой находки было поздно. И купец-маклак отвел полицейских на стройку. Оказывается, он взял подряд на плотничьи работы при строительстве Сергиево-Елизаветинской богадельни. И там, в каморке с инструментами, укрывал гайменника.

Когда Арсюху-Ваньку вывели на улицу, сыщик подошел к нему.

– Ударить не умеешь, а еще кузнец, – сказал он, недобро улыбаясь. – Смотри как надо!

И поднес обидчику от души. Когда отставного лейб-егеря привели в чувство, то отправили в тюремный замок. Вместе с дядей.

Острог находился все на той же Базарной улице. Выждав день, надворный советник допросил гайменника.

– Скажи мне, сукин кот, как вы жертвы выбирали?

– Однако все Серый решал. Я не знаю, ничего не знаю.

– А Тистров тоже в банде?

– Никак нет, ваше высокоблагородие.

– А куда добычу девали?

– Однако дядя Гордей энтим занимался. А я не знаю, я ничего не знаю...

Стало понятно, что от арестованного трудно добиться правды. Но Лыков не отступал. Он усадил Ваньку прямо под лампу и резко спросил:

– Вам нотариус помогал?

И гайменник отвел глаза.

– Пошел вон! – рассердился Лыков. – Без тебя всех поймаю. Сдохнешь на Сахалине!

Когда Молодкина увели, Валевачев и Яковлев набросились на сыщика:

– Алексей Николаевич! Что за нотариус? Откуда вы его придумали?

– Вот глядите – Лыков выложил на стол пачку отношений. – Я велел прислать мне все дела о пропажах людей в трех окрестных губерниях за последние семь лет.

– И что?

– Сгинуло бесследно более пятидесяти человек. Особенно много старших приказчиков, которые возвращались с Нижегородской ярмарки с выручкой.

– Пусть так! – воскликнул исправник. – Но при чем тут нотариусы?

– Сейчас дойдем и до них. Пока же обращаю ваше внимание, что приказчики с деньгами – наиболее частая пропажа.

– Ну?

– Для нашей шайки они самая желанная добыча. Если тела не обнаружилось, все думали, что человек сбежал. Присвоил сумму и сбежал! Понятно теперь?

– Ага... – пробормотал Валевачев.

– Вот! Если и станут искать, то беглого доверенного, а не его труп. А он уж в земле гниет... Очень удобно для банды.

– Алексей Николаевич, я все-таки не понимаю... – опять начал ныть Яковлев.

– Уже подошел к объяснению, Павел Матвеевич. Вот представьте: доверенный закончил сделку, получил сумму и выехал в Москву. Как ночные всадники могли его отследить? Ведь объявлений об этом в газетах не дают. О получении суммы знают лишь трое: продавец, покупатель и – нотариус!

– Ух ты!

– Вот вам и объяснение. Стряпчий знает все: размер выручки, время отъезда, приметы жертвы и его экипажа. Остается лишь вычислить, когда добыча окажется в месте засады. Дальше все просто.

– Ужас... – пробормотал исправник и поежился.

Лыков тоже зябко повел плечами. Он представил себе, как все происходило... Ночью из темноты на пустынное шоссе выскакивали черные всадники на черных конях. Быстрые и ловкие, привычные убивать. И совершенно безжалостные. Они не оставляли в живых никого,

ни женщин, ни детей. Среди бесследно сгинувших значились целые семьи... Повозки с телами жертв уводились в лес и прятались на заимке. Там посторонних не бывало, и убийцы спокойно доделывали свое дело. Трупы закапывали или сжигали в печи. Чтобы местные не удивлялись дыму, им подпустили пулю про свечной завод. А лошадей с экипажами Балахонкой отгоняли в Ковров. Может, и не только туда. На тракте стоит большое село Эдемское, а в нем, говорят, есть два семейства конокрадов. И поездки Гордея Молодкина в Киев, скорее всего, связаны с тем же.

Несчастные путники ничего не могли противопоставить бандитам. У тех фактор неожиданности и ружья. Пятеро хищников... Возницу убивали первым. Стрелял, скорее всего, Ванька: в лейб-гвардии Егерском полку его должны были этому научить. Остальных кончали чем попало. Окажись на месте жертв многоопытный Лыков, и ему бы несдобровать. Что тут сделаешь? Всадят пулю в спину, и готов.

– Да... – поддакнул Юрий. Кажется, все трое подумали одно и то же...

– Я понял про нотариуса, – вернулся к разговору Яковлев. – Значит, теперь этого пособника можно вычислить?

– Точно так, Павел Матвеевич, – кивнул Лыков. – Я телеграфировал вашему однофамильцу, нижегородскому полицмейстеру. Сообщил четырнадцать фамилий. Это все старшие приказчики и доверенные крупных товариществ. Где большие обороты.

– Из числа пропавших за семь лет?

– Да. Я попросил негласно, очень осторожно выяснить, кто из тамошних нотариусов вел их дела.

– Весьма умно!

– Тут важно не спугнуть, – пояснил Алексей. – Ведь сбежавшие егеря уже могли предупредить своего сообщника.

– Если окажется, что один и тот же стряпчий у всех или почти всех жертв, то это наш злодей и есть! – воскликнул Велевачев.

– Взять мерзавца, да и к ответу! – так же азартно добавил исправник.

Но сыщик лишь скептически покачал головой:

– И что мы ему предъявим?

– Список пропавших по его вине людей!

– Это не доказательно. Отоверся.

– И как же тогда быть?

– Вы знаете, господа, что такое на Нижегородской ярмарке «судный день»?

– Нет.

– Это двадцать пятое августа, послезавтра, – пояснил Лыков. –

Ярмарка готовится к закрытию, и в этот день погашаются все векселя. У стряпчих в Нотариальной линии столпотворение. Купцы и их доверенные собирают причитающиеся суммы и разъезжаются по домам. Огромные массы наличных денег переходят из рук в руки. И только нотариусы знают, кто сколько получил.

– Но что это нам дает? – развел руками исправник.

– Мы подменим получателя денег. Наводчик гайменников сообщит им о жирном карасе с толстой мошной. Те устроят засаду. А в коляске буду я.

– Ого! Это же весьма опасно!

– Опасно, – кивнул надворный советник. – Но иначе никак. А тут возьмем нелюдей с поличным. Лично я сразу открою стрельбу на поражение. Чем меньше захватим живых, тем лучше. Им, по совести, давно пора сдохнуть.

– Убийц осталось четверо, – начал рассуждать Валевачев. – Много! Выскочат они внезапно, в месте, известном только им. Слишком рискованно для вас, Алексей Николаевич. Ведь выстрелят первыми именно лесники.

– Во-первых, кто предупрежден, тот вооружен. Во-вторых, я хоть и Лыков, но не лыком шит. Двигаюсь быстро. Ночью цель видна плохо – промахнутся. Лучший их стрелок, отставной лейб-егерь, сидит у нас. В случае чего метнусь в лес. А за мной на расстоянии поедут ребята из Летучего отряда. Они-то и дадут гайменникам прикурить! До их прихода пять минут я продержусь.

Исправник с ужасом посмотрел на сыщика и промолчал. Только покачал головой...

– А как мы этого нотариуса отыщем? – забеспокоился Юрий. – Осталось всего два дня.

– Я разве не сказал? – удивился сыщик. – Сыскная полиция все уже узнала. Это некто Пошехонцев. Послезавтра доверенный товарищества Разореновых, по фамилии Савенко, получает с должника пятьдесят тысяч рублей. Он собирался ехать домой поездом, но мы уговорили его помочь нам. Оформлять погашение векселя будет именно Пошехонцев. Доверенный будто бы невзначай скажет ему, что двинется на лошади. С одним только возницей. То да се... Покажет револьвер, скажет, что ничего не боится. Словом, сыграет дурака.

– Но как гайменники его узнают ночью?

– У Савенко большая бородача что лопата. И картуз смешной, вроде польской конфедератки. Он раньше в Варшаве служил. Самый удобный для нас типаж.

– А лошади?

– Парная двуколка с польской же упряжью. Он на ней и приедет к Пошехонцеву. Тот сможет дать бандитам полный отчет.

Началась подготовка к опасной операции. Ловить убийц на живца! Только Лыкову могла прийти в голову такая мысль. Поскольку он сам вызвался сесть в двуколку, никто ему не возразил. Хуже было с возницей. По легенде, Савенко едет не один. Кто второй согласится встать под пули? Лыков предложил «летучим». Те посоветовались, но добровольца не нашлось. Тогда они кинули жребий. Выпало Фирсу Бебневу. Алексея это обрадовало. Фирс отслужил срочную службу в конвойной команде в Нерчинском каторжном районе. Ловил весьма опасных людей. После такой школы он уже никого не боялся и отличался редким хладнокровием. С Фирсом и сам сыщик почувствовал себя спокойнее. Ведь ночью на шоссе ему тоже будет страшно...

Наступило двадцать пятое августа. Это только считается, что ярмарка вот-вот закроется. На самом деле она даже набрала обороты. Хозяева разъехались, остались лишь доверенные с приказчиками. В это время начинают распродавать остатки, сбрасывать цены. Без хозяйского глаза служащие теряют голову. В трактирах – самый разгул!

Утром «судного дня» по улицам ярмарочного городка бегут люди с толстыми пачками векселей. На Театральной площади, в Нотариальной линии давка. Стряпчие сбиваются с ног, регистрируя сделки с многотысячными оборотами. Банковские конторы, которые все переехали на Стрелку, сажают дополнительных кассиров. Толстые пачки банкнот ходят по рукам. Суматоха невероятная! Одновременно идет крестный ход к Макарьевской часовне. Там молебен, речи председателя Ярмарочного комитета и губернатора – все как водится. Суета длится до вечера. Завешается «судный день» бешеной гулянкой.

В полдень следующего дня из Нижнего выехала на Москву двуколка с одним пассажиром. Напротив Игумнова была совершена мгновенная подмена. Савенко с кучером сошли, а их места заняли Бебнев с Лыковым. Алексей был в наклеенной бороде и конфедератке. В ногах у него, завернутая в кошму, лежала винтовка. Фирсу под азиям надели стальной панцирь, который ночным поездом срочно доставили из московской сыскной. А в дверцы экипажа той же ночью вставили броневые листы. В версте позади двуколки шла коляска с тремя седоками. В ней, одетые приказчиками, сидели Громеко, Игнатьев и Сергачев. На дне коляски тоже были спрятаны ружья.

Кто знает, где гайменники начнут выслеживать добычу? Поэтому

Лыков ни с кем не заговаривал в пути и ехал без остановок. К вечеру экипаж добрался до Клязьмы. В Мячково остановились, чтобы перекусить и дать отдых лошадям. Когда двинулись дальше, уже темнело.

Путники переправились по мосту и оказались во Владимирской губернии. Вот они, угождая ночных всадников! Нервы у обоих полицейских были на пределе. Темнота быстро сгущалась, шоссе опустело. Нигде ни огонька. Хотелось оглянуться, проверить: вдруг «летучие» отстали? Но делать этого нельзя, надо терпеть. Лыков слушал свое учащенно бившееся сердце. Это уже не волнение, а страх... Не хочется умирать, чего там! Он нагнулся, развернул кошму и дослал патрон в патронник. Скоро ли нападут? Скорее бы!

Они миновали поворот на Гороховец, и оттуда вывернула телега. Будто дожидалась. В темноте лица возницы было не различить. Кто-то из объездчиков поджигает их с тыла? Или местный крестьянин припозднился и торопится домой?

Полицейские катили по шоссе. Алексей пытался ориентироваться. Где-то впереди и слева – Давыдовская дача. За ней станция Чулково, с которой все и началось. Только сыщик подумал, что здесь и надо закончить, как далеко сзади грохнуло. Два винтовочных выстрела один за другим разорвали тишину. Это еще что такое? Но думать стало некогда. На шоссе вылетели три всадника.

Все произошло так быстро, что Лыков не успел сообразить. Раздался новый выстрел. Бебнев повалился с облучка на дорогу. Из его пробитой головы фонтаном брызнула кровь. И панцирь не помог, подумал Алексей, на ходу ныряя в кювет. Какая там винтовка! Несколько пуль щелкнули по коляске в том месте, где он только что сидел. Не теряя ни секунды, сыщик бросился в лес. Странно, но он не слышал топота копыт. Видимо, их обмотали тряпками. Гайменники соображали быстро, и скоро пуля просвистела над самой головой Алексея. Где же там подмога? Успеют ли ребята?

Он влетел в кустарник и, не разбирая дороги, помчался дальше. Ветки больно хлестали по лицу, конфедератка слетела с головы. Лыков вилял то вправо, то влево, как учил его в свое время Виктор Таубе. Это сбивало преследователей с прицела. Судя по шуму, они сгруппировались на опушке. Верхом по лесу ночью не проехать, убийцам придется спешиться. А тут

и «летучие» подспеют.

Неожиданно до сыщика дошло, что означали выстрелы сзади. Это кто-то из гайменников свалил лошадей в коляске прикрытия. И подмоги не будет! Когда «летучие» добегут досюда, для Алексея все уже кончится...

Отгоняя страх, он припустил с удвоенной энергией. Надо сделать крюк и перебежать на другую сторону шоссе! Это собьет лихих людей со следа. Они и так уже отстали – треск ломаемых сучьев слышался саженьях в пятидесяти позади.

Стараясь не шуметь, сыщик вернулся к дороге и перебежал ее.

Тут же послышался крик:

– Сюда! Он на другую сторону кинулся, я видал!

Дьявол! Это подъехал четвертый убийца, что отсек летучих». Теперь дело плохо. Его заметили, и гайменники все в сборе. Лес им знаком: загонят в болото и там прикончат. Подмога не успеет. Надеяться надо на самого себя.

Все так же быстро и бесшумно сыщик углублялся в лес. Страх уже прошел. Как всегда, на его место явилась холодная злость.

Хотите поиграть в догонялки с пластуном? Ну, будет вам тамаша!^[35]

Пройдя шагов двести, Алексей остановился и прислушался. Ночь, какая-то птица кричит над головой. Дальше двигаться опасно. Надо понять, где враги, и тогда уже решать. Им сейчас тоже трудно: лес кругом! Собьются в кучу – труднее искать, а рассыпаться в цепь боязно. Пусть-ка потрутся.

Вдалеке послышались приглушенные голоса. Убийцы совещались. Потом все-таки разошлись – шаги послышались сразу в разных местах. Ходили лесники неплохо, лишнего шума не поднимали. Но опытный пластун быстро вычислил всех четверых. Дистанцию между собой ребята взяли самоуверенно большую. Видать, все еще думали, что охотятся на купца...

Один шел прямо на Алексея. Словно видел его! Сыщик нырнул под лапу огромной ели и застыл. Вот показалось светлое пятно. Он сначала не сообразил, но потом понял. Это гайменник обвязал дуло ружья белой тряпкой, чтобы наводить в темноте. Теперь по этой тряпке его видать издали, дыролобого...

Когда егерь поравнялся, Лыков напал. Он сразу взял противника за горло. Если тот сможет издать хотя бы всхлип, остальные услышат и сбегутся. Поэтому силы надворный советник не сдерживал. Повалил гайменника на землю, навалился сверху и душил, душил... Через две

минуты тот вытянулся и затих. Взяв винтовку, сыщик первым делом сорвал с нее тряпку. И пропал в темноте.

Через пять минут егеря спохватились, что не слышат крайнего, и сбежались туда. Нашли тело и растерялись.

– Что же это за купец такой, что Матюху задавил?! – крикнул кто-то истерично. – Не бывает таких купцов!

– А ты еще не понял? – понизив голос, зло ответил Колобихин. – То наш знакомец, Лыков. А сзади, стало быть, подмога ехала. Все, ребята! К коням возвращаться нельзя, там уже ждут. Уходим!

– А...

– Я сказал, уходим!

Надворный советник дал им удалиться. Вряд ли убийцы оставили его в покое. Колобихин сообразил, что противник где-то поблизости, и разыграл бегство. А сейчас стоит неподалеку и слушает. Хрен тебе!

Лыков сел под сосной и замер. Если нужно было, он мог просидеть так без движения и час, и два. Действительно, после томительного ожидания сыщик услышал едва различимые шаги. Убийцы ушли в сторону железной дороги. Но что сделал бы на их месте Алексей? Заложил бы крюк и устроил засаду около шоссе. Значит, туда идти нельзя.

Выждав еще час, он бесшумно двинулся в ту же сторону, что и гайменники. Только взял правее. Шел довольно долго и вдруг наткнулся на забор. Что такое посреди леса? Приглядевшись, он узнал усадьбу Тистрова. Вот куда вывела его нелегкая! Павел Нилович, скорее всего, один из злодеев. Так сказать, старший в команде. Ну и к лучшему! Тут сыщика в гости не ждут. Собак в поместье нет, Алексей заметил это еще в прошлый раз. Можно забраться на сеновал и просидеть там, пока не рассветет. А уж тогда решить, что делать.

Он стал обходить дом и обнаружил, что одно окно открыто. Затянуто кисеей от комаров, но открыто. Свет не горит, тихо, внутри ни звука.

Сыщик оторвал край кисеи и залез внутрь. И тут же из угла послышался женский голос:

– Алексей Николаевич, это вы?

Черт! Он залез в спальню к странной барыне!

– Я, Анна Яковлевна. Не пугайтесь, пожалуйста, и не кричите.

– И не думаю пугаться. Я знала, что вы вернетесь. От такой женщины, как я, не уходят!

Лыков не знал, что сказать. Обидишь дуру, и та поднимет шум! Вдруг егеря не солоно хлебавши пришли сюда? То-то они обрадуются...

Но Тистрова расценила его молчание по-своему:

– Лезьте ко мне! Я вам обещала кое-что показать...

– А Павел Нилович?

– Он в Вязниках. Мы с ним стараемся находиться порознь. В доме только Дарья и кучер, но кучер во флигеле. А Дарья никому не скажет.

– Извините, Анна Яковлевна, – твердо ответил сыщик. – Я не имею права подвергать вашу жизнь опасности!

– То есть?

– Меня преследуют ваши бывшие егеря. Те самые, убийцы!

– Ой! Колобихин с подручными?

– Именно. Они устроили засаду на шоссе. Я едва спасся в лесу. Гнались, но упустили... Случайно я вышел на вашу дачу, и вот здесь.

– А я, глупая, подумала другое! – всплеснула белыми руками Тистрова. – Ну, вы поняли что.

– Понял. Но теперь я не могу воспользоваться вашим предложением. Хочется, конечно... Вы такая красивая женщина!

– Правду говорите?

– Истинный крест! Но сейчас опасно. Колобихин со своими людьми где-то поблизости. Мне придется прятаться здесь, пока не рассветет. И ни на секунду не ослаблять бдительности. Они страшные люди, не пощадят ни меня, ни вас. Лампу поэтому не зажигайте, иначе застрелят с улицы.

– Ладно, – вздохнула Анна Яковлевна. – Прячьтесь. Что с вами делать? Второй раз уже увиливаете...

– Третьего не будет, честное слово! А пока я займу пост.

Лыков выложил револьвер, поставил в угол трофейную винтовку. Сел на стул сбоку от окна и начал всматриваться в темноту. Он был настороже. Вот сейчас баба отлучится будто бы в уборную, а сама известит Колобихина, что у них гость... И в комнату ворвутся трое головорезов. Ну, первая пуля Серому! А там поглядим, чья возьмет.

Действительно, Тистрова вскорости вышла и долго не возвращалась. Сыщик был весь напряжен. Полезут еще и в окно, или только в дверь? Он занял позицию в углу. Однако время шло, а никто не нападал. Наконец Анна Яковлевна вернулась с чашкой чая.

– Вот. Еще теплый. Ой! Что у вас с лицом?

– А, это... – Сыщик оторвал ненужную теперь бороду и бросил на пол. – Так, на маскараде побывал...

Он взял чашку, а руки у него дрожали. Вот-вот начнется!

– Какой вы... нетерпеливый, – усмехнулась барыня. – Руки трясутся. Правда, я интересная? Ну, ну, в следующий раз... А пока пейте чай

и сторожите. В поместье, конечно, никого нет. Впрочем, Серж... Сергей Тимофеевич непредсказуем. Может случиться все, что угодно. Поэтому не теряйте бдительности!

Он ей Серж, отметил сыщик. Так-так... А муж знает?

Лыков и просидел у окна до рассвета. Он не выпускал револьвера из рук и ни на секунду не расслабился. Когда предметы вокруг стали отчетливо различимы, сыщик осмелился выйти наружу. Сказал хозяйке, что теперь уже можно, хотя сам вовсе не был в этом уверен. Но пришло время уходить.

На прощанье он поцеловал маленькую ухоженную ручку. Теплая нежная кожа, манящий запах молодой женщины... Сказать по правде, Алексей едва сдерживался. Анна Яковлевна глядела лукаво и не отдергивала руки.

– Когда я смогу увидеть вас в более подходящей обстановке? Спасительница...

– Скоро.

– Ага. А где?

– В Вязниках невозможно, меня там все знают, – сокрушенно вздохнула Тистрова.

– Но тогда, в доме, вы хотели мне что-то показать.

– Это была лишь проверка, негодник!

– И я ее не выдержал.

– Вот именно.

– Может быть, в Коврове? – предложил сыщик. – Большой город, есть где затеряться.

– Нет, там тоже неудобно. В пятницу я еду во Владимир, к доктору по женским болезням. Муж уже извещен, он не удивится.

– Понял. Где вы остановитесь?

– В номерах Левандовского.

– Я буду там вечером. После восьми?

– После восьми. Учтите, что я пью только шампанское!

– Будет самое лучшее. До свидания, обольстительница!

Лыков вышел на крыльцо – и понял, что поторопился. Он ничего не услышал и не увидел, но почувствовал. Прыгнул спиной вперед обратно в дом, и тут же раздались три выстрела. Пули впились в косяк, одна влетела в шинельную. Сыщик подсек хозяйку под колено и повалил на себя. Та завизжала.

– Ну вот мы наконец и обнялись, – сказала Анна Яковлевна, быстро обретая присутствие духа. – Перестаньте меня лапать, дождитесь пятницы!

Удивительная женщина! Она нравилась сыщику все больше и больше. Однако следовало заняться обороной. Он опять сел у окна. Но ничего не произошло. Нападавшие, потерпев очередную неудачу, сбежали. Штурмовать дом они побоялись – полиция где-то поблизости, ищет пропавшего сыщика.

Действительно, вскоре на выстрелы примчалась подмога, и Алексей смог покинуть убежище.

Когда Лыков вернулся с операции живой и здоровый, «летучие» прятали от него глаза. В минуту опасности они не сумели прикрыть начальника. Фирс Бебнев погиб, а надворный советник спасся чудом... Отчасти это чудо было рукотворным – сказался огромный опыт. Отчасти же ему просто повезло. Кто мог предполагать, что ночью, на скаку егеря попадают точно в голову? От таких ловкачей никакая броня не защитит...

Фирса похоронили в Коврове, на Ивано-Воиновском кладбище. Хорошее название последнего приюта для солдата... Начальство молчало, но Лыков чувствовал, что в несчастье винят его. Придумал засаду «на живца», и погубил человека. То, что сам прошел в шаге от смерти, не оправдывает. Плохо продумал операцию!

Ночные всадники опять ускользнули. Правда, их стало на одного меньше. Но атаман уцелел, и шайка по-прежнему опасна. Дерзость егерей поражала. Их ищут повсюду, полиция глаз не смыкает, а они спокойно выходят на дорогу и вершат свое злое дело.

Еще гайменники остались без коней. Сильные, раскормленные, все гнемые – чтобы сливаться с темнотой, – кони были привязаны в лесу. Убийцы не решились вернуться за ними. Теперь спешенная банда опять где-то спряталась.

Лыков думал. Замешана ли в делах егерей Тистрова? Сыщика не убили в ее комнате лишь потому, что он был настороже? И запретил зажигать лампу? Если так, то приглашение во Владимир – ловушка. И есть лишь один способ узнать правду.

Поиск бандитов шел по всем направлениям. Из Ташкента прислали запоздалую бумагу. Сергей Тимофеевич Колобихин привлекался там к суду за подложное свидетельство на звание ветеринара. Смешное преступление для злодея такого калибра. И вообще, приметы подходили со скрипом. Возможно, это был другой человек. Настоящий Колобихин. Атаман убил его и присвоил документы. Весьма вероятно...

Проверка управляющего ничего не выявила. Человек как человек, гладкий со всех сторон. Однако Алексея насторожила одна дата.

Он приехал в Вязники с доверенностью от купца Давыдова двадцать восемь лет назад. Как раз в тот год, когда накрыли золинских убийц! Атаман шайки Воскобойников тогда исчез. Не он ли теперь живет под фамилией Тистров?

Прежде Павел Нилович будто бы занимался хлебной торговлей в Саратове. Алексей послал туда Валевачева. Перед этим он явился в дом управляющего и под расписку изъясил его фотографический портрет. Теперь Юрию будет что предъявить для опознания.

Потом наступила пятница. Лыков подготовился к встрече с Анной Яковлевной. Было у него однажды такое приключение в Варшаве...^[36]

Ровно в восемь вечера с бутылкой «Вдовы Клико» и букетом цветов сыщик явился в номер лесопромышленницы. Заведение Левандовского оказалось так себе, и притом находилось на окраине. Поцеловав даме ручку, сыщик стал открывать бутылку. Ведя при этом фривольный разговор. Анна Яковлевна была какая-то напряженная и часто посматривала на дверь.

– Что такое?

– Я заказала фруктов, да все не несут.

На глазах у дамы Алексей переложил револьвер в карман сюртука, а сюртук снял и повесил на спинку стула. Сам же остался в одном жилете, совершенно по-домашнему.

– Пойду потороплю их, – сказала Тистрова, выскальзывая за дверь.

«Кого «их»? Прислугу или парней Колобихина? Скоро узнаем», – подумал сыщик, разливая шампанское.

Анна Яковлевна вернулась веселая, но без фруктов. На немой вопрос гостя ответила:

– За ними, оказывается, послали! Вот дыра! Ну, давайте пока пригубим.

Они едва успели отпить по глотку, как за дверью послышался шум.

– Что это? – удивился надворный советник. – Пойдемте посмотрим.

Он распахнул дверь.

– Ба! Какая встреча!

В коридоре, связанные по рукам, корчились двое гайменников: Саляхетдин Садеков и Гаврила Затылков. Не хватало лишь атамана! Вокруг пленных сгрудились «летучие» с револьверами.

Лыков повернулся к даме и язвительно сказал:

– Что, Анна Яковлевна, опять не вышло?

– Не пойму, что вы имеете в виду, – ответила та холодно. – Вероятно,

вас выследили. Надо внимательней смотреть по сторонам, когда лазите к чужим женам! Вы всегда ходите на свидания с охраной?

Это был большой успех. Из всей шайки на свободе остался лишь Колобихин. Не совсем один. Павел Нилович исчез, хотя за домом следили. Против его супруги никаких улик не было, и ее отпустили. Дамочка выглядела совершенно невозмутимой. На прощанье она сказала сыщику:

– Так я все-таки жду вас.

– Неужели? После всего того, что случилось?

– Запомните, Алексей Николаевич, между нами пока ничего не случилось. Все еще впереди.

Удивительная женщина...

Допрос пленных ничего не дал. Колобихин набрал себе в шайку крепких парней. Их допрашивали вместе и порознь, запугивали, пытались стравить друг с другом – все бесполезно. Лыков вызвал Ваньку Молодкина и сказал ему:

– Затылков валит на тебя. Будто ты убивал, а он за руки держал.

Но тот лишь рассмеялся:

– А очную ставку сделаете? Или так соврали, чтобы я его в ответ оговорил?

– Сделаю!

– Ну, ведите Гаврилу. А я послушаю, что он мне в глаза скажет.

За каждым из ночных всадников было столько крови, что это стало круговой порукой. Выдашь ты – выдадут и тебя. И они молчали.

Тогда их принялись бить. Два дня лупили смертным боем. Ковровские городовые отстучали об них все кулаки. Вызвали унтеров из местной команды, те продолжили истязания. Егеря как воды в рот набрали. Лыков за всю свою многолетнюю практику никогда еще не встречал такого упорства со стороны уголовных.

Тогда он применил старый прием, которому его в свое время научил Благово. Манька Колягина принесла своему кредитному в тюрьму щей в корчаге^[37]. Ванька съел их, и его начало страшно рвать. Доктор успел сделать промывание желудка и «спас» арестанта. Лыков бегал вокруг, топал ногами и кричал:

– Старайтесь, старайтесь! Вы должны его спасти! Он нужен живой!

Через сутки сыщик явился в одиночную камеру, где содержался Молодкин. Тот сидел тихий, иссиня-бледный.

– Что, Ванька, понял? Ты за Колобихина муку адскую принял, а он тебя на тот свет решил спровадить. Вместо спасибо! Не нужен ему свидетель. Знает атаман, что мы его все равно поймает. Боится тебя. Ну?

Будешь теперь говорить?

– Теперь буду... – еле слышно прошептал гайменник.

И действительно, рассказал все, что знал.

Первым делом он пояснил, что Лыкова хотели спровадить из уезда. Если бы сыщик не догадался разломать печь и уехал, ему через недельку выслали бы в Петербург полицейский билет. И всю историю замяли бы. Шайка сделала бы перерыв в налетах, отсиделась, а потом опять взялась за старое. Но получилось иначе.

Затем Ванька подтвердил, что сведения о богатых путниках егеря получали от Пошехонцева. Это было важное признание, которое сажало нотариуса на скамью подсудимых. Молодкин был убежден, что атаман хотел отравить его именно за это. За что же еще? Рядовые члены шайки не ведали, откуда поступают наводки. Но Ваньку однажды послали в Нижний Новгород. Колобихин заболел, и пришлось его заменить. Так кузнец узнал лишнее...

Еще он выдал притоны, в которых егеря укрывались от полиции. Один притон находился в селе Большие Всегодичи. Дальняя родня Ивана и Гордея Молодкиных прятала убийц за пять рублей в неделю. Второе убежище находилось в Коврове, в доме мещан Востроуховых. Там обнаружили некоторые трофеи ночных всадников. Среди них нашелся медальон пропавшего без вести в прошлом году отставного коллежского асессора Долгово-Сабурова. Несчастный путник оказался единственной жертвой, которую удалось достоверно установить...

Еще одного погибшего опознали предположительно. На чердаке дома Лыков заметил армейские шаровары. Обычный предмет форменной одежды. Белые пантalonные пуговицы для подтяжек, по боку – выпушка из цветного сукна шириной в одну шестнадцатую вершка... Но цвет выпушки – голубой! Он присвоен военному казначейству. В прошлом году пропал поручик Белозо. Вез из округа в 31-ю дивизию 1200 рублей для выдачи офицерам лагерной прибавки (тридцать копеек в день). Не доехал, пропал вместе с суммой. Не его ли это шаровары? Молодкин определенно вспомнить не сумел. Был какой-то офицер... Они старались не запоминать, кого режут.

Третий притон, как и предполагал Лыков, открылся в селе Эдемском, у конокрадов. Но сейчас все эти убежища были пусты. Сведения, сообщенные Ванькой, не помогли отыскать главарей. Они прятались в месте, ему неизвестном.

Зато арестант подробно рассказал, как орудовали егеря. Выяснилось, почему они зарывали тела своих жертв возле кордона или сжигали в печи.

Казалось бы, лес вокруг, прячь где хочешь. С первыми трупами так и поступили, закопали в глухом месте. Но убийц случайно застукал не вовремя взявшийся порубщик. Пришлось положить его рядом с купцами. После этого Колобихин распорядился хоронить всех за забором.

Для чего же они сжигали трупы, поинтересовался сыщик. Ведь в печи, даже такой большой, это делать неудобно. Запах горящей плоти должен быть невыносимым! Гайменник объяснил. Это тоже оказалось требованием атамана. Тот говорил: главное – спрятать труп. Если тела не найдут, полиция никогда не начнет серьезного дознания. Можно зарезать хоть сто человек! Поэтому убийцы заматали следы очень старательно. А лучший способ избавиться от мертвого тела – сжечь его. Приходилось терпеть. Атаман приказал переложить печь, чтобы та стала вместительней. В качестве обычного топлива использовали дрова. Когда требовалось спалить труп, переходили на каменный уголь. Если запах горелого человеческого мяса делался нестерпимым, переселялись в летнюю кухню. А ночевали на конюшне. Зато никаких улик... В лесу же закапывать опасно. Там ходят люди, и свежие холмики могут их заинтересовать. Раскопают могилу, и конец тайне! Лишь в самую жару, когда печь топить невозможно, Колобихин разрешал закапывать трупы во дворе.

Еще Молодкин рассказал, что жертв банды намного больше, чем нашли останков на заимке. Для удобства сжигания покойников рубили во дворе на части. А в избу носили в корыте. В результате тела сгорали почти без следа. Трудности возникали лишь с черепами. Поэтому раз в два-три года гайменники лазили в печь и чистили ее. Костей там уж не было, а черепа они вынимали и разбивали кувалдами, после чего закапывали осколки под забором или выбрасывали в речку.

Лыкова интересовало, как были организованы налеты. Неужели ни разу не было никаких осечек? За семь лет никто из путников не спасся, не успел выстрелить в ответ? Не вымолил пощады?

Ванька подробно описал тактику ночных всадников. Чаще всего они знали, на кого нападают. Жертв перехватывали за несколько верст перед постоянным двором, в котором те собирались устроиться на ночлег. Действовали молниеносно. Выстрел из засады поражал возницу. Иногда лошади пугались и несли. Тогда верховые настигали и укрощали их. Пассажиров, если их было двое-трое, убивали в упор. Если один, то чаще резали. Быстро сводили экипаж с дороги, укладывали трупы на дно, сажали одного егеря на облучок. И спокойно ехали к себе на заимку. Район действия банды оказался огромным. Убийцы делали за ночь по шоссе в один конец до восьмидесяти верст!

Иногда нападали наугад. Это случалось до или после Нижегородской ярмарки, когда добычи мало. Тогда-то и пропадали на дороге целые семьи вместе с детьми...

Бандиты всегда очень тщательно осматривали места налета. Чтобы не осталось ни пятен крови, ни случайно оброненной фуражки... Люди и повозки исчезали бесследно, словно их и не было никогда.

А вымолить пощаду у этих людей было невозможно. Колобихин, главное лицо в банде, сразу сказал: живых не оставлять!

Сыщик спросил, а как выглядел быт этих страшных людей? Куда они девали награбленное? Как отдыхали? Ответ удивил. Каждый член банды имел свой счет в банке! У Молодкина, к примеру, накопилось восемь тысяч. Банк находился в Киеве, и туда гайменники ездили проветриться. Происходило это осенью и зимой. Некоторые жили там месяцами, а по весне возвращались. Колобихин завел среди егерей строгую военную дисциплину. По ночам заимку охраняли меняющиеся часовые. Такой караульщик и выследил Лыкова, когда тот подкрался к окну. Никто из шайки не смел выпить лишнего. Никто не болтал. Называли друг друга вымышленными именами даже в своем кругу. Запрещено было вступать в брак, длительные связи с женщинами не приветствовались. Людям Серого не полагалось иметь уязвимых мест: привязанностей, слабостей. Общение с другими уголовными отсутствовало. Поэтому осведомители, внедренные полицией в преступную среду, не могли их выдать. А лошади, вещи и ценности сбывались за сотни верст от того места, где они были добыты.

Документы жертв Колобихин тоже велел сжигать. Улика! Билет Лыкова уцелел лишь потому, что его собирались вернуть хозяину.

Кто такой Тистров, спросил сыщик. Ванька лишь пожал плечами. Главный. Он и придумал все дело. Даже Колобихин его слушался. Но вообще эти двое, старый и молодой, спелись в дружный хор. Вместе куда-то уезжали, а возвращались с важными сведениями. Всякий раз после их отлучек шайка получала богатую добычу.

Прошла неделя, а поиски не давали результата. Два главаря как сквозь землю провалились. Полиция день и ночь следила за домом управляющего, его почта просматривалась. Вдруг он захочет связаться с женой? Фотографические портреты Тистрова были напечатаны в газетах, их раздали урядниками и околоточным в трех ближайших губерниях. Карточек Колобихина найти не удалось. Похоже, головорезы покинули уезд и ударились в бег. Косвенно это подтвердила телеграмма из киевского полицейского управления. В ней сообщалось, что счета на обе указанные

фамилии закрыты, деньги с них сняты.

Вдруг Лыкову донесли, что Гаврила Затылков хочет дать показания. До сих пор и он, и Садеков молчали. Даже очные ставки с Ванькой не заставили их заговорить. И вдруг! С чего бы это? Сыщик предположил, что не просто.

Гаврила (свое настоящее имя он скрывал) явился на допрос. И сказал, что готов показать тайную могилу в лесу. Туда в свое время гайменники сложили несколько трупов. Сведения были важные. Надо ехать, смотреть. Но Алексей сразу вскрыл подвох:

– Он ведь хочет бежать!

– Глупая затея, – не поверил исправник. – Мы с него в лесу глаз не спустим!

– Павел Матвеевич, а давайте ему подыграем, – предложил сыщик.

– Как так?

– Да пусть бежит. Только под нашим надзором. Затылков и приведет нас в укрытие главарей!

– Да вы что, Алексей Николаевич! – ахнул Яковлев. – Тут подсудное дело! А если упустим?

– Под мою ответственность.

Но коллежский советник отказался даже обсуждать такой фортель.

– Вы сами суετε голову в петлю. Ведете себя, как юноша, прости господи... А мне скоро в отставку выходить. Уволят без пенсионa.

– Павел Матвеевич, – твердо заявил Лыков, – никто вас не уволит. Руководить дознанием поручено мне. Мне и решать. Готовьте Гавриле побег.

На другой день гайменник под конвоем двух городских выехал в чащу. В телеге лежали лопаты. Гаврила дурил полицейским голову до темноты. Будто бы не мог точно вспомнить место, а сам уводил их подальше в лес. Служивые, получив инструктаж, подыгрывали. Даже взяли с собой штоф водки и распили его к вечеру. Якобы расслабившись, ребята разом пошли в кусты справлять нужду. И тут арестант ударился в бег. Крики, ругань, выстрелы в воздух... Егерь хорошо знал местность и направился к лесной глухой дороге. Городовые быстро потеряли его.

На самом деле по следам Затылкова шел надворный советник. Это была самая трудная часть плана: не упустить беглеца в темноте. Никому Алексей не решался ее поручить. Только он сам мог справиться.

Егерь шел всю ночь и наутро добрался до глухой деревеньки Колесниково. Он так и не заметил, что за ним следят.

Отдохнув всего час, Гаврила снова отправился в дорогу. И Лыкову

пришлось еще труднее, чем в лесу. Беглец вышел в поле. Здесь путника видно издалека. Как следить? Пришлось увеличить дистанцию, а это было рискованно. С большим трудом Алексей довел объект до села Большое Сокурово. В нем у гайменника оказались знакомые. Они снабдили беглеца деньгами и переодели. Даже сбрили бороду, оставив лишь усы. Вот держава, хлебом не корми, дай обмануть полицию!

Изменив внешность, Затылков прибыл на станцию Денисовская. Алексей валился с ног, в животе урчало. Попадаться на глаза беглецу было опасно. Сыщику требовалась замена. Но такой оборот был предусмотрен заранее: на всех станциях дежурили переодетые агенты. Сдав беглеца, Лыков вернулся в Ковров. И первым делом плотно пообедал.

Между тем гайменник куда-то пробирался. Следили за ним очень осторожно, часто меняясь. Гаврила благополучно прибыл в Москву, где взял билет до Киева.

На зимние квартиры намылился, понял Лыков. Ну, хорошо. Где-то там и Колобихин с Тистровым прячутся... Чтобы быть уверенным в успехе, Алексей выпросил у нижегородского полицмейстера ловкого человека, фон Бриггена. Тот незаметно сопровождал беглеца до Киева и сдал его тамошним сыскным.

Операция вошла в заключительную фазу. Надворный советник нервничал. Гаврила сейчас находился в трудной ситуации. Денег у него было мало. В банк за своими капиталами идти нельзя: Молодкин их выдал. Что сделает опытный убийца? Вдруг для получения средств пойдет на новое преступление? Тогда Лыкову не сносить головы.

Однако в Киеве, к удивлению сыщика, бандит хорошо устроился. Он поселился в номерах Сингосина на Фундуклеевской улице. Видимо, это был его давнишний притон. Сингосин открыл старому клиенту кредит, и тот зажил с комфортом. Затылков явно ждал. Кого? Очевидно, что главарей дела. Вот-вот, казалось, операция даст результат. Сыщик не мог разорваться на две части и доверил выполнить эту часть плана киевским коллегам. Да еще фон Бриггена отозвал. Это была ошибка.

Филеры киевского отделения сработали топорно. Гаврила заметил слежку и попытался сбежать. Хорошо хоть, не упустили... В итоге беглеца вернули обратно в Ковров и посадили в ту же камеру. Лыков рискнул, поставил на кон свою карьеру – и ничего не получил взамен.

Поиски продолжились. В полицию поступило важное сведение. Крестьянин Ксенофонт Полудкин держал почтовую станцию с чайной в большом селе Изотине. Завистливые соседи донесли, что он часто меняет пунктовых лошадей. Откуда берет? Яковлев, Лыков и оба владимирских

надзирателя отправились в Изотино. Нагрянули, когда стемнело. Околоточные затаились на огороде. Вдруг кто побежит спасаться, да прямо на них? А полицейские чиновники ворвались в дом. Они приготовились воевать. Но внутри кроме хозяина и его семьи, никого не оказалось.

Обыск был в самом разгаре, когда с улицы послышался стук копыт. Подъехал какой-то экипаж.

– Это кто? – спросил Алексей у Полудкина.

– Почтва на Казань, – ответил тот равнодушно. И приказал сыну встретить приезжих. Лыков вышел на крыльцо. Вдруг в него выстрелили прямо из коляски. Пуля ударила в стену совсем рядом.

– Гони! – дико крикнул седок вознице. Сыщик узнал в них Тистрова с Колобихиным.

Коляска рванула с места в карьер.

Мгновенно полицейские на дрожках устремились в погоню. Темно, ничего не видать... Преступники уходили на юг. Там в поле горел одинокий костер, возле него стоял мужик в полушубке. Присмотревшись, сыщик разглядел в свете костра реку с мостом. Что там делает караульщик? Если он сейчас задержит беглецов, те попадутся! Но как остановить мчащуюся коляску? Разве только выломать несколько плах... Нет, поздно.

– Не пускай, не пускай их через мост! – закричал Яковлев.

Но коляска уже перелетела на тот берег. Седоки что-то сказали караульщику, причем тот почтительно снял шапку. А когда помчались дальше, мужик взял топор и принялся рубить плахи на мосту!

– Что ты делаешь, дурак! – гаркнул исправник.

Но рьяный караульщик только усилил напор. Вот умелец! Когда полицейские выехали на берег, полотно моста уже было испорчено.

– Ты зачем это сделал, негодяй? – взвизгнул исправник, выскакивая из дрожек. – Я же тебя сгною за это!

– Так что, мне заплатили, – с достоинством пояснил рубщик с другого берега.

– За что? Чтобы ты мост сгубил?

– Ага. Вам их таперича не догнать.

– И чему же ты радуешься, скотина? – чуть не рыдая, поинтересовался Яковлев. – Ведь мы уже почти сблизились!

– А вот и нет. Я вам не дал!

– То-то и оно, что все из-за тебя!

– Подождите, Павел Матвеевич, – остановил причитания коллежского советника Алексей. Он подошел к самой воде, присмотрелся. Вброд реку не перейти, и починить мост быстро не удастся. Коляска гайменников

скрылась в темноте. Они их упустили.

– Что же тебе наболтали? – спокойно, вполголоса спросил сыщик у мужика.

– Так что, к чужой жене седок намылился. А супруг-то догадывался. Догадывался, пра?

Вопрос был обращен к Яковлеву. Тот чуть не взвыл от досады.

– Вот дубина!

– Ага, я же и виноват, – хмыкнул рубщик. – Смотреть надо за бабой! А я пятишницу заработал. Потому попросили меня здесь покараулить. Ежели, значит, погоня за ними будет, то мост приговорить. Вот так и вышло!

– Как ты его в два счета сломал, – одобрил сыщик. – Ловко.

– Да я заранее подрубил, – стушевался мужик.

– А если бы ревнивца дома не оказалось? До утра бы здесь торчал?

– Ага! За целую ночь десятку обещали. Обходительные люди. Старый-то, старый! Борода седая, а до чужих жен охоч!

Собеседники помолчали. Потом мужик сказал:

– Ну, ладно, мне домой пора.

Кивнув полицейским, он принялся гасить костер...

Поиски возобновились. Стало ясно, что главари шайки никуда не сбежали, а прячутся в уезде. Что-то держало их здесь, но что?

Однажды вечером в управление полиции Коврова явилась дама лет сорока, в дорожном платье. Отцветающая женщина с покрашенной сединой в волосах... Лицо у нее было настолько печальное, что у Алексея кольнуло в сердце.

– Здравствуйте. С кем имею честь?

– Меня зовут Вера Афанасьевна Колобихина.

– Вы жена Сергея Тимофеевича? – оживился сыщик.

– Да. Я приехала из Ташкента... Скажите, правда ли, что Сергей жил здесь с восемьдесят девятого года? Неужели это так?

– Он или кто-то другой. Выдающий себя за вашего мужа.

Женщина сразу посерела. Она вынула платок, провела им по сухим глазам. Сухие-то сухие, но какие горестные...

– Я так и думала.

– Расскажите мне подробнее, прошу вас, – мягко попросил Лыков. – Мы ищем преступника, который последние семь лет служил в Вязниковском уезде лесным кондуктором. Под именем Колобихин. Этот человек – убийца, он главарь опасной банды.

– Мой Сережа не мог быть убийцей. Вот жертвой... Он пропал семь

с половиной лет назад. Уехал в Семипалатинск, ему обещали там место. И не вернулся. Я сразу почувствовала, что произошло несчастье.

– Нам сообщили о судебном процессе за предоставление подложного ветеринарного свидетельства. Это произошло с вашим мужем? Или с тем, кто сейчас выдает себя за него?

– С ним. Сережа служил действительную службу в кавалерии, помогал полковому ветеринару. И решил попытать счастья. Он действительно был хорошим практиком! Не хуже дипломированного специалиста!

Женщина замолчала. Лыков ждал.

– Вы не были в Ташкенте и не знаете, как там решаются подобные дела...

– Я был в Ташкенте, – перебил сыщик Колобихину.

– Даже так? Ну, тем лучше. Тогда вам должно быть понятно, что по местным обычаям грех его невелик. Так многие делают.

– Да, настоящие специалисты неохотно едут в Туркестанский край, – согласился Лыков.

– Вот! Но Сергей всегда был невезучий. Не повезло ему и в этот раз. Подложное свидетельство разоблачили. Службы мой муж никакой не находил, средства наши истощились... А он хороший добрый человек, только слабовольный. Легко падает духом.

На этих словах женщина вдруг запнулась, а потом сразу, без перехода стала рыдать – отчаянно, по-бабьи. Пришлось отпаивать ее водой. Потом собеседники долго молчали. Собственно, говорить было не о чем, все и так ясно. Вера Афанасьевна проделала большой путь, затратила уйму денег. Видимо, слабая надежда на то, что муж жив, не покидала ее. Пусть бросил, пусть скрылся, но живой! Телеграмма из Коврова в Ташкент подкрепила эту надежду. Теперь выяснилось со всей определенностью, что тут обитал другой человек.

– Как хоть выглядит ваш... ну... – спросила она.

– Возраст около сорока, – стал описывать Лыков. – Рост на пару вершков больше моего. Волосы темно-серые, лицо чистое, без особых примет. Глаза светло-карие, почти желтые. Корпусный. Очень уверен в себе. Обладает задатками вождя, легко подчиняет людей своей воле.

– Не Сережа...

Вдова, подумал Алексей. Теперь женщина убедилась, что она вдова.

Колобихина встала. Кивнула сыщику и молча вышла. А тот подумал: застрелю! Застрелю сволочь, пусть потом говорят, что хотят!

Поиски гайменников продолжались. Однажды Лыкову сообщили,

что с поезда сошел курьер и доставил Анне Яковлевне письмо. Перехватить пакет не успели. Допрошенный курьер рассказал интересные вещи. Письмо ему вручили во Владимире. Незвестный нанял мещанина доставить его в Вязники и отдать барыне лично в руки. По приметам наниматель походил на Павла Ниловича.

Надворный советник отправился к Тистровой. Пусть покажет, что ей там написал беглый муж. Городовой у крыльца отдал сыщику честь. Дверь открыла все та же Дарья. Приняла фуражку и проводила в дальние комнаты. Лыков не видел удивительную женщину с того дня, когда та навела на него бандитов. Что-то она выкинет сейчас?

Алексей стоял посреди комнаты и ждал хозяйку, как вдруг почувствовал за спиной чье-то присутствие. Но сделать ничего не успел. Сильный толчок в спину бросил его на колени. Пока сыщик приходил в себя, у него выдернули из-за ремня револьвер. Понятно...

Быстро поднявшись и повернувшись, Лыков увидел перед собой обоих беглецов. Они стояли и ухмылялись. Куда смотрела полиция? Что делает городовой у входа, если гайменники проникают в дом незамеченными?

Но думать о таких мелочах было некогда. Надо спасать жизнь... Вот только как? Часовой не услышит крика. А если и услышит, то опоздает. Беда, беда!

Между тем Колобихин заявил, разглядывая трофей:

– Знакомая штука! Второй уже раз ко мне в руки попадает. Ты чего, Лыков, как наплевательски к оружию относишься?

Но сыщик не смотрел на него. Он кивнул Тистрову-Воскобойникову:

– Здорово, Черт Иванович Веревкин!

Тот изменился в лице:

– Откуда прознал?

– От верблюда! Пора тебе, старый душегуб, и ответ держать!

Павел Нилович, или как его там на самом деле, покосился на подручного:

– Еще и грозит! Храбрый...

– Да, – кивнул тот. – Я потому и обмишурился в сторожке. Не сразу распознал. А когда понял, Лыков уже сбежал.

– Храбрый, – повторил с одобрением Тистров. – Даже жалко убивать.

Где-то я это уже слышал, подумал сыщик. Кажется, в Варшаве. Воспоминание придало ему смелости. Не убили тогда, не убьют и сейчас, решил он. По-умному, следовало молиться богу, чувствовать мороз по спине и дрожжемент в ногах... Но это верный путь на тот свет. Лыков предпочел драться. И приготовился. Но бандитам хотелось еще поговорить.

– Слышь, Лыков, – заявил Серый, – ты вправду, что ли, за мной пошел, потому что рожка моя тебе не глянулась?

– На ней написано, что ты людей убиваешь.

– Ну и что? Разве один я? Ты ведь тоже на войне был?

– Был.

– И убивал там, верно?

– На войне другое, – ответил сыщик, недоумевая, почему его до сих пор не зарезали.

– Да какая разница! Вот скажи. Ты, когда первого своего кончил, смотрел, как из него душа отлетает?

– Темно было, – нехотя пояснил Алексей. – В разведке случилось. Я не разглядел.

– А я засветло убил. В атаке, штыком. Замер, глазею... Боюсь пропустить! А ничего никуда не отлетело. И понял я тогда, что про душу все врут.

– И стало легче?

– Не в пример!

– Знаешь что, сволочь! – рассердился Лыков. – Давай уже начинать. Некогда мне. Подходи, кто смелый.

Гайменники лишь усмехнулись.

– Ну, если ты так настаиваешь...

– Нет, постойте! – спохватился Лыков. – Один вопрос. А почему вы отсюда не уехали до сих пор? Знаете же, что вас ищут. Киевские авуары сняли. Зачем вернулись?

Злодеи переглянулись. Старший кивнул младшему:

– Скажи ему. Пусть узнает перед смертью.

– Мы денег ждем, – пояснил надворному советнику Серый.

– Каких еще денег?

– Заем дали одному кренделю. Большой! Восемьдесят тысяч. А он не возвращает.

– Вам и не возвращает? – усомнился Алексей. – Если бы я был вам должен, вернул бы по-хорошему!

– Нет, крендель это понимает. Но тут и наша вина есть. Мы отдавали до осени, а тут вишь, что случилось... Ты приехал! Ну и деньги нам прежде понадобились. А заемщик их в дело вложил, и ранее сентября капитал никак не вернется. Даже если мы ему голову срежем. Приходится ждать.

– Так уехали бы, а в сентябре вернулись!

– К тому времени он сам, пес, сбежит. Ищи его потом. А так, под нашим надзором, никуда не денется. Восемьдесят тысяч на дороге

не валяются.

– Ясно...

Все трое помолчали, словно приятели за мирной беседой. Потом Серый сказал:

– Ну, с богом!

Тистров вынул большой засапожный нож, старый разбойничий инструмент. А Колобихин – новомодную финку. И они разом двинулись на сыщика.

Против двух таких опытных людей у Алексея не было ни единого шанса. Нож в умелых руках много опаснее револьвера. А уж этих кровопийц неумелыми не назовешь. Крови на них – страшно представить! Хоть одного да накажу, решил сыщик. И тут произошло то, чего никто не ждал.

Лыков стоял спиной к портьеру, отгораживающей часть комнаты. Из-за нее вдруг показалась маленькая ручка. Сунула что-то в карман лыковского сюртука и снова спряталась.

Гайменники в недоумении остановились.

– Анька! – рявкнул Тистров. – Убью дурочку!

Алексей полез в карман и вынул маленький никелированный револьвер с перламутровой рукояткой. Дамская пукалка! Калибр даже не двадцать второй^[38], а чуть не вдвое меньше. Чтобы убить таким воробья, надо попадать ему в голову!

Между тем убийцы опять пошли в атаку. Не раздумывая, Лыков вскинул руку и выстрелил в старика. Тот схватился за правый глаз и сказал тонким детским голосом:

– Ай...

Он стоял, словно в раздумье, а двое других смотрели на него. Сыщик –

с надеждой, а гайменник, с недоумением.

Наконец Колобихин спросил:

– Ты чего?

Но у Тистрова подогнулись колени, и он упал ничком.

– А-а-а!!! – заорал атаман и бросился с ножом на сыщика. При этом он закрыл лицо согнутой в локте левой рукой и набычил голову, чтобы уберечься от выстрела.

Лыков успел нажать на курок лишь один раз. Маленькая пулька попала разбойнику в руку. Тот даже не охнул и продолжал лететь на противника. Когда до убийцы оставалось два шага, Алексей отбросил револьверчик. Мгновенно сблизился с атакующим – а тому мешал видеть это собственный локоть. И со всей силы ударил Колобихина под сердце.

Этому приему Алексея научил Виктор Таубе. Правильно исполненный, он мог оказаться смертельным. Что-то будет? Лыков стоял над поверженным гайменником. Тот некоторое время лежал без движения. Потом завозился и с трудом сел. Начал шарить вокруг в поисках ножа. Затем вытянул руку перед собой, пытаясь разглядеть пальцы... И наконец повалился на спину, вытянулся и испустил последний вздох.

В комнате стало тихо. Алексей шагнул к портьеру, отодвинул ее. Там стояла Анна Яковлевна. Глаза ее были закрыты, казалось, барыня прислушивается.

– Анна Яковлевна, просыпайтесь! – бодрым голосом сказал сыщик.

Хозяйка открыла один глаз.

– А... что Паша?

– Я застрелил его из вашей хлопушки. Удивительно, но она сработала.

– А... Серж?

– Этого пришлось угостить кулаком. Пули негодяя не берут!

– И что же?

– Что «что же»?

– Ну, кулаком не убивают.

– Я убиваю.

Анна Яковлевна опять закрыла глаз и продолжила стоять.

– Чаю-то дадут? – спросил ее Алексей.

Эта бытовая фраза вернула хозяйку к жизни. Она оторвалась наконец от стены и осторожно выглянула в комнату.

– О-го-го... Оба?

– Как есть.

– Значит, я вас спасла?

– По правде сказать, да, – подтвердил сыщик. – Если бы не ваша

хлопушка, они бы меня зарезали.

– Вот! Я же говорила! Помните? Что ничего между нами еще не произошло, а все впереди!

– Помню. Вы также обещали кое-что показать. И до сих пор тянете. Давайте уже, показывайте!

Необычная женщина взглянула на Лыкова и сказала:

– А вы уверены, что это то, чего вам сейчас действительно хочется?

И надворный советник почувствовал вдруг, что его колени мелко мелко дрожат. И уже давно. Сыщик с трудом сделал два шага и плюхнулся на стул. Храбрость вылетела из него без остатка, и пришел низменный, утробный страх.

– Да, Анна Яковлевна, я погорячился. Там парень стоит у входа, с шашкой и свистком. Позовите его, пожалуйста, сюда. У меня что-то ноги не ходят...

Тут с улицы раздался крик – это голосил Валевачев:

– Алексей Николаевич, выйдите на крыльцо! Пожалуйста! Я вернулся из Саратова. Никто там Тистрова не знает! Где его теперь искать?

Лыков покосился на труп старого душегуба. Тот лежал лицом вниз, вокруг головы медленно растекалось кровавое пятно.

– Не надо тебя больше искать, – сообщил мертвецу сыщик. – Сказал ведь я, Черт Иванович, что пора ответ держать. Ты не поверил.

Новоиспеченная вдова всхлипнула.

– Я всегда знала, что он занимается чем-то страшным. Вдруг в доме появлялись деньги... и вещи. Откуда вещи-то?

– Вы боялись, я понимаю.

– Боялась. Вы правы, тогда в усадьбе вас сторожили. Чтобы подловить момент и убить. А меня вынудили помогать. Хорошо, что вы не сомкнули глаз! И потом во Владимире... Если бы я отказалась...

– Не будем вспоминать. Сегодня вы меня спасли и тем аннулировали все старые прегрешения. А я, кстати, сделал вас вдовой! Хотели свободы? Вот! Получите!

– Да, это лучше каторги. Я боялась бы Павла всю жизнь, даже если бы он сидел на другом конце света. Вдруг сбежит и явится сюда? Теперь... теперь можно не опасаться. Наконец-то в моей жизни не будет страха! Спасибо вам, Алексей Николаевич.

– Ну, ну... Зовите караульного. И моего помощника, горлопана, тоже впустите. И чаю, чаю наконец!

Так закончилась история с бандой убийц, семь лет промышлявших

на Московском шоссе. Лыков сдал дело судебному следователю и отбыл в отпуск. Когда осенью вернулся в департамент, то узнал, что он больше не начальник Летучего отряда. Под его командой отряд за полгода потерял двоих человек... Все понимали, что служба там опасная и в любой момент может случиться что угодно. Но Алексей выглядел неудачной кандидатурой. Невезучий. Тень от гибели Фирса Бебнева падала на него.

Лыкова снова сделали простым чиновником особых поручений в седьмом классе. И не дали никакой награды за раскрытие шайки. Это все из-за той же смерти подчиненного, который по его приказу встал под пули... Алексей охотно отдал бы все свои ордена, чтобы воскресить Фирса. Но жизнь необратима.

Далеко не все тайны ночных всадников удалось открыть. У них были свои осведомители в разных местах. И если нотариуса Пошехонцева выявили, то остальных нет. Держатели почтовых станций и постоянных дворов выступали наводчиками. Они указывали гайменникам денежных путников. И кто-то еще сидел в казначействе Московского военного округа. Тот, кто предал несчастного поручика Белозо и послал его на смерть. Имена наводчиков два атамана унесли с собой в могилу.

Не удалось узнать и личность мошенника, получившего от главарей шайки крупный заем. Теперь он мог его не отдавать. Вот повезло кому-то...

Следствие так и не сумело установить подлинное имя человека, жившего по документам Колобихина. Личность вырисовывалась незаурядная. Семь лет назад он откуда-то привел в Чулково готовую банду. Сам собрал, сам научил, сам придумал, как замечать следы. Достойный сменщик Черту Ивановичу Веревкину! Осталось тайной и то, как два этих негодяя нашли друг друга. Рыбак рыбака видит издалека? В итоге появилось самое страшное в империи преступное сообщество. Ведшее счет своих жертв на десятки и не оставлявшее живых свидетелей...

Разбои на российских дорогах, увы, не прекратились. И люди пропадали по-прежнему. Осенью того же 1896 года была сделана еще одна страшная находка. 2 ноября в небо запустили аэростаты без людей, с самопишущими инструментами. Полеты провели одновременно в четырех городах: Париже, Берлине, Страсбурге и Петербурге. Начальство объявило награду в пятьдесят рублей тому, кто доставит властям целую корзину вместе с шаром. Желая получить премию, сотни окрестных мужиков устремились в леса. И в глухом бору новгородский крестьянин обнаружил тайную могилу... В нескольких верстах от шоссе на Петербург, между Бабинской и Чудовым, были зарыты девять безымянных трупов. Преступление так и не раскрыли.

В марте 1897 года в столице неожиданно объявилась Тистрова. Сыщик испугался. Он все же увидел то, что удивительная женщина давно собиралась ему показать... Перед отъездом из Вязников.

Вдруг сейчас сумасбродка придет в квартиру на Моховой? И скажет Варваре, что согрешила с ее мужем. От этой дамы можно было ожидать чего угодно! Но гостя вызвала сыщика в ресторан со службы посредством телефона.

Они поговорили, как старые приятели. Анна Яковлевна вступила в права наследства. Покойный муж-бандит оставил ей некоторый капитал. Кроме того, по секрету сказала женщина, она нашла в усадьбе тайник. Видимо, главарь держал там часть своей доли. В тайнике оказалось сорок пять тысяч рублей! И теперь богатая и красивая вдова готовилась покорить столицу. Лыков – случайное прошлое увлечение – интересовал ее как сведущий человек. Пришлось наставлять даму, ориентировать ее в петербургских джонглях. Алексей давал советы: где снять квартиру, какие модные спектакли смотреть, как войти в здешнее общество. И даже где прогуливаться в поисках жениха. Тистрова попыталась снова завлечь сыщика в свою постель. Тот мягко дал понять, что ему этого не надо. Анна Яковлевна оставила свои натиски, не обидевшись. И продолжила принимать советы.

Рецепты Лыкова помогли! Весной барыня подцепила на Крестовском острове пожилого вдового сенатора. Тот проживал в собственном крохотном домике, но зато тот домик стоял на Гагаринской набережной. Средства вдовы заинтересовали сановника, и характер ее понравился... Летом сыграли свадьбу.

Алексей сохранил хорошие отношения с бывшей вязниковской затворницей. В конце концов, она спасла ему жизнь! Приятели встречались по-дружески до самого тысяча девятьсот семнадцатого года...

СНОСКИ

См. книгу «Туркестан».

Нагара – пара глиняных горшков с затянутыми кожей отверстиями, туземные барабаны. Чыджак – струнный инструмент, изготавливается из пустого кокосового ореха и жил животных.

Установк а – витрина (устаревш. название).

ГЖУ – губернское жандармское управление.

Плата направлялась на устройство общепольного учреждения в память посещения императором Александром Третьим Баку.

Полное название: Особый секретный алфавитный список
разыскиваемых преступников.

ВВБ – вашему высокоблагородию.

В XIX в. писали и говорили, «заведывающий». – *Примеч. авт.*

Шланбой – место с подпольной продажей напитков.

См. книгу «Охота на царя».

Министру внутренних дел И. Л. Горемыкину.

Блатеркаин – скупщик краденого (*жарг.*)

Слам – украденные вещи (*жарг.*)

Аржентер и я – серебряные вещи.

Штымп – предполагаемая жертва ограбления (*жарг.*).

«Красный» – вор (*жарг.*).

Документ, выдававшийся проститутке вместо паспорта.

См. книгу «Между Амуром и Невой».

То есть за отсутствие документов (выражение того времени).

Кле – вещь (*жарг.*).

Полежалое – плата за хранение.

Чистяк – мошенник, действующий под видом торгового агента.

Сторожевой дом – здание со служебными квартирами для городских служащих.

Котлы – карманные часы (*жарг.*).

Ренсток и – ливневая канализация.

Сейчас сам павильон находится в г. Кулебаки Нижегородской области, в нем располагается краеведческий музей. Внутренняя дубовая отделка украшает помещения бывшей нижегородской городской думы на площади Минина.

Чин пятого класса – статский советник.

Поездушники – железнодорожные воры.

Гамбургский то вар – кожаные заготовки для сапог (голенища и головки).

Лесной кондуктор – начальник лесной стражи, объездчик – конный лесной стражник. Существовали государственная и частная службы охраны леса. В частных лесных владениях объездчики выполняли одновременно и функции егерей.

Увольнение по третьему пункту – без прошения, по распоряжению начальства, за служебные проступки.

«Желудочная горечь» – настойка из лекарственных трав производства Шустова.

Письменные условия – трудовой договор.

Чембары – просторные шаровары, кожаные или замшевые.

Тамаша – праздник, развлечение.

См. книгу «Варшавские тайны».

См. рассказ «Дело молитовских отравителей» в книге «Хроники сыска».

22-й калибр – 5,6 мм.